

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
ООО «Этноконсалтинг»

О. О. Звиденная, Н. И. Новикова

**Удэгейцы:
охотники и собиратели
реки Бикин**

(Этнологическая экспертиза 2010 года)

Москва, 2010

УДК 504.062+639
ББК Т5 63.5
Зв 43

Ответственный редактор – академик РАН В. А. Тишков

Рецензенты:

В. В. Степанов – ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, кандидат исторических наук.

Ю. Я. Якель – директор Правового центра Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

*В оформлении обложки использованы фотографии
О. Звиденной, М. Нургалиевой, а также предоставленные
Электронным архивом Института этнологии и антропологии РАН*

О. О. Звиденная, Н. И. Новикова

Зв 43 Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). — М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010. — 154 с. : 16 илл.

ISBN 948-5-9234-0083-9

Монография написана на основании этнологической экспертизы, выполненной ООО «Этноконсалтинг» по лесному участку, предоставленному в аренду общине коренных малочисленных народов «Тигр» в Пожарском районе Приморского края. В ней анализируется состояние местного сообщества села Красный Яр, традиционное природопользование удэгейцев в прошлом и настоящем, социально-демографическая ситуация и вопросы занятости и безработицы, традиционные знания об окружающем мире и месте коренных народов в нем. В работе исследуются вопросы этнологической экспертизы и правовые основания ее проведения. В заключение предложены рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления, а также организациям коренных малочисленных народов по оптимизации принимаемых административных решений, правовых актов и обычно-правового регулирования традиционного природопользования и современного социально-экономического развития коренных малочисленных народов – удэгейцев Приморского края.

Книга адресована историкам, этнографам, социальным антропологам, юристам, активистам экологических движений и организаций коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также всем интересующимся культурой коренных малочисленных народов Приморского края.

ISBN 948-5-9234-0083-9

© О. О. Звиденная, Н. И. Новикова, 2010
© Институт этнологии и антропологии РАН, 2010
© ООО «Этноконсалтинг», 2010

Мы сами-то ничего не производим, мы нация собирательная, все собираем, собираем. Орехи не сажаем, ягоды не сажаем, зверей не растим, а собираем. Живем за счет природы.

Из полевых записей

Оглавление

Вместо предисловия. О сотрудничестве коренных народов и ученых.....	5
Введение.....	9
Глава 1. Среда обитания и определение коренных и местных сообществ в зоне осуществления проекта	24
Глава 2. Традиционный образ жизни и традиционные экологические знания удэгейцев.....	39
Глава 3. Современные формы традиционной хозяйственной деятельности.....	71
Глава 4. Социально-демографическая характеристика и проблемы занятости	98
Глава 5. Оценка влияния договора аренды лесного участка общиной «Тигр» и прогноз дальнейшего развития	117
Заключение. Выводы и рекомендации.....	129
Список источников и литературы.....	134
Приложения.....	139
Список приложений.....	146
Иллюстрации.....	147
Udege People – the Bikin River Hunters and Gatherers: 2010 ethnological report.....	163
Об авторах	163

Вместо предисловия

О сотрудничестве коренных народов и ученых

Читателям предлагается редкое, на сегодняшний день, исследование. Уникальность его заключается в первую очередь в том, что этнологическая экспертиза проводилась в отношении традиционной хозяйственной деятельности, планируемой в местах проживания удэгейцев в Пожарском районе Приморского края. Речь идет о собирательстве – заготовке, переработке и реализации пищевых лесных ресурсов и сборе лекарственных растений. Именно этим намерена заниматься территориально-соседская община коренных малочисленных народов «Тигр» на лесном участке, право на аренду которого она приобрела на аукционе в 2009 году.

Арендуемый участок леса находится на территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Приморского края, образованной решением Приморского краевого Совета народных депутатов в 1993 году. Здесь исторически проживают и ведут традиционный образ жизни удэгейцы, и ранее территория уже была предоставлена общине «Тигр», но не в аренду, а в пользование – для охоты. Большая ее часть имеет статус орехо-промысловой зоны, и она необходима общине для традиционного природопользования и проведения необходимых мероприятий по защите исконной среды обитания коренных малочисленных народов, проживающих на данной территории.

Ранее общиной был заявлен проект «Уменьшение влияния изменения климата посредством охраны крупных массивов девственных лесов реки Бикин». В рамках Международной инициативы по сохранению климата его согласились финансировать Министерство окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности Германии (BMU) и Германский Банк Развития (KfW). В течение трех лет община «Тигр» будет вносить арендную плату из денег, выделенных ими на проект. Впоследствии собирательство должно стать рентабельным, и община сможет самостоятельно нести финансовое бремя по аренде и другим расходам на данную территорию.

Главной задачей проекта является сохранение кедрово-широколиственных лесов Бикина от рубок, поэтому община сможет контролировать использование природных ресурсов и обеспечивать пожарную безопасность. Это очень важно, когда люди, которые веками осваивали эту территорию, где каждый с детства зна-

ет, что можно делать в тайге, а что под строгим запретом, могут сами планировать и осуществлять ее освоение и защиту.

Мы, коренные малочисленные народы, всегда жили и живем в гармонии с природой, потому что для всех нас она живая. Мы знаем, что каждое дерево, каждое растение имеет свое предназначение, и нарушать это нельзя. Брать можно лишь то и лишь столько, сколько необходимо для жизни. Именно благодаря такому природосообразному мировоззрению наша территория и сохранилась в первозданном виде и является ценной уже не только для нас, но и для мирового сообщества.

Выводы этнологической экспертизы, опубликованные в этом издании, подтвердили, что наши притязания на земли, где исконно проживали и осуществляли традиционное природопользование удэгейцы, справедливы. Научно доказано, что если данную территорию для такого же вида пользования предоставят не малочисленным народам, то последствия будут непредсказуемыми и скорее всего негативными, как, собственно, уже и было в период ее освоения при советской власти. Сейчас допустить этого нельзя. Местное население полностью зависит от ресурсов тайги, и хищническое использование ее богатств, такое как рубки леса, сбор ореха запрещенными законом способами, например с помощью срубания макушек кедра, или сбор коры амурского бархата в неподходящее время приводят к истощению ресурсов и подрывают основу жизнеобеспечения местного населения. Охота, рыбалка, собирательство – это то, на чем мы строим свою жизнь, благодаря чему сохраняется наша культура и традиции. Сейчас у нас появилась возможность применить свои знания и умения, занимаясь тем, к чему мы привыкли, и достойно при этом обеспечивать свои семьи.

Исследование, которое проводилось учеными в поселениях Красный Яр и Олон, показало, в первую очередь нам самим, что живы наш образ жизни и наша культура. Ничто не утрачено, и аренда лесного участка для собирательства, безусловно, поможет не только сохранению традиционного образа жизни, но и социально-экономическому развитию местного населения.

Надеюсь, что опыт этой экспертизы будет способствовать развитию института этнологической экспертизы в России, а ее выводы – учитываться органами власти всех уровней при принятии решений, касающихся земель и ресурсов, исконно используемых коренными малочисленными народами Приморского края, а также при образовании особо охраняемой территории традиционного природопользования федерального значения «Бикин».

Хочу поблагодарить всех, кто содействовал реализации Бикинского проекта, проведению данного исследования и его публикации, в том числе:

- сотрудников проекта «Уменьшение влияния изменения климата посредством охраны крупных массивов девственных лесов реки Бикин»;
- Амурский филиал WWF – России и лично его руководителя Юрия Дармана;
- сотрудников ООО «Этноконсалтинг» Оксану Звиденную и Наталью Новикову;
- членов общины «Тигр» и жителей поселений Красный Яр, Олон и Ясенево, принявших участие в опросах этнографов.

Всего доброго,

Владимир Ширко, президент Ассоциации коренных малочисленных народов Приморского края, председатель совета территориально-соседской общины «Тигр»

Введение

Этнологические экспертизы все больше становятся фактом общественного сознания в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Обычно они проводятся для того, чтобы определить степень допустимости техногенного воздействия либо меру нанесенного ущерба. Мы имели уже определенный опыт таких прикладных исследований, когда возникла необходимость проведения этнологической экспертизы по лесному участку, предоставленному в аренду общине коренных малочисленных народов «Тигр», на территории Пожарского района Приморского края. Для нас эта работа была особенно интересна, так как ее инициатором наряду с Амурским филиалом Всемирного фонда дикой природы стали объединения удэгейцев. Они активно участвовали в ее проведении и действительно были нашими партнерами. Кроме того, было важно и любопытно посмотреть, как на жизнь коренных народов и всего местного сообщества села Красный Яр повлияет юридическое оформление права аренды на участок леса, который планируется использовать для сбора лекарственных и пищевых ресурсов. Не секрет, что и аборигены, и другие люди не часто задумываются о влиянии права на их жизнь, на хозяйственную деятельность, социальные отношения, культуру и повседневность. В ходе этой работы создавалась возможность узнать мнение на этот счет широкого круга лиц. Большой интерес представляет продолжение полевых исследований и организация мониторинга ситуации и деятельности общины в новых условиях, и мы надеемся, что такие работы будут проводиться в Приморском крае и в будущем.

Определение и правовые основания проведения этнологической экспертизы уже неоднократно описаны, в том числе и в наших работах, и хорошо известны специалистам. Мы позволили себе включить эти материалы в данный раздел, так как книга рассчитана не только на ученых, но и на тех людей, которые стали ее героями. Мы думаем, что эти сведения будут им полезны и помогут в дальнейшем более активно участвовать в управлении ресурсами уссурийской тайги, а значит, и в решении жизненно важных для них вопросов.

***

Понятие этнологическая экспертиза появилось в российской правовой системе в 1999 г. в законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»: «этнологическая

экспертиза — научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса». Ее результаты обычно представляются в виде экспертного заключения о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов.

Данная экспертиза осуществлялась как исследование и прогнозирование ситуации юридического закрепления права аренды общины коренных малочисленных народов Севера на участок леса для заготовки пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений. Проведение этнологической экспертизы было одним из требований к проведению конкурса при выделении участков. Материалы результатов исследования планируется сделать частью плана лесопользования, поэтому во время его проведения большое внимание было уделено традиционным знаниям удэгейцев о лесе, охоте, их наблюдениям за различными объектами животного мира, методам традиционного ухода за лесом, его сохранения. Материалы этнологической экспертизы будут использоваться при разработке типового Проекта освоения лесов для заготовки пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений. Данная экспертиза представляет собой инновационное экспертное исследование, так как проводилось оно вместе с общиной «Тигр» и в соответствии с ее целями традиционного природопользования.

Целями исследования являлись: проведение этнологической экспертизы с мониторинговым изучением социально-культурного, социально-демографического состояния групп коренного населения; выявление допустимости (недопустимости) воздействия намеченной деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов; выработка предложений и рекомендаций для оптимизации хозяйственной деятельности.

Этнологическая экспертиза была осуществлена ООО «Этноконсалтинг» согласно техническому заданию, сформулированному заказчиком:

1. Описание исконной среды обитания в зоне реализации и зоне прямого и косвенного воздействия проекта намечаемой хозяйственной деятельности.

2. Определение коренных и местных сообществ, общин и иных объединений малочисленных народов, интересы которых могут быть затронуты при реализации проекта намечаемой хозяйственной деятельностью.

3. Социально-демографическая характеристика данных малочисленных народов.

4. Описание традиционного образа жизни малочисленных народов, зафиксированного до осуществления намечаемой деятель-

ности, в зоне реализации и зоне прямого и косвенного воздействия проекта и особенности этнопсихологической оценки его воздействия.

5. Описание видов традиционной хозяйственной деятельности (основные, локальные), включая сведения о занятости малочисленных народов; занятости по видам традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов; численность работающих в традиционных отраслях и предприятиях; статистические данные по изменению видов традиционной хозяйственной деятельности.

6. Определение и исследование наиболее уязвимых локальных этнокультурных групп и территорий.

7. Определение и оценка возможных изменений в традиционном образе жизни малочисленных народов и местного населения при воздействии намечаемой хозяйственной деятельности, в том числе оценка влияния на состояние культурных, исторических, религиозных и культовых ценностей.

8. Оценка культурных последствий воздействия на священные места (при их обнаружении) намечаемой хозяйственной деятельности.

9. Оценка потенциального воздействия намечаемой хозяйственной деятельности на факторы устойчивости развития этнокультурной среды данных малочисленных народов.

10. Оценка влияния реализации проекта намечаемой хозяйственной деятельности на климатические изменения (при получении таких данных от заказчика)

11. Общий прогноз развития этнодемографической, этносоциальной и этнокультурной ситуации (с учетом ее исходных данных) при реализации проекта намечаемой хозяйственной деятельности.

11. Разработка предложений и рекомендаций по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

12. Меры по предотвращению или снижению возможного негативного воздействия намечаемой хозяйственной или иной деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов и связанных с ними культурных, социальных, экономических, этнологических, экологических и иных последствий реализации намечаемой деятельности.

13. Заключение, выводы, рекомендации. В заключении должны содержаться обоснованные выводы о допустимости (недопустимости) воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов намечаемой хозяйственной деятельности, условия реализации деятельности, рекомендации по реализации намечаемой хозяйственной деятельности.

Для выполнения этих задач было проведено полевое этнографическое исследование в с. Красный Яр с 6 августа по 19 сентября 2009 г. [ПМ 2009]. При написании книги использовались также полевые материалы О. О. Звиденной 2007 и 2010 гг. [ПМ 2007; ПМ 2010]¹.

Методами исследования были включенное наблюдение, опросы и интервью, причем особое значение придавалось экспертным интервью. Информантами по рассматриваемым проблемам выступали работники администраций муниципальных образований, руководители производственных объединений, в которых аборигены составляют значительную часть работников, и сами охотники и рыбаки. Были записаны также интервью с активистами и руководителями Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Приморского края.

Важными источниками для представленных выводов послужили нормативные документы Российской Федерации и Приморского края, материалы оперативной статистики администрации Краснояровского сельского совета, общины коренных малочисленных народов «Тигр». При написании заключения экспертизы использовалась этнографическая, естественнонаучная и историческая литература, материалы архива Общества изучения Амурского края (г. Владивосток). Авторы широко использовали книгу бикинского удэгейца из с. Красный Яр А. А. Канчуги «Автобиографическая повесть: Детство. Юность. Охотничьи рассказы». Кн. 1–3 (Под ред. Тосиро Цумагари. Изд. Филологический факультет Университета Хоккайдо. Саппоро, 2003).

История вопроса

Вопросы этнологической экспертизы обсуждаются в научной литературе и практике уже в течение длительного времени. Первоначально сложилось представление об этноэкологической экспертизе — как о комплексе стандартизированных научных исследований, направленных на оценку возможных этносоциальных последствий управленческой деятельности. Главными целями такой экспертизы провозглашались предупреждение распада общности населения и сохранение этнокультурной среды, поддерживающей эту общность. Наиболее полная характери-

---

¹ ПМ 2009 – Полевые материалы, с. Красный Яр, дневники, 2009; ПМ 2007 – Полевые материалы из личного архива Звиденной О. О., собранные в июле 2007 г. в экспедиции к самаргинским удэгейцам п. Агзу; ПМ 2010 – Полевые материалы из личного архива Звиденной О. О., собранные в феврале 2010 г. в экспедиции к бикинским удэгейцам с. Красный Яр.

ка этого подхода содержится в работах сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, проводящих исследования в основном по этноэкологии и демографии в различных районах нашей страны с конца 1980-х годов [Степанов 1999: 61–128; 2001: 241–260; 2006: 79–108]. Близки к этому подходу и предложения выделять этнополитическую, этноэкологическую, этносоциальную и т. п. экспертизы [Ямсков 2006: 10–62].

Другое направление экспертизы — как этнологического мониторинга — разработано В. А. Тишковым в рамках проекта «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», эксперты которого проводят исследования по 46 условным индикаторам [Тишков, Степанов 2004: 15–16].

В отношении коренных малочисленных народов этнологическая экспертиза имеет еще более длительную историю. В 1955 г. в Институте этнологии и антропологии РАН был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера, позднее переименованный в сектор Крайнего Севера и Сибири. Сотрудники занимались как фундаментальными, так и прикладными исследованиями. Ученые работали во взаимодействии с Комиссией по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР, и данные, полученные во время полевых этнографических исследований, регулярно представлялись в Совет Министров РСФСР. В те годы так называемые «докладные записки» имели закрытый характер, их результативность зависела от многих, подчас субъективных обстоятельств [Этнологическая экспертиза 2004: 5–6]². Тем не менее благодаря этой работе удавалось привлечь внимание органов государственной власти к наиболее острым проблемам положения народов Севера. Такая практика существовала до 1994 г. В определенной степени роль гуманитарной экспертизы играли и независимый экспертный доклад «Современное положение и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», и выпускаемая Институтом этнологии и антропологии РАН серия работ «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»³, часть которых также посвящена коренным народам Севера.

Большое место занимает этнологическая экспертиза в деятельности и публикациях Ассоциации коренных малочисленных

---

² К настоящему времени опубликовано 5 выпусков на основе таких докладных записок: Этнологическая экспертиза. Народы Севера России // Под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. 1956–1958 годы. М., 2004; 1959–1962 годы. М., 2005; 1963–1980 годы. М., 2006; 1981–1984 годы. М., 2006; 1985–1994 годы. М., 2007.

³ К настоящему времени опубликовано более 200 выпусков.

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. По инициативе ее регионального подразделения «Ямал потомкам» в 2002 г. была проведена широкомасштабная экспертиза в Ямало-Ненецком автономном округе [Опыт проведения этнологической экспертизы...].

Ассоциация предлагает следующие правовые основания проведения государственной этнологической экспертизы: часть в законе о государственной экологической экспертизе, специальный закон и, наконец, международные документы [«Этнологическая экспертиза» в России и международные стандарты: 25–26]. Согласно статье 8 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» коренные малочисленные народы имеют право участвовать в проведении экологической и этнологической экспертизы. Это положение содержится в статье, посвященной правам этих народов, что свидетельствует о его важности для законодателя.

Участие коренных народов в таких исследованиях может рассматриваться их организациями как форма и средство самоуправления, поэтому требование проведения этнологической экспертизы неслучайно выдвигается ими при возникновении конфликтных ситуаций, например на Сахалине или в связи с территорией вокруг озера Нумто в Ханты-Мансийском автономном округе. Организации коренных малочисленных народов Севера и отдельные активисты в Ямало-Ненецком автономном округе также считают необходимым проведение экспертизы и мониторинга состояния этих народов в районах промышленного освоения и выдвигают это требование в процессе согласования порядка реализации проектов.

Коренные народы и их организации могут участвовать в этнологической экспертизе в различных формах. Кроме инициирования ее проведения они могут работать вместе с экспертами по ее осуществлению или иметь возможность контролировать ход экспертизы или полученные результаты. Вместе с тем многообразие интересов народов и групп в современных условиях создает дополнительные проблемы при проведении таких исследований и формулировании рекомендаций. Чтобы минимизировать трудности, которые связаны с участием коренных народов в этнологической экспертизе, авторы в качестве консультантов привлекли авторитетных деятелей аборигенного движения, а также использовали их возможности при установлении первоначальных контактов с информантами.

В некоторых субъектах Федерации, в частности Республике Саха и Сахалинской области приняты специальные правовые

документы об этнологической экспертизе⁴. В России опыт проведения этнологических экспертиз в отношении коренных малочисленных народов Севера еще невелик, тем не менее авторы уже участвовали в подобных проектах в различных регионах Севера и Дальнего Востока. В последние годы в организации таких прикладных исследований участвует Этноконсалтинг, учрежденный при Институте этнологии и антропологии РАН⁵.

Почему этнологическая экспертиза должна проводиться в первую очередь именно для коренных малочисленных народов Севера

В Российской Федерации, как уже указывалось, этнологическая экспертиза как часть правовой системы появилась в законодательстве о коренных малочисленных народах. Это соответствует как международному праву, так и российской Конституции. В действующем российском законодательстве этнологическая экспертиза представлена скорее как возможность, а не обязанность, а в таких условиях чрезвычайно важным фактором является общественное мнение. Для изменения законов в пользу прав коренных народов потребуется еще очень большая работа. Право на этнологическую экспертизу может рассматриваться как реализация права на культурную самобытность и возможность управления культурным многообразием, а также как создание равных возможностей для развития культур всех народов страны.

Именно в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также представителей других народов, которые ведут такой же образ жизни, должна поводиться

---

⁴ Закон Сахалинской области «О внесении изменений в Закон Сахалинской области “О правовых гарантиях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области”» № 90-ЗО от 19.10.2007;

Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 г. 820-З № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)».

⁵ Этнологическая экспертиза Плана содействия развитию коренных малочисленных народов севера Сахалина [Обзор документации проекта «Сахалин-2...»].

Этнологическая экспертиза и мониторинг потенциального техногенного воздействия промышленных объектов на коренные малочисленные народы Севера Ямалского и Тазовского районов ЯНАО. Работы проводились в рамках комплексной экспедиции Научного центра профилактического и лечебного питания ТюмНЦ СО РАМН / Т. Н. Василькова, А. В. Евай, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова. Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики: этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе (в печати).

этнологическая экспертиза. В Российской Федерации в течение длительного времени складывалась практика наделения особым статусом именно этих народов, что представляется вполне оправданным. Аналогичные народы выделяются во всем мире, они относятся к коренному населению территорий своего проживания и, что не менее важно, ведут особый образ жизни, особое традиционное природопользование, которое в России включает охоту, рыболовство, сбор дикоросов, оленеводство. Исторически проживая в районах Севера и Сибири, они выработали механизмы неистощительного использования природных ресурсов, а также социальные нормы — обычное право — которые позволяли им в прошлом, а в некоторой степени позволяют и теперь устанавливать отношения добрососедства с окружающими их народами. Для коренных малочисленных народов характерны обычаи, праздники и религиозные ритуалы, направленные на максимальное сохранение окружающей их природы. Правовые обычаи этих народов дают возможность не только разрешать конфликты, возникающие в их среде, но и развивать отношения с другими народами, с организациями, занимающимися промышленным развитием территорий их традиционного расселения. Очевидно, что у населения, работающего в лесной, нефтяной, газовой и некоторых других отраслях промышленности, складываются иные, чем у аборигенов, формы и методы использования природных ресурсов. Кроме того, государство строит свою социальную политику чаще всего исходя из интересов большинства. Развитие инфраструктуры, градостроительная деятельность, организация здравоохранения и образования направлены на унификацию населения, осуществляются на основе общих стандартов и не учитывают особенностей расселения и проживания коренного населения, ведущего традиционный образ жизни. При проведении этнологической экспертизы будет возможно в большей степени уделить внимание традиционным знаниям и ценностям этих народов и создать действенный механизм учета их мнения по поводу выполнения того или иного проекта.

В России, пока не принят специальный закон об этнологической экспертизе, создается уникальная возможность накопления опыта в ее проведении. Этот процесс не регламентируется юридически, в каждом конкретном случае эксперты создают свою программу. Анализ самих экспертиз и мониторинг ситуации в процессе и после осуществления проектов дает возможность оценить их эффективность и предложить более действенные механизмы участия коренных малочисленных народов Севера в со-управлении. Особый интерес представляет этнологическая экспертиза проектов, связанных с реализацией коренными народами их прав на природные возобновляемые ресурсы, как в данном случае. Именно на примере таких

исследований можно показать непосредственную зависимость социальной организации, культуры коренных малочисленных народов от природных ресурсов и состояния окружающей среды. Не теряют своей актуальности и проблемы традиционного природопользования удэгейцев, этих типичных лесных жителей. Продолжающаяся в течение многих лет борьба за уссурийскую тайгу, леса в бассейне реки Бикин не только сформировала у них новые формы самоорганизации, но и помогла им осознать значение этнической культуры, языка, традиционных ремесел и декоративно-прикладного искусства в современном мире. Это привело к появлению и развитию новой формы традиционной экономики – спортивного, экологического и этнического туризма. Дальнейшие исследования локальных групп коренных малочисленных народов Севера, таких как бикинские удэгейцы, в сотрудничестве с ними, будут способствовать гармонизации межэтнических отношений в крае, решению социальных проблем и росту благосостояния коренных малочисленных народов.

Правовые основания проведения этнологической экспертизы и мониторинга состояния коренных малочисленных народов Севера в районах осуществления проектов

Международное право исходит из того, что права коренных народов связаны с обеспечением им доступа к определенным территориям, которые как сами по себе, так и находящиеся на них ресурсы составляют основу жизнеобеспечения: «Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования» [Международный пакт о гражданских и политических правах. Ст. 1].

В 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах коренных народов, в которой сформулированы наиболее общие положения, характеризующие идеальные нормы для национальных государств, где проживают коренные народы.

В Декларации о правах коренных народов подчеркивается их роль в осуществлении контроля над принятием решений, ведении хозяйственной деятельности и т.п.

Статья 19.

Государства добросовестно консультируются и сотрудничают с заинтересованными коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их полным, предварительным и осознанным согласием, прежде чем принимать и осуществлять законодательные или административные меры, которые могут их затрагивать.

Статья 25.

Коренные народы имеют право поддерживать и укреплять свою особую духовную связь с традиционно принадлежащими им

или иным образом занятыми или используемыми ими землями, территориями, водами и морскими прибрежными водами, а также другими ресурсами и нести свою ответственность перед будущими поколениями в этом отношении.

Статья 26.

1. Коренные народы имеют право на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, которые они традиционно занимали или иным способом использовали или приобрели.

2. Коренные народы имеют право иметь в собственности, использовать, разрабатывать или контролировать земли, территории и ресурсы, которыми они обладают в силу традиционного владения или другого традиционного занятия или использования, а также те, которые они приобрели иным образом.

3. Государства обеспечивают юридическое признание и защиту таких земель, территорий и ресурсов. Такое признание осуществляется с должным уважением к обычаям, традициям и системам землевладения соответствующих коренных народов.

Статья 27.

Государства устанавливают и осуществляют совместно с заинтересованными коренными народами справедливый, независимый, беспристрастный, открытый и транспарентный процесс с должным признанием законов, традиций, обычаев и систем землевладения коренных народов для признания и юридического подтверждения прав коренных народов, относящихся к их землям, территориям и ресурсам, включая те, которыми они традиционно владели или которые они иным образом занимали или использовали. Коренные народы имеют право участвовать в этом процессе.

Статья 28.

1. Коренные народы имеют право на возмещение при помощи средств, которые могут включать в себя реституцию или, когда это не представляется возможным, справедливую и сбалансированную компенсацию в отношении земель, территорий и ресурсов, которыми они традиционно владели или которые они иным образом занимали или использовали и которые были конфискованы, отчуждены, заняты, использованы или которым был нанесен ущерб без их свободного, предварительного и осознанного согласия.

2. Если с соответствующими народами не имеется добровольно достигнутой договоренности об ином, такая компенсация предоставляется в форме земель, территорий и ресурсов, равноценных по своему качеству, размеру и юридическому статусу, или в форме денежной компенсации или другого соответствующего возмещения.

Статья 29.

1. Коренные народы имеют право на сохранение и охрану окружающей среды и производительной способности их земель или

территорий и ресурсов. Государства создают и осуществляют программы помощи для коренных народов в целях обеспечения такого сохранения и охраны без какой-либо дискриминации.

Статья 32.

1. Коренные народы имеют право определять приоритеты и разрабатывать стратегии освоения или использования своих земель или территорий и других ресурсов.

2. Государства добросовестно консультируются и сотрудничают с заинтересованными коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их свободным и осознанным согласием до утверждения любого проекта, затрагивающего их земли или территории и другие ресурсы, особенно в связи с освоением, использованием или разработкой их полезных ископаемых, водных или других ресурсов.

Для характеристики принципиальных подходов к проведению этнологической экспертизы может быть также использована Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Так, согласно пункту 3 статьи 7 Конвенции 169 МОТ *«При необходимости правительства в сотрудничестве с соответствующими народами обеспечивают проведение исследований для оценки влияния на них планируемой деятельности с целью развития в ее социальном, духовном и культурном аспекте, а также в аспекте окружающей среды. Результаты этих исследований рассматриваются как основные критерии осуществления такой деятельности»*. Фактически эта статья говорит о необходимости проведения этнологической экспертизы.

Таким образом, в данных документах предполагаются процедуры согласования любой деятельности, которая затрагивает интересы коренных народов. Такое согласование, осознанное и информированное участие коренных народов в принятии решений может рассматриваться как одна из форм их самоуправления и со-управления. Этим же целям служит и этнологическая экспертиза.

В 1992 г. ООН была принята Конвенция о биологическом разнообразии, которая предусматривает обязанности государств-участников в области сохранения и поддержания традиционных знаний и практик коренных народов, имеющих значение для сохранения биологического разнообразия. Для Российской Федерации Конвенция вступила в силу 4 июля 1995 г.

Результатом работы Конференции по этой конвенции стала разработка Добровольных руководящих принципов Агуэй-гу проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или исполь-

зуемых местными и коренными общинами. Этот документ допускает возможность объединения оценок культурных, экологических и социальных последствий в единый процесс. Оценка культурных последствий предполагает «возможное воздействие на непрерывное обычное использование биологических ресурсов; возможное воздействие на уважение, сохранение, охрану и поддержание традиционных знаний, нововведений и практики; возможные последствия на места расположения святынь и связанные с ними ритуалы и обряды; уважение потребности в уединении для целей, связанных с культурой; возможное воздействие на осуществление обычного права» [цит. по: «Этнологическая экспертиза»: 78–91].

Определенным эталоном политики взаимодействия промышленных компаний и коренных народов стали документы Всемирного Банка. Хотя сама политика Всемирного Банка и не всегда соответствует этим стандартам, они могут рассматриваться как ориентиры при проведении этнологической экспертизы. Политика банка в отношении коренных народов регламентируется документом «Операционная директива 4.10. – Коренные народы», который содержит требования к оценке воздействия проектов любой деятельности, осуществляемых на территории традиционного проживания коренных малочисленных народов. Документы Всемирного Банка предназначены для его сотрудников и не претендуют на рассмотрение данного вопроса в полном объеме.

В настоящее время на основании этих документов Всемирного Банка разрабатывается концепция политики Европейского Банка реконструкции и развития в отношении коренных народов. В ней содержатся четкие требования при осуществлении проектов, потенциально затрагивающих интересы коренных народов, проводить оценку их воздействия на коренные народы. Документы Банка предусматривают обращения с запросами к «опытным независимым специалистам по социальным вопросам». Разрабатывается процедура оценки воздействия до и во время реализации проекта в социальной, культурной (включая культурное наследие) и экологической сферах и планируемые меры по «i) предотвращению или смягчению неблагоприятного воздействия и ii) обеспечению получения выгод от проекта». Специально указывается, что экспертиза должна проводиться культурно приемлемыми для коренных народов методами.

Законодательство Российской Федерации

Правовую основу проведения этнологической экспертизы составляют законодательство Российской Федерации и ее субъектов, международные договоры и соглашения, а также решения, принятые гражданами на общих референдумах и в результате осуществления иных форм непосредственной демократии.

В 1993 г. статус коренных малочисленных народов Российской Федерации был впервые закреплен на конституционном уровне, когда государство гарантировало их права в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69). Особой компетенцией органов государственной власти были признаны «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (ст. 72). Применительно к рассматриваемому вопросу следует также учитывать конституционные нормы о том, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9) и о местном самоуправлении, которое осуществляется с учетом исторических и иных местных традиций (ст. 131). В последние годы приняты три федеральных закона, определяющие правовое положение этих народов: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2000 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001 г.).

Важнейшее значение при выработке подходов к проведению этнологической экспертизы имеет «Положение об оценке намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации», утвержденное Приказом от 16 мая 2000 г. № 372 Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды. В этом документе указывается: «Материалы по оценке воздействия на окружающую среду должны быть научно обоснованы, достоверны и отражать результаты исследований, выполненных с учетом взаимосвязи различных экологических, а также социальных и экономических факторов (принцип научной обоснованности, объективности и законности заключений экологической экспертизы)» (п. 2.6).

Основой проведения этнологической экспертизы является установление оснований, на которых будет строиться та или иная деятельность, затрагивающая права и законные интересы коренных народов. Но экспертиза это не только норма, но и процесс. Этнологическая экспертиза позволяет согласовать интересы сторон, минимизировать отрицательные последствия проектов развития, изменения природных и социально-экономических условий проживания коренных народов в современном мире, а в идеале и способствовать их устойчивому гармоничному развитию. В случаях же, аналогичных данному проекту, этнологи-

ческая экспертиза позволяет продемонстрировать положительные последствия осуществления проекта и сделать рекомендации по возможностям использования его результатов.

Несмотря на то что в законодательстве пока не разработаны механизмы проведения этнологической экспертизы, на практике она осуществляется. Такие экспертизы проводятся чаще всего по заказу промышленных компаний при возникновении конфликтов между ними и коренными народами. В этом случае компании получают рекомендации от экспертов, которые помогают им выработать правильную политику в отношении этих народов. В данном случае материалы показывают необходимость сохранения традиционного природопользования на исследуемой территории и недопустимости там промышленной деятельности, в первую очередь, проведения промышленных и иных рубок леса.

Правовые основания для выполнения этнологической экспертизы гарантированы Федеральным законом 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», где содержится определение этнологической экспертизы и описаны права этих народов на защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни. Отметим в первую очередь их следующие коллективные права: участвовать в осуществлении контроля над использованием земель различных категорий, необходимых для традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и добычей общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов; получать от органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов.

Этнологическая экспертиза и этнологический мониторинг в данном случае проводятся для выработки механизма осуществления этих прав, гарантированных федеральным законодательством.

Особую благодарность за содействие в организации и проведении этнологической экспертизы авторы выражают: Калугину Сергею Викторовичу, Канчуга Наталье Дмитриевне, Кудрявцеву Алексею Викторовичу, Погореленко Алексею Валентиновичу, Погореленко Людмиле Валентиновне, Ширко Владимиру Аркадьевичу, Якель Юлии Яковлевне.

Большую помощь в работе оказали жители с. Красный Яр: Богданова Галина Александровна, Вандалин Александр Геннадьевич, Вечерко Наталья Николаевна, Воропаев Александр, Геонка Иван Трофимович, Дункай Василий Иванович, Дункай Михаил Иванович, Каленчуга Петр Гамбоевич, Каленчуга Софья Петровна, Калугин Алексей Владимирович, Калугин Иван Викторович, Калугина Ирина Васильевна, Калугина Оксана Анатольевна, Калюнчуга Клавдия Санкуевна, Канчуга Александр Александрович, Канчуга Алексей Иннокентьевич, Канчуга Виктор Борисович, Канчуга Владимир Владимирович, Канчуга Галина Львовна, Канчуга Ефрем Александрович, Канчуга Ирина Евгеньевна, Канчуга Климент Александрович, Канчуга Мария Васильевна, Канчуга Руслан Николаевич, Канчуга Тимур Иннокентьевич, Канчуга Юрий Николаевич, Канчуга Яков Трофимович, Кравченко Михаил, Кузенкова Татьяна Николаевна, Кукченко Екатерина, Кукченко Екатерина Владимировна, Кукченко Игорь Алексеевич, Кялундзига Артем Андреевич, Кялундзига Наталья Александровна, Кялундзига Ольга Владимировна, Лесникова Дина Николаевна, Ли Раиса, Маргынова Светлана Леонидовна, Мороз Александр, Нагорный Владимир Андреевич, Начаркин Виктор Иванович, Начаркина Валентина Михайловна, Нехорошкова Елена Александровна, Пионка Алла Александровна, Пионка Наталья Николаевна, Пионка Раиса Леонидовна, Пионка Юрий Иванович, Рогов Иван, Сигде Ольга Николаевна, Сигдэ Александр Александрович, Симанчук Лидия Боучановна, Симанчук Павел Дмитриевич, Смирнов Евгений Вениаминович, Смирнова Александра Леонидовна, Смирнова Алиса Леонидовна, Смирнова Светлана Владимировна, Соловьева Надежда Ивановна, Суанка Галина Ивановна, Суляндзига Василий Батанеевич, Суляндзига Лев Васильевич, Сун Виктор Владимирович, Сун Владимир Александрович, Сундига Роза Николаевна, Сундига Татьяна Викторовна, Терещенко Валерия Геннадьевна, Уза Александр Юрьевич, Уза Алексей Лауланович, Уза Анатолий Анатольевич, Уза Галина Ильинична, Уза Дмитрий Геннадьевич, Уза Екатерина Федоровна, Уза Леонид Васильевич, Уксуменко Александр Николаевич, Ушаков Василий Владимирович, Ушакова Галина Николаевна, Чеузова Нина Федоровна, Ширко Аркадий Егорович, Ширко Тамара Александровна.

Ценные консультации при проведении этнологической экспертизы авторы получили от сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН д.и.н., профессора А. Ф. Старцева и заведующего отделом этнографии, этнологии и антропологии, д.и.н., профессора С. В. Березницкого, а также заведующей лабораторией Центра по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН д.б.н., профессора О. В. Смирновой.

Глава 1

Среда обитания и определение коренных и местных сообществ в зоне осуществления проекта

В Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» содержится определение понятия «исконная среда обитания малочисленных народов» как исторически сложившегося ареала, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни. Согласно этому определению в экспертизе дается описание исконной среды обитания.

Бассейн реки Бикин – это один из стержневых элементов целостной геоэкосистемы Сихотэ-Алиня, включающей бассейновые природные комплексы ее центральной части. Нарушение одного из элементов этой системы может повлечь необратимые изменения не только экологического баланса, но и социально-культурного ландшафта. На базе природных ресурсов реки Бикин исторически формировался уникальный культурно-хозяйственный комплекс удэгейцев, нанайцев и орочей, отличительными особенностями которого являлась его тесная связь с природой и зависимость от среды обитания.

Река Бикин – один из крупнейших притоков Уссури и часть макросистемы Сихотэ-Алиня. Длина Бикина 560 км, площадь водосбора 22 300 км. Речная сеть бассейна хорошо развита, в ней насчитывается 4962 отдельных водотока, из которых 4713 имеют длину менее 10 км. Наиболее крупные притоки: Алчан (длина 170 км), Контровод (49 км), Сахалинка (57 км), Змеиная (85 км), Ключевая (97 км), Светловодная (78 км), Зева (139 км) [Паничев 2005: 10]. Многие гидронимы бикинских притоков имеют старые удэгейские названия: Сахалинка – *Малый Силан*, Змеиная – *Канихеза*, Ключевая – *Бак(и)елаза*, Светловодная – *Улунга* и др.

В верхней части речного бассейна преобладает среднегорный рельеф. В нижнем течении рельеф речной долины равнинный, пониженные участки заняты обширными осоково-вейниковыми болотами. Около 90% поверхности речной долины покрыто лесом. Основные площади безлесных участков находятся в нижней трети бассейна.

«Ширина реки в верховьях – 25–60 м, глубина – 06–09 м, течение бурное, порожистое. Скорость течения 1,8–2,5 м/с. В низовьях ширина русла достигает 110–140 м (наибольшая – 210 м), глубина реки – 2–3 м (наибольшая – 7 м, в отдельных ямах – до 15 м), течение спокойное. Дно русла песчано-галечное. В питании реки преобладают дождевые воды, сток талых вод составляет около 20% годового объема. В течение всего теплого периода на реке проходит до 7 паводков, наибольшие из них наблюдаются в июле и сентябре. Замерзает река в конце ноября – начале декабря. Средняя продолжительность ледостава 140–145 дней. Вскрытие реки происходит в середине апреля» [Там же].

Бассейн реки богат природными ресурсами, важнейшими из которых являются леса. От их состояния зависят биологическое разнообразие региона и образ жизни коренных малочисленных народов Севера, проживающих здесь. Помимо разнообразия, отличительной особенностью бассейнового комплекса является хорошая сохранность лесных массивов, они мало затронуты хозяйственной деятельностью человека. Редкая сохранность большей части природного комплекса бассейна Бикина обеспечена несколькими обстоятельствами. Во-первых, удаленность и труднодоступность территорий, а также относительно короткий период освоения территории Сихотэ-Алиня. Во-вторых, постоянное проживание и щадящее пользование природными ресурсами коренного населения.

Основная часть экспертируемого лесного участка, входящего в территорию традиционного природопользования удэгейцев – орехово-промысловая зона (далее ОПЗ), расположена в средней части бассейна р. Бикин. Другая, меньшая часть этой территории имеет статус водоохраной и нерестозащитной зоны (*Приложение 1*). ОПЗ является самой большой не только в Приморье, но и на всем Дальнем Востоке. Ее особенностью является редкое биоразнообразие. Этот значительный массив кедрово-широколиственных лесов не утратил своего первичного состояния равновесия и природного богатства и остается зоной большого количества реликтовых растений и редких видов животных, сохранив при этом социально-экономическую функцию угодий традиционного природопользования коренного населения.

ОПЗ имеет лесистость 99%. Основными лесобразующими породами здесь являются кедр – 44%, ель – 38%, береза желтая – 9%, лиственница – 4%, береза белая – 3%. [Демографические, экономические... 1994: 138].

Из пяти категорий лесных территорий, различающихся по уровню ресурсной емкости, с учетом типов и видов лесных ресурсов, территория ОПЗ относится к природному комплексу

с максимальной ресурсной емкостью, как по разнообразию, так и по размеру. Здесь насчитывается более 20 типов и 150 видов пищевых и лекарственных лесных ресурсов. Небольшие участки зоны включают еще один комплекс пониженной ресурсной емкости – лиственные и вторичные мелколиственные леса. В среднем течении это багульниковые лиственничники (кв. 126 Красноярского лесничества) с участком голубичника более 100 га, а также массивы мелколиственных лесов, перспективных в плане ягодных и грибных ресурсов [Паничев 2005: 73].

Богатство растительности и соответствующее ей обилие кормовых ресурсов определяют видовое многообразие обитающих здесь млекопитающих (36 видов). Это изюбр, лось, кабарга, кабан, гималайский и бурый медведь, тигр, харза, россомаха, соболь, американская норка, барсук, белка маньчжурская и летяга Арсеньева, колонок дальневосточный, лесной кот и другие. На протяжении длительной истории многие из этих видов являются основными промысловыми объектами традиционной охоты удэгейцев.

Разнообразна и уникальна орнитофауна, в ее составе сочетаются виды, характерные для темно-таежных и смешанных кедрово-широколиственных лесов. Велико общее число пролетных и постоянно гнездящихся птиц. Из них наиболее характерны даурский и черный журавли, чешуйчатый крохаль, мандаринка, скопа, орлан-белохвост, черный коршун, хохлатый осоед, рыбный филин, амурский рябчик, рябчик-дикуша, каменный глухарь, лесной каменный дрозд, синяя мухоловка, дубонос и сорокопуд [Шибнев 2004: 129]. На рассматриваемой территории находятся наиболее удаленные нерестилища лососевых бассейнов реки Уссури.

Некоторые виды позвоночных животных, такие как амурский тигр, лесной кот, дикуша, черный аист, чешуйчатый крохаль, скопа, орлан-белохвост, рыбный филин, занесены в Международную Красную книгу и Красную книгу России. До 1998 г. в этом списке был и гималайский медведь. Эти животные, за исключением гималайского медведя и амурского тигра, к которым у удэгейцев особое отношение, никогда не относились к объектам охотничьего промысла коренных народов. Снижение численности гималайского медведя и тигра, а также некоторых других видов явилось результатом освоения и притока в край большого количества населения из разных регионов страны, а также следствием недостаточного государственного контроля и нарушений природоохранного законодательства.

Ресурсы, традиционно используемые коренным населением на разных этапах истории, были вовлечены в хозяйственный оборот в разном объеме. До революции специальные заготовки не

велись, весь промысел осуществлялся только для поддержания жизнедеятельности семей. Самые значительные по объему заготовки начались во времена госпромхозов и социалистической плановой экономики. В настоящее время промысел на этой территории ведется в малом объеме. Пищевые ресурсы используются всего на 5–7% от существующего разнообразия видов. Лекарственные, ягодные, технические и другие ресурсы используются еще меньше [ПМ 2009: материалы общины «Тигр»].

Определение коренных и местных сообществ в зоне влияния проекта

Район проведения этнологической экспертизы, согласно распоряжению Правительства Российской Федерации (от 8 мая 2009 г. № 631-р), является местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Ранее в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации (от 11 января 1993 г. № 22) «О перечне районов проживания малочисленных народов Севера» (с изменениями на 23 января 2000 г.) он также являлся местом проживания коренных малочисленных народов Севера: удэгейцев, нанайцев, орочей, эвенков. Они компактно расселены в селе Красный Яр и поселках Олон и Охотничий Краснояровского сельсовета, на территории, которая имеет статус территории традиционного природопользования регионального значения, согласно Постановлению Главы Администрации Приморского края №165 от 11.06.1992 г. «О территориях традиционного природопользования малочисленных народов, проживающих в Пожарском районе».

Названные народы являются коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока и входят в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации (в ред. постановлений Правительства РФ от 13.10.2008 № 760, от 18.05.2010 № 352, от 17.06.2010 № 453).

При определении коренных малочисленных народов Севера для целей данной экспертизы исследователи руководствовались определением федерального законодательства. Согласно ст. 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» коренные малочисленные народы Российской Федерации – это народы, проживающие в местах традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Коренное население, проживающее на территориях, затрагиваемых действием проекта, полностью отвечает определению российского законодательства. Согласно ст. 3 данного закона (в ред. Федерального закона от 05.04.2009 № 40-ФЗ) определены группы лиц, на которых распространяется действие законодательства о коренных малочисленных народах:

1. Действие настоящего Федерального закона распространяется на лиц, относящихся к малочисленным народам, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционное хозяйство и занимающихся традиционными промыслами.

2. Действие настоящего Федерального закона распространяется также на лиц, которые относятся к малочисленным народам, постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов и для которых традиционное хозяйство и занятие традиционными промыслами являются подсобными видами деятельности по отношению к основному виду деятельности в других отраслях народного хозяйства, социально-культурной сфере, органах государственной власти или органах местного самоуправления.

3. Положения настоящего Федерального закона могут распространяться на лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации.

При этом действие указанного Федерального закона распространяется как на тех, так и на других лиц из числа коренных малочисленных народов без установления каких-либо различий в их правовом положении.

Применительно к условиям Приморского края традиционный образ жизни коренных малочисленных народов определяется охотой, рыболовством, собирательством и заготовкой пищевого, лекарственного и технического сырья, именно эти виды традиционного природопользования и составляют основу жизнеобеспечения коренных народов, проживающих в поселениях Красноярского сельского совета. Более того, фактически все местное сообщество, ведущее такой же, как коренные народы, образ жизни, может быть определено как коренное население рассматриваемых поселков.

Общая численность жителей трех поселений Красноярского сельского совета по сведениям на 2009 год составляет 690 человек, из них 80% составляют представители коренных малочисленных

народов. Большую часть изучаемого населения составляют удэгейцы – 77%; нанайцы составляют 20%; орочи – 1,8% и совсем незначительную часть составляют эвенки – 1%.

Проживающие в районе экспертизы народы ведут схожий образ жизни и занимаются традиционным природопользованием (охота, рыболовство, сбор дикоросов), имеют общность культурно-бытовых черт и духовной культуры, поэтому для целей экспертизы этнические различия не имеют большого значения. Все население Краснояровского поселения живет за счет ресурсов леса. Природные ресурсы рассматриваемой территории обеспечивают удовлетворение жизненно важных экономических, материальных, духовных потребностей, а также обеспечивают сохранение и развитие всей традиционной культуры как единой системы. Исключительную важность лесных ресурсов можно продемонстрировать экономической составляющей охотничьего промысла, почти у 80% населения доход от традиционных промыслов составляет значительную часть семейного бюджета. Для остальных 20% населения роль охоты и рыболовства является дополнительной к основному виду деятельности. К этой категории относятся в основном работники бюджетной сферы; продукты традиционных промыслов они используют в основном для питания, то есть ресурсы леса составляют значительную часть их потребительской продуктовой корзины. Представители всего населения отмечают большое значение для жизнеобеспечения лесного собирательства – дикоросы являются дополнительным источником разнообразных продуктов и витаминов на протяжении всего года.

Этническая история удэгейцев

Систематические исследования в данном регионе, включая бассейн р. Бикин, были начаты лишь во второй половине XIX века. До этого сведения были отрывочны и хаотичны. О ранних формах жизнеобеспечения удэгейцев можно судить по археологическим материалам, этнографическим данным и незначительным фольклорным источникам, характеризующим коренное население всего Приморского региона.

Как самостоятельная этническая группа удэгейцы выделяются с конца XIX века, до этого каждая локальная группа имела свои самоназвания: бикинская – *бикинка*, анюйская – *унинка* и др. Сам этноним «удэгейцы» появился благодаря введению его в научный оборот С. Н. Браиловским, который первым обосновал их этническую самостоятельность. *Удихе* (*удээ, удэхэ, удихэ*) стало самоназванием народа в 30-х гг. XX века.

Удэгейцы, как нанайцы и орочи, относятся к тунгусо-маньчжурской языковой группе. Их язык занимает промежуточное

положение в составе южной тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи и делится на диалекты, соответствующие территориальным группам. Удэгейцы, проживающие на р. Бикин, выделяются в бикино-иманскую диалектную группу.

Помимо языковой общности, проживающие в Приморском и Хабаровском краях народы входят в единую Амуро-Сахалинскую историко-культурную область и относятся к ее Приморскому и Приамурскому региону (кроме эвенков, которые распространены гораздо шире). Они имеют один культурно-хозяйственный тип охотников-собирателей тайги, а также этногенетическое единство вследствие формирования на одной и той же территории и являясь участниками единых исторических процессов, в ходе которых происходило их постоянное взаимодействие и взаимовлияние.

В этногенезе удэгейцев принимали участие три основных этнических компонента: автохтонный палеоазиатский, аустронезийский и тунгусский в лице пеших охотников илоу, пришедших из Забайкалья (II в. до н.э. – II в. н.э.) и составивших группу южных дальневосточных тунгусов. В состав последней, как предполагают исследователи, «входила какая-то этническая группа, которая после длительных и многочисленных этногенетических, культурных, хозяйственных, политических и других процессов, проходивших на протяжении десятков столетий, впоследствии стала именоваться удэгейским этносом» [Старцев 2005: 259].

Дальнейшая этническая история формирования удэгейцев связана с морским побережьем Приморья, где в IV–VI веках на побережье Японского моря обитало племя *Уцзи* состоявшее из 7 племен. В источниках XII столетия на этой же территории зафиксировано племя *Удаха* [Старцев 2005: 261]. А китайский источник XVII века отмечает, что на побережье Японского моря живет и занимается рыболовством племя *Удиха* (*сян-цзин у-ди-ха или ко-эр-кань у-ди-ха*) [Соловьев 1973: 43]. Все отмеченные территории обитания *уцзи*, *удаха*, *удиха* совпадают с местом обитания предков современных удэгейцев, откуда они начали свои перемещения в соседние районы. По рассказам, записанным А. А. Канчугой от своих дедов, с этого же района начали свои перемещения в XVIII веке на реки Бикин, Хор, Иман, Анюй, Хунгари родственные племена Кя (Кьяса), от которых потом пошли роды Канчуга, Кимонко и др. Об этом он пишет в своей автобиографической повести: «Давным-давно наши предки жили у моря. Когда они там стали жить, никто не знает. Только потом переселились сюда. Таких, как наша река, было четыре. Переселившись, сразу дали им названия. Это Иман, Хор, Бикин, Анюй. Потом Канчуговские переселились на Хунгари. Они первые нашли эти реки (имеются в виду Канчуги)» [Канчуга 2003:169].

Причиной такого переселения явился конфликт с пришлыми людьми¹. «Пришельцы убили двух братьев из племени, и началась кровная месть. Чтобы избежать дальнейших конфликтов с неизвестными людьми и, видимо, напуганные видом кораблей, оружейными выстрелами и грохотом корабельных пушек, племена двинулись вглубь материка для того, чтобы скрыться в тайге» [Канчуга А. А.: ПМ 2009]. Подробнее в своей книге Александр Александрович пишет: «Спускаясь вниз по ключу, по устью вышли на большую реку. Эта река была покрыта толстым слоем снега, на льду образовался крепкий наст. Самый старший сказал: “Это река питается снежной водой”. Позже эту реку так и стали называть: Има – снежная. Потому стала Иманом. До сих пор ее так называют. Остановившись там, старший дед сказал: “Другие места дальше тоже есть, идите по противоположной речке, вывершив [перейдя через перевал. – Ред.], проверьте, куда впадает другая речка. Есть еще за хребтом река, такая же, как эта. Пожалуйста, ищите. Мы всех удэгейцев переселим сюда”.

Двинулись дальше. Двигаясь так, на лыжах добрались до какой-то реки. Самый старший спустился первым на лед. Очень обрадовался, увидев эту реку. “Мое счастье! Мое счастье! Мое счастье!” – начал восклицать, кланяясь. Другие, став на холмике, любовались этой рекой. “Мое счастье!”, – сказал каждый из них. Так получила это название та река: Бикин. “Ну, наш род будет жить здесь в дальнейшем. Здесь остановится. Другие остались на Имане. А вы, Гэнтэ, Кугдима, опять идите дальше. Тайга очень большая. Наверное, на северо-востоке есть такая же река. Отдохнув, отправляйтесь вон по той речке к ее истоку. Там найдете начало другой речки, по ней спуститесь вниз”, – так напутствовал старейшина. Дальше отправились вшестером. Вывершив ключ, на северо-востоке вышли на начало другого. По нему спустились вниз мужчины. Дойдя до устья, увидели большую реку, пошире Бикина. Пройдя далее, увидели поворот реки в сторону заката солнца. Потом и стали называть Хуу.

Там никого не обнаружили. “Мы сюда придем Кимонков и Кялундзигов. Пусть живут на этой реке, – решил Гэнтэ, – мы же пойдем еще дальше. Пойдем и через перевал попадем на другую реку”.

Так и сделали. Через исток Хора перевалили. Опять добравшись до устья другой речки, вышли на какую-то реку. Воды ее текли на северо-восток. Кугдима заявил: “Я со своей семьей поселюсь здесь.

---

¹ Как объясняет А. А. Канчуга, это были люди, бежавшие с кораблей Лаперуза, исходя из чего можно предположить, что эти события восходят к концу XVIII века, ко времени исследования новых территорий командой французского мореплавателя.

Кто хочет, тот пусть живет вместе с нами. Эта река течет по теневой стороне хребта. Потому называю ее Анной»».

Так нашли эти реки. Гээнтэ вернулся на Иман. Оттуда послали к берегу моря Чингуму, чтобы он привел сюда других удэгейцев. Кто где хотел, тот там и оставался. Пусть и живут. Канчуги переселились на Бикин. Вместе с ними ушли многие люди. Остались жить на Имане Кялунзиги, Кя, Суляндзиги и другие. Кимонки, Кялундиги, Сигдэ осели на Хору. На Анью зажил Канчуга, Кугдима, с ним поселились и Кялунзиги. Почему Кялунзиги везде поселились? Их было очень много. На Бикине обосновались Канчуги, Суляндзиги, Геонки, Амулинки, Аянки, Сундиги, Кя, Суанки и другие. На берегу моря остались те, кто не захотел перебираться» [Канчуга 2003: 170]. Но вместе с тем он не исключает возможности того, что до прихода предков названных фамилий, в бассейнах Приморских рек уже обитали дисперсно другие этнические группы.

Это повествование было записано Александром Александровичем со слов одного из представителей рода Сигдэ, деда Исулы, который в свою очередь услышал его от своего деда. Сейчас никого из стариков нет в живых, но история предков жива и, благодаря А. А. Канчуга, продолжает передаваться нынешним поколениям удэгейцев. Эти записи являются источником ценных сведений, связывающих живую, то есть передающуюся из уст в уста, историю народа с исконной средой обитания, в них рассказывается о периоде расселения удэгейских групп.

Другой, более ранний период этнической истории и этнокультурных контактов в этом регионе связан с образованием государства Золотой империи чжурчжэней – Алчун (1115–1234 гг.). По реконструкции А. Ф. Старцева и Э. В. Шавкунова существовало этногенетическое родство удэгейцев с некоторыми племенами, входившими в состав Чжурчжэньской империи.

Отдельная группа чжурчжэней под этнонимом *удихе (уизи, удаха)* проживала на территории Приморья. В литературе описывается хозяйственный комплекс местного населения. Они, как и все племена, входящие в Золотую империю, вели оседлый образ жизни, имели постройки каркасно-столбового типа с кановым отоплением, вели многоотраслевое комплексное хозяйство – занимались земледелием, охотой на диких копытных и пушных животных, рыболовством, ремесленным производством [Шавкунов 1990: 155]. Охота, земледелие, частично животноводство давали им мясо диких и домашних животных, шкуры и мех использовались для изготовления одежды, обуви. Рыбья кожа, которая долгое время оставалась наиболее практичным материалом, использовалась аборигенами для изготовления непромокаемой промысловой

одежды, из нее шили халаты, обувь. Подобные навыки обработки и изготовления изделий в дальнейшем становятся характерной особенностью материальной культуры удэгейцев, нанайцев и орочей, известных своим мастерством в пошиве изделий из рыбьей кожи. Знали кузнечное дело и обработку цветных и черных металлов [Там же]. В инвентаре современных удэгейцев и нанайцев до сих пор встречаются инструменты, бытовавшие у чжурчженей, например, кузнечные тисочки из Ананьевского городища, идентичны тисочкам самаргинских удэгейцев [Гурвич 1986: 250]. Некоторые инструменты современных плотников мало чем отличаются от средневековых, не уступая им в универсальности. Чжурчжэньские кузнецы изготавливали стрелы, копыя, сельскохозяйственный инвентарь, предметы военного обмундирования.

Распад империи повлек изменение культурно-хозяйственно-го комплекса некоторых племен. Произошел регресс культуры и различных форм хозяйствования. Отделившимся группам пришлось дисперсно рассредоточиться по труднодоступной таежной территории Приморья, отойти от привычного образа жизни и начать адаптироваться к непривычным для них условиям, вступая в различного рода связи с местным населением, осваивая новые формы природопользования [Старцев 2007: 34, 35]. Существовавшие прежде простые навыки начинают усложняться, присваивающиеся формы хозяйствования выходят на первый план – развиваются охота, рыболовство и собирательство. С этого времени начался активный процесс движения групп, смешения их с местным населением. Племена, бежавшие от преследования монгольских армий в леса, из оседлых «превращались» в кочевых таежных охотников, в ходе этнокультурных контактов они воспринимали новые формы хозяйственной деятельности, накапливали знания об окружающей среде².

Вторая половина XIX века значительна для этнической истории аборигенного населения своими трансформационными процессами. С этого времени особенно активно начинают развиваться торгово-меновые связи и процессы взаимодействия местного населения с соседними народами. Начинается освоение региона русскими казаками и китайскими отходниками, маньчжур и китайцев больше всего привлекали природные богатства края. Результатом этих контактов явилась избранная взаимная аккультурация, о чем сегодня свидетельствуют терминологические заимствования в языке, названия топонимов

---

² Более подробную информацию об этом периоде истории удэгейцев можно найти в работе: А. Ф. Старцев. «Наследник» Золотой империи. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 204 с.

и гидронимов или их трансформации с добавлением китайских окончаний и др.

С началом «русско-китайского» периода истории у коренных народов Сихотэ-Алиня появилось огнестрельное оружие – новшество, которое в значительной степени повлияло на природопользование и повлекло изменения в материальной и духовной культуре аборигенов. Аборигены освоили эту новацию и постепенно включили ее в свою материальную культуру. Начинают меняться нормы пушной и мясной охоты. Например, удэгейцы начали добывать панты и значительно интенсифицировали охоту на соболя. Меняется экономический уклад жизнедеятельности людей. Товарно-денежные отношения придали охотничьей деятельности новые черты: обменивая или продавая охотничью добычу, люди постепенно начинали ощущать все большую потребность в привозной пище и товарах. Стали зарождаться социально-экономическое расслоение и индивидуализация труда. Семья как экономическая ячейка вышла на первый план.

Изменения коснулись не только материальной, социальной и экономических сфер. По мере колонизации региона русскими переселенцами ареал расселения аборигенов постоянно сокращался, как сокращался и ареал обитания промыслового зверя. Таежные промысловые животные стали мигрировать в необжитые северные районы, вслед за зверем уходили и аборигены, ведущие полукочевой образ жизни, поскольку охота была для них одним из основных источников существования. Так, к началу XX века произошла концентрация удэгейского населения Приморского края на труднодоступных притоках и протоках рек Бикин, Самарга, Иман, вдали от транспортной и промышленной инфраструктуры.

На Бикине удэгейцы жили преимущественно родовыми стойбищами, насчитывающими по три – пять малых семей, в зависимости от того, сколько у главы рода было детей [Канчуга: ПМ 2009]. В некоторых местах они жили территориально-соседскими общинами. В летнее время удэгейцы кочевали по многочисленным притокам бикинского бассейна, где охотились, рыбачили, собирали дикорастущие растения, кедровые шишки. Из шкур животных, рыбьей кожи изготавливали одежду и обувь, мясо шло в пищу.

Члены рода сообща владели промысловыми угодьями, не имевшими жесткого деления, границы территорий были прозрачны. Представители всех родов знали, на какой территории кочуют или занимаются охотой те или иные группы. А. А. Канчуга рассказывает, как в внутри его рода распределялись охотничьи участки: *«Раньше удэгейцы участки не делили: это мой участок,*

это твой участок... После охоты они собираются все у кого-то из охотников, варят ешь, ночь на пролет рассказывают, кто куда ходил. Например:

– Ну что, хозяин дома, кто куда пойдет?

– Я туда пойду.

– Я туда.

А хозяин говорит: “Ну, то, что осталось, тогда мне”. Участки распределялись только на один год. На другой год в другое место. Никто не отбирал ничего. А потом чуть попозже стало для каждого постоянное место. А еще попозже, когда стали создавать артель, уже у всех документально закрепили. А когда охотоустройство начали делать, они же там все и остались, и их дети тоже этим пользуются» [Канчуга: ПМ 2009].

Индивидуальной собственностью являлись лишь орудия труда, изготавливаемые самими охотниками – ножи, копыя, луки, ловушки и т. д., а с конца XIX века – огнестрельное оружие, которое поступало в край сначала через китайцев и маньчжуров, а затем через русских.

Сегодня потомки бикинских удэгейцев проживают в Красноярских селениях – это роды Канчуга, Суляндзига, Геонка, Амулинка, Сундига, Суанка, Пеонка, Кукчинка, Кья, Сигде, Кялундзига, Коленчуга, Маринка. Некоторые из этих фамилий появились на Бикине значительно позже, в результате переселения из других районов или бассейнов рек. К существенным изменениям в структуре населения приводили интенсивная вырубка лесов, создание колхозов с несвойственными местному населению формами хозяйствования, укрупнение поселков и другие нововведения государства. Например, как это было на р. Иман, многие семьи в начале XX века перебрались в национальные поселки, где еще было активно традиционное природопользование [Шнирельман 1992: 8–10]. Вместе с бикинскими удэгейцами также жили нанайцы родов Дункай, Уза и др., которые после начала освоения края и с началом строительства железной дороги откочевали сюда с низовьев реки.

Образование современных фамилий также пришлось на конец XIX – начало XX века, время освоения края и знакомства русских с аборигенами. Вот как объясняет происхождение удэгейских фамилий А. А. Канчуга в первой части своей автобиографической повести: *«Фамилии приобрели позже, охотясь по долинам рек. По названиям рек обрели себе фамилии. Другие от названий зверей, птиц обрели фамилии, другие от других вещей»* [Канчуга 2003: 141]. О происхождении своей фамилии он рассказывает следующее: *«Фамилия Канчуга раньше звучала как Каудига, где “кау” – речка, “дига” – принадлежащий к чему-либо, то есть Каудига рас-*

шифровывается как принадлежащие речке» [Канчуга, ПМ 2009]. Фамилия Пеонка³ произошла от реки Пея, Кукчинка – от реки Кукси и т.д. Эти исторические сведения наглядно демонстрируют связь людей с территорией обитания, их принадлежность к ней и ее значимость. В антропонимике наша отражение сложная система социальных взаимоотношений – обычно-правовое регулирование, регламентировавшее семейно-брачные связи, распределение промысловых территорий, история расселения родов.

Таким образом, на всех этапах истории удэгейцы сохраняли тесную связь с р. Бикин и территорией своего нынешнего проживания. Она составляла основу их охотничьей лесной жизни. Именно благодаря уссурийской тайге они создали уникальный хозяйственный комплекс. Они освоили бассейн р. Бикин и сегодня прекрасно знают все особенности территории, живущих здесь зверей и птиц, растения, и именно в этой экологической нише они могут сохранять свой образ жизни, развивать свою культуру. Для бикинских удэгейцев природа остается единственным источником духовности и чувства единства. Аборигены неразрывно связаны со своей землей и природной средой, которая одновременно и незаменимый ресурс, который поддерживает жизнь, и главный предмет борьбы с промышленными компаниями. В многочисленных интервью чаще всего звучала мысль, высказанная М. Дункаем: *«Тайга – дает жизнь. Без нее ничего не будет. Нас не будет. Она живая и диктует свои правила, которые нельзя не учитывать»* [Дункай М.: ПМ 2009].

Контакты с русским населением оказали огромное влияние на материальную и духовную культуру удэгейцев. Особенно большое ускорение процессы аккультурации получили в советский период. Начало XX века для удэгейцев, помимо значительных изменений в культуре и природопользовании, принесло крупные численные потери, связанные с эпидемиями новых болезней, голодом и гибелью людей в годы Гражданской войны. В 1926 г. удэгейцев насчитывалось всего 1357 человек, это на 500 человек меньше, чем было на конец XIX века. С этого времени Советским правительством проводится целенаправленная политика, направленная на улучшение условий жизни коренных народов. К концу 1920-х годов была установлена монополия государственных организаций на торговлю с народами Севера, созданы национальные административные районы, затем аборигенные кочующие

---

³ Сегодня в Красном Яру и других населенных пунктах можно встретить еще один вариант написания удэгейской фамилии Пеонка – через «и», то есть Пионка. По словам представителей рода Пионка, это связано с ошибкой во время переписи населения. Одних записали через «и», а других – через «е».

группы были объединены в промысловые артели и далее – в колхозы. После неудачного опыта специализации колхозов на зерновом земледелии, животноводстве, овощеводстве, с 1962 г. на базе колхозов стали создаваться госпромхозы и коопзверопромхозы, деятельность которых значительно увеличивала нагрузку на ресурсы. Кроме того, формирование крупных многонациональных хозяйств повлекло за собой расширение управленческого аппарата, в котором преобладало некоренное население, незнакомое с культурой местных жителей, плохо понимавшее особенности их культурных и хозяйственных запросов. С этого периода коренное население окончательно превратилось в государственных рабочих и служащих. Если рассматривать эти события с точки зрения сохранения традиционных культур, то, конечно, в это время страдали и традиционные отрасли природопользования. Оседлость и концентрация населения в крупных поселках оказала негативное влияние на традиционное хозяйство: затруднился доступ охотников к некоторым промысловым участкам, а решение этой проблемы за счет использования средств авиации значительно повысило затраты и себестоимость продукции промысла [Шнирельман 1993: 8]. С этого времени становится возможной безграничная эксплуатация всех лесных и речных угодий и недр, которые оказались в руках разнообразных государственных организаций и ведомств. Еще более серьезные угрозы возникли после 1980-х годов, когда уссурийская тайга стала предметом пристального внимания лесопромышленников.

В начале 1990-х годов стали закладываться предпосылки для культурного возрождения коренных народов и определения себя как единой общности. Это связано с демократическими преобразованиями в стране и на местах, когда руководителями в госпромхозе «Пожарский» стали представители коренных малочисленных народов, а также с образованием Ассоциации коренных малочисленных народов, которую возглавил П. В. Суляндзига, лидер бикинских удэгейцев. В 1990 г. на общем сходе жителей Красного Яра и Олона, Красноярский сельсовет получил статус национального, а среднее и верхнее течение р. Бикин и примыкающая к ним тайга признаются жизненно важными для существования местного коренного населения. Выдвигается требование об их закреплении за Красноярским национальным сельским советом.

В результате всех описанных преобразований и переселений подавляющее большинство бикинских удэгейцев живут в настоящее время в Красном Яре и Олоне и представляют собой единую общность, несмотря на значительный уровень смешанных браков. Большинство детей, рожденных от браков между аборигена-

ми, определяют свою этническую принадлежность в основном по линии отца (хотя в настоящее время в это традиционное предписание соблюдается не всегда), а дети от браков с представителями других народов чаще всего самоопределяются как удэгейцы.

Таким образом, руководствуясь законодательством и опираясь на полевые исследования, проведенные в местах проживания коренных народов в Пожарском районе Приморского края, можно определить все население трех красноярских поселений, несмотря на этническую принадлежность, как единое местное территориальное сообщество, проживающее на территориях традиционного природопользования коренных народов Приморского края и имеющее единые интересы в сфере природопользования и сохранения биологического разнообразия. На все это население может распространяться действие законодательства о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока. А бассейн р. Бикин и экспертируемая территория являются исконной средой обитания для коренных малочисленных народов Приморского края⁴.

---

⁴ В данной работе термины «коренные малочисленные народы», «коренные народы», «малочисленные народы», «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока», «аборигены» употребляются как синонимичные понятия.

Глава 2

Традиционный образ жизни и традиционные экологические знания удэгейцев

При проведении этнологической экспертизы исследователи руководствовались определением традиционного образа жизни, которое содержится в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Согласно статье 1 этого закона традиционный образ жизни малочисленных народов – исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований.

Традиционный образ жизни удэгейцев определялся в первую очередь их хозяйственной деятельностью, системой жизнеобеспечения, которая была основана на охоте, а рыболовство и собирательство были подсобными занятиями. Как и у других коренных малочисленных народов Севера и Сибири, хозяйство удэгейцев носило комплексный характер, что позволяло сокращать нагрузку на окружающую среду и достигать оптимального для них уровня жизни при минимальном использовании ресурсов. Формы жизнеобеспечения базировались на гармоничном сосуществовании с природой. Основы внутригруппового взаимодействия и взаимодействия с окружающим миром были заложены еще в древние времена предками удэгейцев и сохранялись на протяжении всей этнической истории. Универсальная система традиционной самоорганизации обеспечивала долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации от поколения к поколению. Пользование лесными и водными ресурсами регулировалось обычно-правовыми нормами. Существовал баланс между правами и обязанностями индивида и коллектива. Самостоятельность принятия решений, касающихся промысла и определения норм добычи зверя и рыбы, сочеталась с системой общественного контроля, строившейся на обычном праве. Нормативная культура требовала от людей ответственности за принятые решения, ведь от их действий зависела жизнь не только их семьи, но и последующих поколений.

Традиционное хозяйство удэгейцев основывалось на сезонном сочетании охоты, рыболовства и собирательства, объекты этих видов деятельности были обусловлены местными условиями и временем года. На р. Бикин у удэгейцев главную роль играла таежная охота, превосходившая, но не исключавшая жизненную важность рыболовного промысла. Именно наличие зверя на охотничьих угодьях определяло пути миграций кочевых групп. Это обстоятельство заставило их покинуть значительные по размеру территории после прихода в край русских переселенцев. Русский и другие народы осваивали тайгу для оседлого образа жизни и занятий земледелием. Присоединение Приморского края к России ускорило процесс вовлечения коренных народов в товарно-денежные отношения. После включения удэгейцев в систему рыночных отношений и государственного управления охотничий промысел получил новые стимулы для развития.

Роль охоты в природопользовании удэгейцев выделяла их среди соседних народов, занимавшихся преимущественно рыболовством, – амурских нанайцев, ульчей, нивхов и других аборигенов Дальнего Востока. Более близкими к удэгейцам были группы орочей и таежных нанайцев, кочевавшие с ними на одних и тех же территориях и вступавшие с ними в семейно-брачные отношения. Эти народы имели общие черты в духовной и материальной культуре, а также в способах ведения традиционного хозяйства, в первую очередь охоты.

Охота – основа традиционного образа жизни

С охотой у удэгейцев был связан весь жизненный уклад, материальная и духовная культура. Она являлась основой жизнеобеспечения. Охотились удэгейцы почти круглый год. Традиционными объектами промысла были изюбр, лось, пятнистый олень, кабарга, медведь, соболь, барсук, енотовидная собака, колонок, белка и др. Мясо употреблялось в пищу, а субпродукты, кроме того, и для лечебных целей, шкуры использовались для пошива одежды, обуви и головных уборов.

Способы охоты у удэгейцев, как и у других аборигенов тайги, отличались разнообразием, и они владели ими в совершенстве: могли «на слух зверя убить» [ПМ 2007: А. И. Камандига] или «с одного патрона утку» [ПМ 2009: П. Г. Калинин]. Меткость удэгейцев и их умение выследить зверя были известны далеко за пределами края.

Удэгейцы знали различные виды **охоты на копытных животных** (изюбря, косулю, кабана, кабаргу и др.): загоном, петлями, с использованием самострелов различных модификаций. Одним из наиболее древних и любимым видом промысла, как отмечают

некоторые исследователи, считалась гоньба – преследование животного на лыжах по глубокому снегу или весеннему насту, когда охотник мог легко догнать и убить зверя [Ларькин 1959: 127]. Этот способ охоты был особенно оправдан в прошлом, когда не существовало ружей и современных средств передвижений, когда добыча зверя представляла сложный и непредсказуемый процесс и от ее исхода зависела жизнь семьи. В настоящее время гоньба по глубокому снегу или насту почти не практикуется удэгейцами и считается запретной. Снег покрывается настом чаще всего весной, после оттепели, когда промысловая охота уже запрещена, а это противоречит традиционным правилам гуманного отношения к животным. *«Это не охота, а убийство!»*, – говорили в интервью охотники [ПМ 2010, дневник]. Удэгейцы охотятся весной, только если в этом есть жизненная необходимость. В противном случае они считают это браконьерством и борются с любителями такой охоты. Егерь С. Калугин объясняет: *«В это время зверь худой, он должен сил набраться, чтобы полноценное потомство произвести. Да к тому же мясо рыхлое и имеет неприятный запах. Кто же его, такого, бить будет? Ведь, когда наст или большой снег, для животных самих трудное время наступает. Вон в прошлом году, когда было много снега, сколько молодняка кабанов погибло, чуть ли не половина! Тощие стояли, все животы разодраны, не могли выбраться и корм найти. Поэтому сейчас мало кабана. Их тогда не бить, а самих кормить надо»* [ПМ 2010: Калугин С. В].

Другой не менее древний способ – крупное животное гнали к своему жилищу. Так делали, когда охотились далеко от стойбища и нести зверя было очень тяжело и энергозатратно. Животных ранили, загоняли в сторону жилья и там уже окончательно добивали. В качестве оружия использовалось либо копьё, либо лук со стрелами, которые отличались большим разнообразием форм и наконечников [Старцев 2005: 68].

В теплые месяцы лета и осени удэгейцы охотились в основном по протокам, куда излюбри приходили на водопой или полакомиться водорослями. В это время их и должен был застать охотник, тихо скользящий на оморочке по воде и прислушивающийся к звукам и шорохам леса. Крупнокопытного зверя караулили ночью. Выстрел совершался во время такой охоты чаще всего на слух. От меткого выстрела зависел успех не только дневных подготовительных мероприятий, но и питание семьи на ближайший месяц.

Нахождение постороннего человека в тайге в такие моменты было крайне опасно, поэтому традицией была выработана система охотничьих знаков, предупреждающих о нахождении охотника на определенном таежном участке. Если охота велась в протоке,

то втыкали в берег рядом с этим местом выструганную палку или шест. Если охота проходила ночью, то использовали две палки, которые ставились крест на крест на входе в протоку. Таким способом охотники предупреждали других людей об опасности нахождения на этой территории. Это один из примеров промысловых правил поведения, соблюдать которые было долгом каждого охотника. Нарушивший их человек подвергал себя смертельной опасности. У удэгейцев были случаи, когда не знающий таких правил или пренебрегающий ими человек становился жертвой или получал ранение от случайного выстрела, пущенного на слух охотником, принявшим незнакомый живой объект за зверя [ПМ 2007; ПМ 2009: дневник]. Это были роковые уроки для тех, кто забывал, что охота всегда связана с опасностью и без необходимой осторожности и внимательности может приводить к трагическим последствиям.

Чаще всего охотники ходят на промысел по одному. Так легче выследить зверя, идти по следу. От умения правильно определить время, животное, оставившее след, зависит длительность преследования зверя, по следам могли определить, готовится ли животное на отдых или переходит с места на место. А умение охотника тихо и ловко передвигаться, быть незаметным определяло исход охоты. *«В лесу к зверю подойти тяжело, легко только там, где чисто – на мари или где-то в полях. Но в лесу тяжело. Когда охотник один, то подходит. Ты бы посмотрела, какие телодвижения охотник делает, когда к зверю крадется: он может и так, и вот так, он может на коленках под деревом проползти, лишь бы не зашуметь, лишь бы не было шума! Местами и ползком получается»*, – поучает Юрий Иванович Пионка, обращая особое внимание на то, что только в одиночку возможно зверя добыть таким методом [ПМ 2010, дневник].

Если в охоте принимали участие несколько человек, чаще использовался метод загона. Выслеживали зверя, забредшего на остров или в другое место, откуда можно было управлять его движением, и начинали его гнать на охотника. Вот как об этом способе рассказывают: *«Вот, например, зверь зашел на такой островок, что его можно двоим охватить. Два загонщика пошли и зверя погнали на человека, это называется загон. Ну, здесь лучше, когда больше людей. Полностью остров перекрыли, ему уже деваться некуда, и направление ему даешь прямо на стоящего наготове охотника»* [ПМ 2010: Пионка Ю. И.].

Еще один способ охоты на крупнокопытных животных – *«караулить зверя на лабазе»*, как говорят современные охотники. Лабаз – это помост, устанавливающийся высоко на дереве, которое расположено, чаще всего, на естественных или искусствен-

ных солонцах или в местах подкорма¹. *«Охотник залазит на верх дерева, располагается на помосте и целую ночь караулит зверя. Может задремать, но спит очень чутко. Услышал, что зверь подошел, глянул – выстрелил. Слез, разделал и спит дальше»* [ПМ 2009: Калугин С. В.].

Соболевание как особо значимый и в настоящее время жизненно важный для удэгейцев способ промысла появился относительно недавно. До этого охота на соболя носила эпизодический характер, а более ценным у удэгейцев считался мех россомахи. Мех случайно убитого соболя шел на рукавицы, головные уборы или для наушников. За короткий промежуток времени соболия охота приобрела товарное значение и стала одной из главных статей дохода удэгейцев. Этот процесс был связан с активными контактами с русскими, китайцами и маньчжурами с конца XIX века, у которых мех соболя пользовался большим спросом. До начала XX века шкурки соболя служили средством обмена: «меха меняли на товары первой необходимости, такие как железные котлы, ножи, топоры, порох, фитильные ружья, свинец; на продовольствие – муку, рис, чумизу, бобовые, масло; на предметы роскоши – шелковые ткани, фарфоровую посуду, серьги, браслеты, медные украшения, используемые в традиционном костюме; на наркотические вещества – спирт, табак. Только с 1910-го года аборигенное население начинает продавать соболей и другой товар охотничьего промысла за наличные деньги» [Арсеньев 1949: 153].

Охота на пушных зверей отличалась многообразием видов и форм промысловых орудий: ловушек, самострелов, лука и стрел. В зависимости от назначения стрелы имели разные наконечники. Например, для добычи белок использовались деревянные стрелы с утолщенным наконечником *зангта*, а с малым кованым наконечником – для соболя. Чаще всего зверя выслеживали по следу, способ так называемого гона. Загнав соболя под пень, ловили его при помощи специального рукавчика. Удэгейцы эту сеть-рукавчик называли *нюхе адили*. Это был самый распространенный прием соболиного лова [Старцев 2005: 65]. Вот как рассказывают об этом способе современные охотники: *«Гоном, это вот так: утром встаешь рано, видишь утренний след, вот ты его и выслеживаешь. Стал на него и идешь. Можешь пройти и через полчаса уже зажать его: он залезет под пень или в нору, там уже его достанешь.*

---

¹ Слово «лабаз» у других коренных народов Севера используется несколько в ином значении. Чаще всего этим термином обозначается хозяйственный домик на сваях для хранения продуктов или промысловых трофеев. Но у бикинских удэгейцев был зафиксирован этот термин для определения охотничьего помоста на дереве.

А можешь целый день за ним ходить-ходить – и все бесполезно. Всякое бывает. Тут еще вот что важно. У охотника голова работает как? Вот он [соболь. – Авт.] бежал целую ночь, пасся, значит, утром должен где-нибудь лечь. И начинаешь его тропить. Вот поэтому бывает, ты его быстро загоняешь. А бывает такой соболь, какой днем пасется, такой след возьмешь и будешь целый день за ним ходить и не найдешь» [ПМ 2010: Пионка Ю. И., Сигдэ А.]

Еще один способ добычи соболя – это ловушки различных типов, в зависимости от материала, из которого их изготавливали, времени промысла, особенностей ландшафта и мест обитания зверя. Можно выделить следующие виды ловушек: ловушка *хука* – петля с гибким прутком – использовалась с середины ноября до конца февраля – начала марта. Сейчас их заменяют нулевые капканы или капкан № 1; четыре вида ловушек с давящим устройством – *дуи*, *кафали* (или *нани*), *ланги* и *хадана*. Они использовались только в бесснежное время. Ловушки эффективно выполняли свои функции в зависимости от места, где они устанавливались: *ланги* – по первому снегу, в дупле, в тех местах, где обычно появлялись следы соболя; *кафали*, или *нани*, ставилась на соболиной или колонковой тропе; ловушка *дуи* сооружалась на валежнике; а ловушка *хадана* была одноразового использования и ставилась она в том случае, если охотник вечером загонял соболя под дерево с полой сердцевинной и ему нужно было его быстро достать до наступления темноты [Старцев 1996: 76–83]. С появлением капканов ловушки постепенно начали исчезать, и на сегодняшний день это очень редкое явление, в основном, как говорят охотники, «вызвано недостаточным количеством капканов, а с введением нового закона, запрещающего старые формы капканов, мы все перейдем на старые ловушки, потому что те, что по закону, их негде купить». Хотя некоторые охотники продолжают древнюю традицию, «но это оправдано только тогда, когда работаешь на себя, а не стремишься заработать больше, чтобы прокормить семью, а тебе еще детей растить» [ПМ 2010: дневник]

Помимо охоты на крупных животных и пушного зверя, удэгейцы **охотились на птиц**, но этот вид охоты не имел широкого распространения. А так как эта работа была трудоемка и малопродуктивна, то ей занимались чаще всего подростки, которые развивали свои навыки будущих охотников, а также старики, не способные уже ходить на крупного зверя. Добывали в основном боровую дичь – рябчика, глухаря, водоплавающую крякву, чирка, гуся и др. [Старцев 2005: 83, 84]. Во времена госпрохозов добыча боровой дичи велась охотниками для выполнения плана. Сейчас охота на птиц (обычно на рябчиков) имеет подсобное значение: она малодоходна и проводится только для нужд семьи.

Снаряжение охотника имело свою специфику в зависимости от назначения. Лук *беи* и стрелы *тада* применялись для охоты на крупных копытных и мелких пушных животных. Они изготавливались из различных материалов (дерево, кость, железо), различались по форме и длине лезвия. Деревянные стрелы с утолщенным наконечником *зангта* применялись для охоты на белку, стрелы с большим железным наконечником – для добычи крупных животных, с малым наконечником – для соболя; стрелы с костяным наконечником назывались у некоторых групп *диома тада*, их вытачивали из лучевых костей передних ног кабарги или кабана. Хранилось снаряжение в специальных колчанах *закпу*, которые изготавливались из кожи изюбра или коры березы, стрелы хранились острием вниз. Существовало несколько видов копий *гида*, в соответствии с назначением они делились на большие или маленькие. Черенки копья имели длину от 1,5 до 3-х метров. Копьем с коротким черенком добывали крупного зверя, преимущественно медведя, а копьем с длинным черенком убивали только копытных животных [Старцев 2005: 65–66]. Такое снаряжение использовалось почти до конца XIX века, пока на смену копыю и луку не пришло огнестрельное оружие.

Охотничьи обычаи коренных народов играли значительную роль в сохранении и сберегающем использовании ресурсов тайги. Исследователи отмечают различия в природопользовании между удэгейцами и китайцами. Еще В. К. Арсеньев писал, что китайские ловушки хищническим образом уничтожали большое количество животных. Заброшенные лудевы (ямы для отлова животных) не уничтожались, и в них продолжали гибнуть животные. Лудевы располагались на протяжении 20–25 верст таким образом, что на каждую версту приходилось по 10 ям. «Около фанз лудевных валяются кости оленей в большом числе и малые, и большие. Очевидно хищники не щадят ни маток, ни телят... Невольно поражаешься количеству зверей, которые уничтожаются без времени, системы и сроков этими ловушками» [Арсеньев: Д. 3. Л. 25, 28 об.]. Такое отношение к ресурсам было вызвано тем, что китайцы временно находились в Приморском крае, который они воспринимали как сырьевой придаток.

Постепенно способы ведения охотничьего промысла подвергались трансформации. Появление огнестрельного оружия явилось толчком к изменению охотничьих норм отлова, появлению новых способов добычи.

В. К. Арсеньев отмечал, что уже в начале XX века способ охоты на изюбрей, оленей, медведей «с рогатиной (копьем) и ножом с появлением скорострельных ружей вывелся совершенно» [ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 115, Зап. 08.08.96].

Средства передвижения

Стойбища удэгейцев располагались в бассейнах рек, которые служили удэгейцам не только источником рыбных ресурсов, но и основными транспортными артериями. Передвижение по ним осуществлялось на традиционных плавательных средствах – больших лодках-долбленках (*батах*), управляемых шестами. В такую лодку помещалось целое семейство со всем хозяйством. У удэгейцев были также и маленькие индивидуальные лодки *оморочки*, используемые для охоты и передвижения по небольшим протокам и ключам. В. К. Арсеньев отмечал: «Лодка ороча [удэгейца. – Авт.] – все его достояние. Это вторая жена, вторая душа. Ружье и лодка – это его хлеб и самое ценное имущество» [ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–26].

Изготовление лодки было важным делом, которое определялось не только профессиональными навыками, но и анимистическими представлениями удэгейцев. Нужно было подобрать нужное дерево. «Изготавливается бат из тополя (*амигда*), достигшего возраста 250–300 лет. Обычно толщину дерева удэгейцы определяют на глаз или расстоянием от локтя согнутой к груди руки до кончиков пальцев, вытянутой в сторону другой руки. Найдя дерево необходимых размеров, удэгейец валит его в нужную сторону, а в пень втыкает веточку того же дерева. Веточка символизирует душу дерева (*соогини*)» [ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 17]. Если веточку воткнули, значит, дерево не умрет, а хозяин лодки не перевернется в ней и не погибнет. Из поваленного бурей или выброшенного из воды дерева лодку изготавливать было нельзя, оно считалось умершим, и его дух уже был в загробном мире [Старцев 1996: 130].

Бат использовался преимущественно для перевозки грузов, управляли им два человека: один стоит на корме, а другой на носу управляет шестом, отталкиваясь от дна. Другое средство передвижения – *оморочка*. Это – основное индивидуальное средство передвижения во время охоты в летнее время и межсезонье. Она тихо и беззвучно скользит по протокам, позволяя охотнику незаметно подойти близко к зверю на водопое или во время кормежки водорослями («*речной лапшой*», как говорят удэгейцы). В *оморочке* караулили зверя во время ночной охоты по протокам [ПМ 2009: Калугин С.]. Для гребли использовались специальные короткие весла.

Особое умение должно быть, чтобы удерживать равновесие и владеть искусством управления этими лодками. Удэгейцы начинали пользоваться лодками с детства. Делались *оморочки* индивидуально, как кому удобней – «под себя», для их изготовления использовали липу или тополь. «Из них получают самые

легкие лодки, и эти породы легче всего обрабатываются. Меняли оморочку только, когда износилась старая лодка, а старой пользовались “до самых дыр” [ПМ 2009: Калугин С. В.].

Сейчас *бат*, или, как его еще называют, *ульмага*, изготавливается из досок, и передвигаются на такой лодке с помощью мотора. Делают это аборигены с не меньшим совершенством, чем в прошлые времена, так как скорость течения и своенравие рек заставляют их постоянно доказывать свое умение.

Основным средством передвижения удэгейцев во время зимнего охотничьего промысла были лыжи. Традиционные лыжи хорошо приспособлены для передвижения по гористой и лесной местности. Это еще одно замечательное изобретение «лесных людей». Изготавливались лыжи из трескуна амурского – *«он самый крепкий и легкий, также использовали дуб, пихту, черемуху, а за неимением всего перечисленного, березу»* [ПМ 2009: Калугин С. В.]. *«Подбивались лыжи камусом так, чтобы ворс направлялся от начала в конец лыжи. Это давало возможность спокойно подниматься в гору, не боясь скатиться вниз»* [Канчуга 2005: 147]. Такой тип лыж сохранился и используется в настоящее время некоторыми удэгейцами во время охотничьего промысла, являясь более доступной альтернативой современным лыжам, выпускаемых промышленными предприятиями для охоты. Также этот тип лыж превосходит современное лыжное оборудование по своей универсальности, проходимости и энергосохранным (тратится меньше энергии на передвижение по гористой местности) свойствам. Один охотник рассказывал, что никакие современные лыжи не могут заменить ему традиционных, изготовленных своими руками, ведь они были изобретены его предками специально для местных условий [ПМ 2007: дневник]. Такое отношение к сохранившемуся традиционному средству передвижения часто наблюдается среди удэгейских охотников, продолжающих использовать его для зимней охоты.

С традиционными промыслами коренных народов связаны различные изобретения. Некоторые из них, такие как заплечные носилки (*сина*, или *поняга*), применяются бикинскими охотниками до сегодняшнего дня. Как отмечают исследователи, они являлись обязательной принадлежностью удэгейца-охотника [Гурвич 1985: 105] и использовались для переноса грузов по тайге. Носилки были нескольких видов, самые распространенные – заплечные – назывались по-удэгейски *сина*. Это локальное удэгейское изобретение, второе их название – *поняга*, сейчас встречается повсеместно на Дальнем Востоке. Носилки использовали как мужчины, так и женщины. В документальном фильме об удэгейцах «В дебрях Уссурийского края», который был снят в 1928 г. режиссером Александром

ром Литвиновым и под редакцией В. К. Арсеньева, показано, как женщина удэгейка использует первый вид носилок для переноса добытой мужем разделанной туши кабана. В поселке Красный Яр заплечные носилки *сина* (*поняги*) используются охотниками и сегодня как удобная альтернатива рюкзакам. «*Я могу свободно идти по тайге с пустыми руками, а когда добуду зверя, тут же из веток сооружу понягу, привяжу мясо и понесу домой или в барак. У нас все знают, как она делается*» [ПМ 2009: Калугин С. В.]

Роль собак

Во всех видах охоты удэгейца сопровождали собаки, которые были незаменимы при некоторых формах промысла, например таких, как осенний метод скрадывания или гона на крупных копытных животных [Старцев 2005: 73], или во время охоты на медведя, в которой участвовали специально обученные собаки-медвежатники [ПМА 2007: Каза А.]. Удэгейцы очень любили и ценили собак, строго отличали охотничьих от ездовых, специально для их прокорма заготавливали юколу и другую еду. Во всех охотничьих хозяйствах было много собак. Нередко они выступали в качестве эквивалента для выплаты штрафа при разборе дел по нормам обычного права [Подмаскин 1998: 79]. Собаки играли важную роль не только в охоте на зверя, но и в качестве тягловой силы в процессе перевозки грузов и передвижения по обширным и труднодоступным территориям. Сейчас, после появления механизированного транспорта и усовершенствования орудий промысла, собак во время охоты почти не используют. Некоторые считают, что «*собака своим тявканьем только пугает зверя, подходящего близко к зимовью, а также привлекает тигра*» [ПМ 2009: Канчуга Я. Т.].

Постройки

Важным элементом материальной культуры, связанным с охотой, являлись постройки. Постройки удэгейцев были приспособлены к климатическим и физико-географическим особенностям местности. Они размещались вдоль берега реки или в распадке сопки с таким расчетом, чтобы на лодке можно было подойти ближе к дому или быть ближе к охотничьим угодьям. Строения различались в зависимости от времени года, цели охотничьего промысла и длительности проживания. Традиционное жилище характеризовалось прежде всего утилитарностью, удобством и легкостью сооружения. Некоторые жилые постройки были настолько просты в изготовлении, например небольшой каркасный дом *малума кава*, что, когда удэгейцы убивали лося или кабана, не зверя тащили к дому, а вместе с семьей перекочевывали к тому месту, где лежало убитое животное [Пржевальский 1949: 113].

В зависимости от сезона и срока использования постройки делились на временные (*зуасикси*) и постоянные (*йоохо*). К временным сооружениям можно отнести укрытия от дождя и ветра *коктоу аунга* или небольшие конические жилища для ночевки, которые сооружались на косах по ходу следования на новое место, удобное для промысла. Постоянные жилища устанавливались по прибытии на удобный для промысла участок. Эти жилища были более надежны, как, например, зимнее жилище *туэзэ* – полуподземный дом больших размеров с двухскатной крышей и очаговым отоплением. Некоторые удэгейцы жили и летом, и зимой в коническом чуме *тоза*, сооруженном из жердей и покрытом корой. В центре располагался очаг – костер, огороженный камнями, дым от которого выходил через отверстие в крыше. В этом чуме могло помещаться до 10 человек. [Старцев 2005: 148].

На местах своих промысловых угодий охотник ставил подобное чуму *тоза* коническое жилище – *цоко*, которое сооружалось из расколотых пополам ясеневых бревен, жердей и сверху покрывалось корой. Оно было рассчитано на весь срок охоты и является прообразом современного охотничьего домика – зимовья. Ставились зимовья на территориях, традиционно принадлежавших определенному роду.

С началом советской эпохи во время обустройства артелей и госпромхозов территориально-родовое деление было взято за основу при выделении охотникам и их семьям промысловых участков. Наличие семейных зимовий на промысловых угодьях служило основанием для закрепления того или иного участка именно за тем человеком, чьи предки вели на нем традиционный промысел. С этого времени строительство промысловых сооружений перешло под контроль государства и осуществлялось силами госпромхозов. *«Участки распределялись только на один год. На другой – в другое место. Никто не отбирал ничего. А потом чуть попозже стало для каждого постоянное место. А еще попозже, когда стали создавать артель, уже у всех документально закрепили. А когда охотустройство начали делать, они же там все и остались, и их дети тоже этим пользуются»* [ПМ 2009: Канчуга А. А.].

Зимовья строились срубные и долговечные. Помимо охотничьего домика, рядом с зимовьем строились лабазы, которые использовались в качестве складов для хранения охотничьего инвентаря и снаряжения. Подобные сооружения позволяли обживать огромные пространства и чувствовать себя хозяевами территорий. Необходимо отметить существовавшую традиционную норму обязательного минимума продуктов и предметов, которые должны находиться в охотничьем домике: зачастую это рис, соль, спички, котелок для кипячения воды. Охотники всегда знают, где

находится чье-либо зимовье, чтобы в случае необходимости им можно было воспользоваться. Человек, нуждающийся в ночлеге либо столкнувшийся с непогодой или другими непредвиденными обстоятельствами в тайге, всегда мог рассчитывать на первое попавшееся зимовье, а также находящиеся в нем предметы и продукты, которые затем восполнялись хозяином. Если же это были люди, останавливавшиеся только на ночлег, то по возможности они всегда дополняли запасы приютившего их дома. В своих дневниках В. К. Арсеньев приводит факты, как часто зимовья помогали его экспедиции в трудные моменты пути [ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1]. Такую же неоценимую помощь оказывают эти охотничьи строения в тайге и сегодня, в чем убедились мы во время проведения летней экспедиции.

Эти правила взаимопомощи передавались из поколения в поколение и становились неотъемлемой частью традиционных знаний человека. Осознание непредсказуемости охотничьего промысла и чувство сопричастности другому, выполнение норм обычного права помогали людям жить и уверенно чувствовать себя в сложных таежных условиях.

Одежда

Особую психологическую роль охоты в жизни аборигенов края отражала промысловая одежда. На пушную охоту удэгейец уходил празднично одетым. Еще В. К. Арсеньев отмечал: «Выезд на охоту – это своего рода праздник, это величайший день в году» [Арсеньев 1949: 162]. Для охоты шилась специальная одежда, которая была разнообразна в зависимости от вида промысла и времени года. Необходимой одеждой промысловика являлись штаны из кожи или ткани, ноговицы, фартуки и юбки. Сверху надевался халат, иногда дополнительно безрукавка, подшитая мехом [Старцев 2005: 164]. Одежда украшалась традиционными узорами, включавшими элементы магических рисунков для удачи в промысле. Значение промысловой одежды сохранялось до начала XX века, а обувь – *унгта*, *олочи* – используемая охотниками зимой, встречается и сегодня. Во время длительных походов по тайге не найти ничего удобнее и легче традиционных олочей, уже не так искусно украшенных, но таких же незаменимых и востребованных некоторыми охотниками, знающими толк в удобной обуви. Правда, искусство изготовления традиционной обуви постепенно исчезает, на сегодняшний день в с. Красный Яр этим умением обладает всего лишь несколько человек. На вопрос «Почему не используются сейчас на промыслах олочи?» удэгейцы обычно отвечают: «*Мы бы носили, да мало кто делает, не осталось уже умельцев, а так, да, они легкие,*

мягкие, теплые, не зря их использовали наши предки» [ПМ 2009: дневник].

Религиозные верования и обряды

Духовная культура удэгейцев представляла собой веру в существование множества духов, населявших окружающий мир. Удэгейцы наделяли душами животных, деревья; по их представлению, в реках, ручьях, горах и лесу жили духи-хозяева. Не меньшее влияние, по их убеждению, имели духи предков. В удэгейской духовной культуре существовала целая система верований и ритуалов, относящихся к сфере промысловых культов. Так как добыча зверя, птицы, рыбы, сбор дикоросов служили единственным источником пищи, то для обеспечения удачного промысла необходимо было расположить к себе многочисленных духов [Березницкий 2003: 178]. По анимистическим представлениям удэгейцев, на каждом участке местности присутствует свой хозяин, который следит, чтобы люди не брали ничего лишнего в его владениях; если кто-то нарушал эти правила, он наказывал провинившихся. Для того чтобы задобрить духов-хозяев и заручиться их поддержкой, коренным народам нужно было соблюдать правила, вступать в отношения взаимодарения, угощая духов определенных мест и принося им жертвы. Удэгейцы для этого проводили промысловые ритуалы, совершали жертвоприношения в специально отведенных местах или изготовленных для таких случаев маленьких сооружений. Существовали различные виды жертвоприношений – для получения удачи в таежной охоте, чтобы добыть конкретное животное; для удачи в морском и речном рыболовстве; угощение священных скал и утесов по пути на промысел [Там же: 179].

Перед началом промысла охотник обращался за помощью к небесной старухе *Тагу Мама* или *Сангия Мама*. Вступив на место промысла *бысингу*, доставшееся ему от отца или деда, он обращался с молитвой уже не к *Тагу Мама* или *Сангия Мама*, а непосредственно к небу *Буани* и хозяину гор *Онку* [Старцев 2005: 75]. Только после совершения этих ритуалов можно было приступать к промыслу рыбы или начинать охоту. Сейчас в памяти удэгейцев сохранились не все божества, но некоторые охотники до сих пор используют в своих ритуалах обращения к наиболее важным из них.

Постепенно анимистические взгляды охотников теряют точность в определении всего пантеона Богов и совершении культовых ритуалов. Для современных удэгейцев существуют общие абстрактные духи – огня, воды, гор. Охотники сохраняют веру в духа тайги, хозяина тайги (в данном качестве чаще всего вы-

ступает тигр), духов гор и рек, но уже не используют их прежних имен и названий. Они совершают ритуальные действия кормления, ритуальные жертвоприношения, при которых просят об удаче на промысле, о своем здоровье и здоровье близких, используя прежние сооружения, их называют русским словом «богомолка».

Тигр в удэгейской культуре – это не просто сильное и опасное животное, в его образе сочетаются разные пласты анимистических верований. С тигром связаны религиозные представления, в которых он выступает священным родственником некоторых удэгейских фамилий. По некоторым данным, первоначально тигр был тотемным животным у бикинских удэгейцев рода Канчуга, у орочей – рода Еминка, у нанайцев – Актенка, позднее этот тотем распространился и на другие роды уссурийских народов [Старцев 2005: 295]. Но не только представители этих родов почитали тигра. Все коренные народы Приморья и Приамурья к тигру относились как к могущественному покровителю и защитнику, у которого можно попросить помощи и удачи. В отношениях с ним существовала такая же регламентация поведения, как и среди родственников. Удэгейские правила предписывали, что только член рода, связанный узами мифического родства с тигром, мог брать часть его добычи безнаказанно. На тигра распространялся обычай кровной мести: если он нападал или убивал кого-то из удэгейцев, то члены пострадавшего рода должны были мстить «провинившемуся» животному, которым, по их представлениям, завладел злой дух. Только в таком случае можно было убить тигра. В других случаях священное животное не убивали. В представлениях и обрядах, связанных с тигром, сочетаются древнейшие тотемические представления и элементы промысловых культов.

В более позднее время к тигру стали относиться как к хозяину тайги или как к мудрому учителю. *«У нас тигр, как Бог, умный и справедливый»* [ПМ 2009: дневник], – описывал тигра один удэгейский охотник. Образ тигра как хозяина тайги и зверей широко распространен в промысловых ритуалах коренных народов. Он мог наказывать за несоблюдение норм обычного права, определить, добрый или злой человек пришел в лес. *«Если тигр ревет так, что уши закладывает, значит, он выгоняет тебя. Или человек сделал, что-то плохое. С тайгой надо быть честным»*, – рассказывает про взаимоотношения с тигром нанайский охотник Михаил Дункай [ПМ 2009: Дункай М. И.]. Если тигр и человек охотятся на одно и то же животное, то преимущество всегда остается за тигром. Тем, кто соблюдает эти законы, всегда, по словам охотников, «фарт» (удача) будет. Отношения с тигром нередко построены на взаимопомощи. Про тигра рассказывают разные охотничьи истории. Такой рассказ был записан в 2009 г. во время полевых

исследований: «Один раз охотник заметил, как медведь шел за тигренком, и убил этого медведя. А тигрица, видимо, заметила. Так потом охотник в этот же день увидел прямо на тропе изюбря. Хотел согнать, а изюбрь стоит, палкой махнул, а он стоит, как корова, не сгонит. Так как соболея он в этот день наловил, мясо тоже было – обошел его и пошел дальше. Как пришел домой, спросил у бабки, а она ему говорит: “Это тигр тебе благодарностью послал”» [ПМ 2009: Дункай М. И.]. По обычаям удэгейцев здорового тигра нельзя преследовать и стрелять в него. Того охотника, который стрелял в тигра и промахнулся, будет всю жизнь преследовать неудача в промыслах. А тот, который поделился добычей, будет иметь «фарт» в охоте. Если тигр задавил кого-то, то охотник не идет в ту сторону. По представлениям удэгейцев, брать добычу тигра строго запрещается, но нами было записано одно правило взаимоотношения с тигром, где говорится, что *«брать добычу тигра можно, если очень нужно, но только голову всегда надо оставлять “хозяину” мяса. Иначе тигр придет к твоему дому за “рогами”»* [ПМ 2009: Канчуга Ю. Н.]. Это рассказ был записан со слов одного охотника из рода Канчуга, и, возможно, подобное правило распространяется только на представителей родственного тигру рода. Вместе с тем в этом случае мы видим характерное для обычного права соотношение запрета и меры, гибкость и адаптивность традиционных норм.

Удэгейцы считали, что тигр может быть не только добрым, но и злым. Аборигены были убеждены, что во втором случае действиями тигра управляет дух *Амба*, который относится к пантеону злых духов. Иногда *Амбой* называли и самого тигра, несмотря на то что в удэгейском языке для его обозначения используется отдельное слово – *куты* или *Куты Мафа*. А. Ф. Старцев приводит сведения о том, что удэгейцам нельзя было говорить и вспоминать на ночь о тигре, иначе могла быть беда [Старцев 2005: 294]. Больной или раненный тигр, представляющий опасность для людей, тоже называется *Амба*. Таких тигров удэгейцы убивали из-за их опасности для человека. *«Раненый тигр всегда придет за своим обидчиком, и если он решил его убить, то непременно убьет»* [ПМ 2009: дневник]. Удэгейцы с детства учатся относиться к тигру с почтением, жить с ним в мире.

Образы промысловых животных, согласно анимистическим воззрениям, обрастали сакральными чертами, им приписывались сверхъестественные качества и человеческие свойства. Определенные органы животных охотник употреблял в пищу, веря в то, что некоторые их полезные свойства перейдут к нему. Сейчас охотники также широко используют в своем рационе внутренние органы животных. Чаще всего их применяют в лечебных

целях, зная о пользе для здоровья того или иного субпродукта. Так, удэгейцы пьют кровь только что убитых животных для поднятия тонуса, придания силы и бодрости организму, повышения работоспособности и общего целебного воздействия. Они также едят свежие внутренние органы животных, богатые витаминами и ферментами, в лечебных целях используют сырой костный мозг, желчь медведя и кабана, вытяжки из хвостов, пантов и жил изюбра [Подмаскин 2003: 44, 45]. Например, хвост изюбра считается большим лакомством, на которое рассчитывают многие члены семьи. Раньше его могли употреблять только мужчины, для женщин он был табу. Как сейчас смеются местные охотники, «видимо, из-за того, что он очень маленький, вкусный и полезный. Если бы еще нужно было им делиться с женщинами, то самому охотнику ничего бы не досталось» [ПМ 2010: Калугин С. В.]. Нам приходилось наблюдать, как маленький хвост опаливался над костром, чистился и разрезался на множество кусочков, за которыми приходили все охотники, находившиеся на зимовье, нахваливая его вкус [ПМ 2010, дневник]. Изюбриный хвост употреблялся в пищу для поднятия иммунитета, улучшения обмена веществ и увеличения «мужской силы», а также являлся важным источником витаминов. Вытяжки из хвостов засушивали, а полученная масса являлась деликатесом для детей и взрослых [ПМ 2007: дневник].

Мясо изюбра, пятнистого оленя, косули также используется в пищу в сыром виде, что является отличительной чертой традиционного питания. Мясное блюдо *тала* – сырое, мелко нарезанное мясо – вводится в детский рацион почти с грудного возраста, а для взрослых является особо ожидаемым охотничьим трофеем. Оно употребляется как в чистом виде, макая в соль и перец, так и перемешанное с мелко нарезанным репчатым луком, что является более поздним введением в традиционную рецептуру. В прошлом лук заменяла черемша (дикий чеснок).

Обучение охотников

Обучение охотника, приобщение к труду и передача традиционных знаний начинались с раннего детства. Это позволяло сохранять традиции. В с. Красный Яр были записаны детские воспоминания пожилого удэгейца: «*Меня с самого раннего детства отец брал в лодку при дальних переправах по реке, где я наблюдал за движениями отца, работавшего шестом, учился рыбачить и охотиться, и знал уже правила поведения*» [ПМА 2007: Агзу]. Александр Александрович Канчуга две части своей автобиографической повести почти полностью посвятил традиционному воспитанию удэгейских детей, которое проходило в лодках на

речных протоках и тайге, где мальчики учились добывать острой ленок, ориентироваться на местности, а также узнавали промысловые нормы и правила тайги. Мальчики ходили с отцом на охоту в тайгу, где не только помогали, но и проверялись на «прочность» [Канчуга 2003].

Детей часто брали с собой в лес, где они наблюдали за природой, помогали отцу во время промысла. До того им рассказывали о повадках животных, учили распознавать следы, ориентироваться на местности. А когда брали с собой на охоту, то уже самостоятельно отправляли по следу животного.

Охотник Ю. И. Пионка так рассказывает о своем личном опыте: *«Прежде чем ребенка пустили в тайгу, его учили. И не обязательно даже на тропе, а где-нибудь в чуме, в доме, объясняли с какой стороны ветер, с какой стороны подходить, то есть он уже теоретически или как, но уже подготовлен. А потом уже, когда он вышел на тропу в лесу, то начинает соображать: “Ага, ветер оттуда дует, значит, надо с этой стороны зайти”. А так, если вдвоем за зверем идти, то ничего не получится. Что такое тайга? Ветки. Ты зацепил ветку, я зацепил ветку – это уже грохот! А зверь-то, обоняние у него и осязание очень чуткие! Так и учили. Вот меня отец учил: в тайгу взял, тайгу показал, всё – ходи! Капканы показал, как ставить. И так всё – своим опытом!»* [ПМ 2010: Пионка Ю. И.].

В процессе трудовой социализации, знакомясь с обычно-правовыми нормами, дети узнают правила поведения в тайге, на воде, отношение к пойманной рыбе, получают знания о повадках животных, усваивают обряды общения с духами леса. Детям говорили: *«Зверя бей, сколько нужно для пропитания; маток не бей. Если тигр охотится поблизости, оставь ему часть добычи или уйди с его дороги; не бери голову зверя, убитого тигром, он придет за ней к тебе. Береги тайгу, корми духов, не бросай мусор – это твой дом тоже»* [ПМ 2009: Дункай М.]. Взрослые рассказывали детям истории, которые происходили с их знакомыми или родственниками, служившие примерами правильного поведения или иллюстрацией наказаний, вызванных не выполнением предписанных норм.

Среди детских игрушек всегда были луки, ножи, самострелы, остроги, которые использовались в играх в охоту на мелких животных. Одним из объектов детской охоты была белка. Белковым занимались уже с 7-летнего возраста. Чаще всего именно оно было началом охотничьей практики молодых удэгейцев. В промысловом воспитании мальчиков начальном этапе придавалось большое значение, особенно если дети пытались самостоятельно добывать пушных зверей и пернатых. Когда мальчик впервые до-

бывал колонка или соболя, родители устраивали торжество, на которое приглашались родственники и односельчане. Новому охотнику дарили предметы охотничьего быта, желали на будущее хорошего промысла и отмечали, что в роду появился еще один охотник, способный кормить родителей и защищать честь рода [Старцев 2005: 65].

В современных семьях традиция воспитания охотника не утрачена. Красноярская удэгейка рассказывает про своего племянника так: «У меня племянник с друзьями бегал, на белках тренировались, из рогатки умудрялись белке в глаз попасть. Добывали белок в семью. А потом, когда ему подарили ружье, он у нас стал добытчиком и настоящим охотником» [ПМ 2009: Чеузова Н.]. Часто белка была «первым охотничьим трофеем», ее добычу окружали соответствующими ритуалами, приносили жертву духам, чтобы мальчик, будущий охотник, был удачлив и ловок.

Рыболовство

Рыболовство хотя и играло по сравнению с охотой второстепенную роль, все же было довольно развито у удэгейцев. Промыслом занимались в основном мужчины. Рыба существенно дополняла пищевой рацион, ее промышленляли почти на всех реках и их притоках. На Бикине добывали тайменя, ленка, щуку, хариуса и другие виды рыб, из проходных лососевых осенью – кеты. Лов рыбы осуществлялся различными способами. Удэгейцы использовали остроги разных видов, а также крючковые снасти, ловушки, удочки. Для добычи лососей ставились небольшие запоры. Особенно тщательно готовились к осеннему ходу кеты, ремонтировали орудия лова. При первых признаках хода кеты совершались обряды жертвоприношения воде, духу-покровителю всех рыб.

Самый распространенный традиционный способ лова – лучение рыбы острогой. Лучше всего так ловилась рыба на мелководье или в прозрачной воде, мутная – помеха в таком виде лова. Лучение острогой требует совершенной техники и специальных знаний. «Удэгейцы прекрасно знают характер и поведение различных пород рыбы. Плывая по реке, они уже по незначительным признакам могут определить, какая рыба играет и на какой она находится глубине» [Ларькин 1959: 137]. Рыбу также ловили удочкой *ума*, она применялась для лова ленка, карася, щуки. Леску плели из дикой конопли или конского волоса. Удочками, особенно в зимний период, чаще всего пользовались старики и дети.

Промышленным рыболовством с появлением коллективных хозяйств стали заниматься только самаргинские удэгейцы, в других территориальных группах, в том числе и на Бикине, рыбу ловили только для личного пользования.

Собирательство

Еще одна отрасль хозяйства, которой занимались в основном женщины, это сбор дикоросов (ягод, орехов, грибов, лечебных растений). Перечень пищевых ресурсов и лекарственных растений, традиционно используемых удэгейцами и другими коренными народами был широк. В его состав входили черемша, дикий лук, дикий чеснок, ростки и коренья папоротника, осмунды, стебли белокопытника, элеутерококк, аралия, женьшень, листья недотроги, коренья дикой лилии, трава мяты, подорожник, крохоблека, тысячелистник, лопух, корни бубенчика трехконечного, бубенчика четырехлистного, платикадона крупноцветного, дудника медвежьего, корни и листья бадана, ягоды тиса и бархата, крапива, цветы и листья багульника, василисник альпийский, зверобой, рябинник обыкновенный, репейник, некоторые виды полыни, ветки ивы, ольхи; ягоды шиповника, жимолости, голубики, красной смородины, брусники, клюквы, лимонника, актинидии, винограда, калины, боярышника, черемухи: плоды диких груш и яблок, лещины, ореха маньчжурского; кедровые шишки, еловые почки, смола еловая, пихтовая, чага березовая и др.

Особое место в жизни удэгейцев занимал сбор женьшеня. Время женьшеневого промысла наступало в конце лета. Удэгейцы ходили за женьшенем в специально подготовленной для этого случая одежде и со специальными инструментами. За корнем ходили только мужчины. Отправляясь за женьшенем, они надевали короткие куртки, кожаную обувь, наколенники из грубой ткани или обертывали голени длинными обмотками. Одежду от сырости предохранял специальный передник. Необходимой принадлежностью корневища была небольшая кожаная сумочка, в которой хранились огниво и трут, костяная палочка или деревянные рогульки для выкапывания женьшеня, на пояс вешались два ножа, каждый корневищник имел длинный посох, которым раздвигал траву [Старцев 2005: 114]. Выкапывали корень только взрослого растения подходящего размера. Для этого рядом с корнем снимался слой земли, и если корень оказывался маленьким, то земля перекладывалась на прежнее место для возможности дальнейшего роста корня. Растение помечалось оградкой из палочек, либо зарубкой на дереве, обозначавшей, что у этого корня есть уже собственник. А корень рос дальше до нужного размера [Ларькин 1959: 141]. Некоторые корневищники специально высевали женьшень в благоприятных для него местах, тем самым пополняя запасы его в природе. Плантации передавались по наследству [Подмаскин 1998: 114]. Так как корень пользовался большим спросом у китайцев, его сбор имел товарное значение. Но уже в начале XX века из-за бесконтрольной добычи женьше-

ня количество корня резко сократилось и этот промысел утратил свое первостепенное значение.

Такой же товарный характер носил сбор древесных грибов и лишайника. Грибы собирались в основном для обмена или продажи китайцам, которые их использовали в пищу, а также для приготовления лекарственных препаратов. Во времена тесного взаимодействия с китайцами у удэгейцев во всем Южно-Уссурийском крае существовали специальные «грибовые фанзы», которые специализировались на сборе дубовых грибов (*Tremelia sp*; китайское название – *хай-цай*). «В этих фанзах были обширные нары для сушки гриба. С 1885 года промысел этот начинает падать и к 1900 году совсем исчезает. Цена за один фунт сухих грибов на месте 50 коп. Грибы эти увозились в Китай» [Записки ОИАК. Т. XXXVII, 2004: 30]. Сбор грибов и лишайников для товарообмена в целом характерен для удэгейцев этого периода. Сами удэгейцы в пищу их не использовали. «Каменный лишай из группы *Parmeliaceae* называется китайцами *Жин-ту-ни*, то есть каменная кожа. Собирается в большом количестве в Засучуанье и отправляется в Китай. Местная продажная цена 7 коп. за 1 фунт» [Там же: 30]. В современных условиях эти грибы не собирают. Удэгейцы на вопрос «Собираете ли вы грибы?» отвечали: «А зачем их собирать, рыба и мясо наша еда». Другой удэгеец пояснил: «Удэгейцы собирали их раньше по разнарядкам от коопромхозов или когда китайцы были – им на продажу» [ПМА 2007: дневник]. Таким образом, удэгейцы относились к грибам, как многие другие коренные народы, и стали их собирать на продажу, когда появилась такая возможность.

Традиционно удэгейцы собирали черемшу и дикий чеснок. Удэгейский писатель А. А. Канчуга вспоминает: «Я помню, как в тайге в лесу такая поляна полная черемши растет, а я сажу за спиной у матери и вижу, как женщины также с детьми на спине собирают ее. Мне, оказывается, был год с чем-то. Женщины всегда ходили черемшу собирать. Все, кто в куче живет, все идут собирать черемшу – женщины, девочки, девушки» [ПМ 2009: Канчуга А.]. Из черемши делали салаты и добавляли ее к разным блюдам. Дикий чеснок перемалывали, и охотники брали его с собой на промысел.

Удэгейцы хорошо знали полезные пищевые и лечебные свойства растений. Знания о редких растениях и растительных препаратах хранили и передавали внутри семьи, стараясь их не распространять. Это соответствовало принципам традиционного природопользования, вело к сохранению среды и ресурсов леса [Старцев 2005: 113; см. также: Востриков 1974: 20].

Удэгейцы заготавливали и ели в течение всего года маньчжурские орехи, которые оказывают иммуностимулирующее действие

[ПМ 2009: Г. Н. Ушакова]. Багульник собирали до наступления стадии цветения, его использовали для окуривания и в ритуальных целях, а также для дезинфекции во время болезни. Корень элеутерококка применялся для повышения тонуса и иммунитета. Поздней осенью, когда чага (березовый нарост) уже полностью созрела и приобретала черный цвет, ее собирали, заваривали и пили вместо чая. Для облегчения болей в ногах или утомляемости при ходьбе употребляли отвары зверобоя, рябинника обыкновенного, полыни побегоносной, репейника. Корни дудника медвежьего использовались при ревматизме, радикулите и других заболеваниях. Заготавливали также дикий шиповник, виноград, лимонник, смородину [Там же].

Сбор дикоросов начинался ранней весной, длился все лето до поздней осени. Весной начинали собирать чеснок, черемшу, папоротники орляк и осмунду, дикуую капусту (местное название *пучка*). Летом – ягоды: жимолость самая первая, затем смородина, голубика, черемуха, брусника, орех маньчжурский, орех кедровый. Осенью – калину, рябину, боярышник, кишмиш (актинидию), дикий виноград, лимонник, шиповник, дикие яблоки и груши и т. д. Поздней осенью и зимой – кедровые орехи.

Большинство удэгейцев не занимались и не занимаются сейчас заготовками на зиму. Они употребляют в пищу только свежие «сезонные» дикоросы, как и остальные продукты. Современные удэгейцы, конечно, под влиянием русской культуры переняли некоторые способы зимних заготовок, консервации. Многие выращивают на приусадебных участках клубнику, смородину, малину [ПМ 2009].

После организации госпромхозов большое значение приобрел сбор кедровых шишек. До этого их сбор осуществлялся в небольших объемах для питания, но играл важную роль в комплексном традиционном жизнеобеспечении. Основной недостаток кедрового промысла заключается в его нестабильности. Хороший урожай у кедра бывает один раз в четыре года. Но если уж урожайный год выпал, то в ореховом промысле участвует все население. Удэгейцы уже несколько лет вспоминают урожай 2007 года: *«Ой, в том году, когда было много кедрового ореха, мы целый год собирали его мешками, машинами вывозили, сдавали, опять шли. Даже зимой и весной собирали, так его было много. Маленькие дети и те ходили со всеми на промысел»* [ПМ 2009: Погореленко Л. (Канчуга)]. Помимо большого значения кедрового ореха для людей, нужно отметить его важность в кормовой базе животных – кабана, медведя, белки и других, которые являются промысловыми животными удэгейцев.

В годы советской власти в госпромхозах сбор дикоросов являлся отдельной статьей дохода. Собирали и сдавали ягоды,

лекарственные растения, древесные грибы и другие дары леса. В это же время удэгейцы стали осваивать пчеловодство, до этого добыча дикого меда имела эпизодический характер. Некоторые семьи, занимающиеся пчеловодством, жили возле пасеки вдали от поселков. Они фактически вели традиционный образ жизни, занимались охотой, а дополнительно – бортничеством, мед сдавали в госпромхозы. В этих семьях лучше всего сохранялись знания традиционной культуры и языка [ПМА 2009: дневник].

В настоящее время роль собирательства в разных районах не одинакова и зависит от доступности и обилия природных ресурсов для основных форм хозяйствования. Знания о некоторых растениях исчезают или совсем утрачены из-за своей невостребованности. Полностью исчезли предметы хозяйственного обихода, такие как плетеные из корней тальника дуршлаг, веялки, корзины, не используются черемуховые стружки, которые применялись ранее в гигиенических целях. Но некоторые виды дикоросов сохраняют свое значение до сегодняшнего дня: например, заготовка и засолка дикого чеснока – характерное занятие многих семей.

Новый этап традиционного природопользования (XX век)

До XIX века продукция, получаемая от охоты на копытных животных, использовалась в кругу семьи охотника, а пушнина менялась на продукты питания и предметы первой необходимости. С начала XX века начался переход от меновой экономики к денежной [Старцев 2005: 85]. Установление товарно-денежных отношений изменило отношение к добыче некоторых видов промысловых животных. В первую очередь это касается охоты на соболя. Такие же изменения произошли с охотой на изюбра, которая стала вестись ради пантового промысла. Если раньше зверя убивали только ради мяса, шкуры и сухожилий, то с появлением нового рынка сбыта, изюбра стали добывать главным образом ради пантов, которые высоко ценились и составляли значительную часть бюджета охотников.

Товарно-денежные отношения, несмотря на свою положительную роль в улучшении удэгейского быта, негативно сказались на соболином промысле. Китайские торговцы, проникавшие в долины для заработков и оседавшие в поселках, подчиняли себе местных аборигенов и заставляли за бесценок поставлять им меха, панты, женьшень. Общение с китайцами и русскими, помимо повышения спроса на меха, привело к росту потребности в привозной пище и промышленных товарах. Отсутствие среди аборигенов грамотных людей приводило к тому, что скупщики часто их обманывали. Обмен был бесконтрольным, цены на мех, приобретаемый у удэгейцев, занижались, что приводило к хищ-

нической эксплуатации и резкому снижению видовой популяции соболя. Как пишет В. К. Арсеньев, «низкая цена на соболиный мех и большой спрос на него заставили туземцев энергичнее взяться за охоту. Расхищая свои природные богатства, туземцы вели соболиный промысел без должной осмотрительности и, сдавая меха за бесценно купцам, сами от этого не делались состоятельней» [Арсеньев 1949: 183–184]. Эти события привели к тому, что в 1912 году был издан закон, запрещающий охоту на соболя в течение 3-х лет для восстановления его популяции. Но этот закон не только не помог, но и усугубил положение в крае, так как для удэгейцев соболевание являлось основой жизнеобеспечения и с его запретом, не получив ничего взамен, удэгейцы не смогли бы выжить в суровых условиях тайги. В. К. Арсеньев писал: «Составитель закона имел хорошую цель, но результат получился совершенно обратный, дело в том, что для туземцев звероловство является столь необходимым средством к жизни, как и рыболовство. Без соболевания они будут терпеть так же нужду, как и земледельцы, которым запретили бы обрабатывать землю, а потому одним запретом невозможно остановить туземцев от соболиного промысла» [Там же]. Чтобы как-то существовать дальше и получать необходимые для выживания средства, охотники стали добывать соболя в два раза больше. Описанный исторический пример показывает, что принятие жестких государственных запретов без учета традиций может принести больше вреда, чем пользы. Во все времена при принятии законов важно учитывать особенности традиционного природопользования и потребности местного сообщества. Только тогда будут выполняться законы и достигаться поставленные в них природоохранные цели.

С началом советского строительства в районах проживания хорских, анойских и иманских удэгейцев начали появляться первые промысловые артели, в которых охотничий промысел был поставлен под контроль государства. На Бикине первая артель была создана значительно позже, артель «Охотник» появилась лишь в начале 1950-х годов. До этого на территории бикинских удэгейцев функционировал колхоз, где охотников учили обрабатывать землю, выращивать овощи, разводить молочный скот. Дополнительно за удэгейскими колхозами были закреплены охотничьи угодья по бассейнам рек, где традиционно проживали группы коренных народов. В этот период был проведен первый учет зверя, результаты которого показали, какое количество промысловых животных можно добывать без ущерба тайге [Старцев 2005: 87–88].

Объем добычи продукции охотничьего промысла менялся в зависимости от исторических процессов, происходивших в государстве. В годы Великой Отечественной войны он падал, после возвра-

щения фронтовиков домой рос. В послевоенные годы (1946–1950) для некоторых колхозов государство вводило лимиты на добычу соболей, со временем повышая их. С 1960-х годов охотничий промысел госпромхозов стал включать добычу цветной пушнины – колонка, белки, норки, выдры и других промысловых животных. От этого валовой продукт охотопромысловой продукции стал возрастать, что повышало уровень жизни охотников.

В 1960-х годах на Бикине был организован госпромхоз «Пожарский», который стал единственной хозяйственной организацией на территории Красного Яра. Это нововведение должно было способствовать наиболее полному и рациональному использованию угодий и увеличению производства таежной продукции. В организации труда также происходили изменения, но они мало затрагивали аборигенные традиции ведения охоты. Развитие охотопромыслового хозяйства успешно шло на закрепленных за разными группами удэгейцев территориях, заготовки пушнины увеличивались. Более успешному хозяйствованию и получению большей прибыли госпромхозов способствовал комплекс организационно-технических мероприятий. В ГПХ «Пожарский» практиковалась «заброска» охотников на вертолетах в отдаленные угодья, проводились охотничьи «путики», на некоторых участках велась подкормка зверя.

Переход на рыночные отношения оказался трудным периодом для коренного населения. До 1990-х годов на территории «Пожарского» ГПХ стабильно работало хозяйство, обеспечивались гарантированные пути сбыта охотничьей продукции и постоянный уровень заработной платы. Все это давало уверенность в завтрашнем дне. Но после политических изменений в стране и начавшихся экономических преобразований (переход на рыночные отношения) началось критическое время для промысловой деятельности. Основная причина кризиса заключалась в том, что современные реформы экономической системы нарушили старые сложившиеся хозяйственные связи, а новых рынков сбыта не создали [Старцев 2005: 64].

С распадом коллективных хозяйств и сокращением контроля со стороны государства ухудшилась система охраны окружающей среды и охотничьих угодий. Деятельность лесозаготовительных промышленных компаний приводила к сокращению площади охотничьих угодий, а строительство дорог и развитие инфраструктуры – к большей доступности прежде сохранных таежных территорий. В результате в места традиционного промысла начался бесконтрольный наплыв туристов, охотников-любителей, путешественников, большинство из которых вели браконьерский промысел, а также грабили, разоряли и поджигали зимовья. От-

существование должного контроля над наемными рабочими также вело к браконьерскому использованию лесных ресурсов. Охотники с тоской вспоминают о бывшей организации охотничьего промысла, когда лабазы (амбары, по удэгл. дзали) на зимовьях не закрывались на замок, в них оставляли продукты и другие предметы обихода, охотничий инвентарь.

Весь уклад жизни удэгейцев связан с тайгой, и, когда происходят резкие изменения в устоявшихся формах хозяйствования, а особенно, когда подрывается сырьевая база промыслового хозяйства, происходит уничтожение основ существования удэгейцев, которые не хотят и не в состоянии жить в другой экологической нише. Этот вывод сделан на основе отзывов самих же удэгейцев и других коренных жителей как бикинской, так и соседней – агзинской территориальной группы. Их высказывания исполнены глубокой любви к родным местам, к тайге, рекам, но в них сквозит волнение за судьбу окружающего природного мира: *«Если так все будет продолжаться, я возьму ружье и уйду в лес, буду жить, как умею, как жили предки, здесь жить невозможно, уехать отсюда я не могу, для удэгейца лес – это все! Вся его жизнь!»* [ПМА 2007: Камандзига К.]. *«Мы можем прожить без света, без дополнительного обеспечения, без других благ цивилизации, но не можем без леса!»* [ПМА 2009: дневник].

Актуальность этих проблем для удэгейского традиционного охотничьего хозяйства пока сохраняется. Каждая община решает вопросы своей жизнедеятельности по-своему. В условиях экономического выживания некоторые удэгейцы вынуждены заниматься таким чуждым для них занятием, как лесозаготовка. Насколько это чуждо для коренного населения, говорит следующий отрывок беседы с удэгейскими охотниками: *«Удегейцам лес рубить нельзя. Кто его рубит, с ним обязательно что-то случается. Вот сколько наших там [на лесозаготовке. – Авт.] ни работало, обязательно что-то случалось: кто ногу ломал, на кого дерево валялось. У нас же каждое дерево живое. А еще есть деревья с богомолками. Нашим такие стороной обходить надо, а ему говорят: руби. Мы же знаем, какие можно рубить, а какие нет, а они, что, все подряд рубят. Нет, нашим там работать нельзя»* [ПМ 2009: дневник].

После заключения договора аренды у людей появилась надежда на изменение положения в лучшую сторону. Основные преимущества проекта, которые отмечали все удэгейцы, это лесоохранная функция аренды территории, которая теперь закреплена за общиной «Тигр», и надежда на появление дополнительного дохода и рабочих мест – в этом все жители оказались единодушны. В основном все мнения людей можно обобщить таким выска-

званием удэгейских женщин: *«Ну, наконец-то хоть какой-то кусок нашего леса отвоевали. Теперь можно спать спокойно: за-втра не придут с топорами. А собирать дикоросы мы всегда гото-вы. Раньше их собирали и сейчас будем. Лишь бы принимали»* [ПМ 2009: дневник].

Осуществление мероприятий по данному проекту частично снимет опасения удэгейского лидера П. В. Суляндзиги по поводу сложного положения общин коренных народов. Ранее он говорил о том, что созданные в последние годы в районах родовые общины удэгейцев, которые пытаются создать рабочие места для традиционных форм хозяйствования, не могут этого сделать без стартового капитала и соответствующей подготовки [Суляндзига 2003: 83]. Сейчас такая возможность появилась. В качестве такого капитала выступают возобновляемые природные ресурсы, а в общине «Тигр» есть специалисты, которые смогут организо-вать их использование с пользой для населения, у них есть оп-ределенные планы и первые шаги уже сделаны. Использование пищевых и лекарственных лесных ресурсов является щадящим использованием лесного потенциала и существенной составляю-щей традиционного природопользования.

С вхождением народов в новую для них область социально-экономических отношений и государственного правового регули-рования образ жизни удэгейцев существенно изменился. Но сами этнообразующие формы жизнеобеспечения, основанные на тра-диционном промысле, не потеряли своего значения. Товарность производства, совершенствование материально-технической базы традиционного хозяйства не отменили «традиционность» в по-нятиях «традиционное природопользование» и «традиционный образ жизни». Модернизация промысла или традиционного про-изводства явилась современным подходом к улучшению условий труда, повышению безопасности промысловиков и новым формам щадящего использования таежных ресурсов. Пока у коренных групп населения при естественной смене поколений сохраняется преемственность в использовании территорий охотничьего про-мысла, мест вылова рыбы; пока консервируется преемственность в видах трудовой деятельности: охота, рыбная ловля, собиратель-ство; пока не меняется тип получаемой для потребления и прода-жи продукции: мясо, рыба пушнина, шкуры и другие растительные ресурсы – до тех пор есть все основания говорить о «традицион-ности» этих и подобных занятий [Ямсков 1996: 5]. А что является еще более важным для традиционного природопользования, так это то, что оно сохраняется и развивается, когда удэгейцы сохра-няют свои знания о лесе и подчиняют свою хозяйственную дея-тельность и социальные отношения в соответствии с ними.

Традиционные экологические знания

Народные знания являются неотъемлемой частью традиционного образа жизни народа. Они вырабатывались, развивались и использовались на протяжении длительного периода. Частично унифицируясь и преобразуясь, они сохраняются и продолжают функционировать в повседневной жизни коренных народов.

Без народных знаний будет неполным понимание традиционного природопользования, а аборигены именно в нем демонстрируют особые умения и технологии, обычаи и традиции [Новикова 2003: 129]. Традиционные знания проявляются в хозяйствовании, во взаимодействии с окружающей средой, способствуют устойчивому и долговременному использованию биоресурсов. В научной литературе они выделяются как критерий, определяющий особый правовой статус коренных народов. В первую очередь эти знания определяют особую связь аборигенов с землей. При анализе правового положения коренных народов мы исходим из того, что их традиционный образ жизни определяется их особыми знаниями об окружающем мире и о своем месте в нем.

Не случайно Т. Инголд в работе, представленной в 2004 г. на ICASS V (Пятом конгрессе социальных исследователей Арктики) и названной «Манифестом северной антропологии», пишет о необходимости установления диалога между традиционными и научными знаниями о Севере. Он подчеркивает, что для коренных жителей Севера земля не объект. Это источник поддержания жизни. Они живут внутри земли, а не на ней. В процессе движения по земле они скорее не создают новые знания о земле, а вспоминают их, и поэтому не земля принадлежит им, а они принадлежат земле [Ingold 2005: 68–69]. Необходимость выработки общего знания особенно важна в правовой сфере. Такой подход соответствует принципам международного права, отраженным в Конвенции 169 МОТ, в которой подчеркивается значение обычного права этих народов для их правового статуса. Не нужно забывать, что Конституция Российской Федерации 1993 г. впервые в истории государства закрепила гарантии прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69).

В соответствии с российским законодательством, именно традиционное природопользование определяет статус и регламентирует права коренных малочисленных народов в соответствии с принципами международного права. Знания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, также как и знания коренных народов мира, признаны мировым

сообществом как общечеловеческое культурное достояние, имеющее немаловажное значение для устойчивого развития.

Согласно Конвенции МОТ 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» в качестве основополагающей характеристики коренных народов указывается, что их «положение регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством». «При применении к соответствующим народам национальных законов должным образом учитываются их обычаи и обычное право. Указанные народы имеют право сохранять собственные обычаи и институты, если они не противоречат основным правам, определенным национальной правовой системой и международно-признанным правам человека» [ст. 8 Конвенции]. Ценность и значение традиционных знаний и природопользования как части общечеловеческой культуры и части стратегии сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия закреплены в 8 статье Конвенции о биологическом разнообразии, принятой в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В ней признается, что «коренное население и его общины, а также другие местные общины призваны играть жизненно важную роль в рациональном использовании и улучшении окружающей среды с учетом их знаний и традиционной практики» [Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, Принцип 22].

Возможность учета обычаев, традиций и обычного права этих народов провозглашена и в федеральном законодательстве России последних лет, что подтверждает провозглашенные в Конституции Российской Федерации гарантии защиты прав коренных малочисленных народов в соответствии с принципами и нормами международного права. В законодательстве Российской Федерации обычаи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации определяются как «традиционно сложившиеся и широко применяемые коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации правила ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни». Необходимо подчеркнуть, что согласно статье 2 ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» правовое регулирование отношений в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования может осуществляться как законами и иными нормативными актами, так и обычаями малочисленных народов, если такие обычаи не противоречат законодательству Российской Федерации, законодательству субъектов Российской Федерации.

В таких случаях речь идет правовых обычаях, которые отличаются от просто обычаев рядом признаков юстициальности, из которых важнейшим является санкция. Таким образом, источником обычного права является обычай, за несоблюдение которого установлено наказание. Обычное право – обязательное и широко известное правило поведения многократного применения, адресованное всем участникам правового общения. Обычай может сохраняться в традиции долгое время, иногда люди уже и не помнят, как и почему он возник, но вера в необходимость следования ему настолько велика, что он неукоснительно соблюдается. Причем санкции за его нарушение могут быть как общественными, так и сверхъестественными.

Обычно-правовое регулирование в традиционной среде строилось на соотношении меры и запрета. Мера определяет отношение носителей традиционной культуры, в данном случае удэгейцев, к природе, окружающему миру, тайге, то есть к исконной среде обитания. Эта норма определяет, как себя надо вести, устанавливает рамки использования ресурсов. Объясняя эту норму, удэгейцы говорят: *«Это наш завтрашний день»*. Они знают, что природные ресурсы имеют существенное значение для выживания, и выработали для регуляции их использования традиционные экологические нормы. Обычное право представляет собой разработанную систему запретов. Дети в традиционном обществе с первых лет жизни знают, что нельзя делать. Нельзя плевать в воду, нельзя брать больше, чем тебе надо. Аборигены говорят, что так делать – «грех». В обычно-правовой системе есть отличительная особенность запретов: иногда они могут нарушаться, соблюдается «мера в запретах» [Новикова 2002: 180]. Например, удэгейцы не охотятся на чужих участках, запрещено брать зверя из чужой ловушки, но если человек ничего не поймал за целый день и ему не с чем вернуться домой, он может взять на участке у другого охотника добычу, которую потом будет обязан ему вернуть. Если в такой ситуации охотник убил зверя на чужих угодьях, то для предотвращения конфликта он должен отдать часть добычи хозяину промысловой территории, на которой ему повезло. Обычно, если тигр охотится в лесу и оставляет часть добычи, охотники ее не трогают. В критической ситуации, говорят удэгейцы, можно взять часть тигриной добычи, *«объяснив ему свое бедственное положение»* [ПМ 2009: дневник]. В разговоре с удэгейцами можно услышать такую фразу: *«если нужно, то можно»*. У людей, которые руководствуются в своих действиях подобными правилами, должно быть очень четкое представление о мере. Традиционная культура удэгейцев строится на этом представлении, такое правило они унаследовали от предков и именно поэтому смогли сохра-

нить природу Уссурийского края. Обычное право, являясь частью традиционных знаний аборигенов, позволяет им жить в мире природы и в мире людей, устанавливать отношения добрососедства и неистощительного ресурсосберегающего природопользования.

У удэгейцев сложилась система охотничьих правил и норм, которые они неукоснительно соблюдают в лесу. На охоту ходили только тогда, когда заканчивалось мясо от предыдущего промысла. А во время промысла брали столько, сколько можно съесть. *«Когда находишься в тайге, то для еды бьешь коз, их хватит поесть. А изюбря бьешь, когда едешь домой. Там уже его делишь»*, – рассказывает Клим Канчуга., удэгеец, охотник из общины «Тигр» [ПМ 2009: Канчуга К.]. В книге А. А. Канчуги много зарисовок из жизни удэгейцев в тайге на промысле, например: *«...подсчитав, кто сколько ленков съест на обед, они поднимались на оморочке и кололи ленков, пасущихся возле косы»* [Канчуга 2005: 145].

Ресурсы охотничьего промысла использовались полностью. Характерной особенностью традиционного природопользования является его практическая безотходность: кожа животных и рыб шла на изготовление одежды, из рыбьих костей варили клей, из костей животных изготавливали орудия труда и другие предметы материального быта, украшения, жилы шли на нитки, субпродукты использовались в приготовлении пищи и для кормления собак. Если потребности в каких-то продуктах в данный момент нет, то, как рассказывали красноярские охотники, *«шкуры и неиспользуемые внутренности закладываются под пень, где охотится соболь или другая живность – пусть едят и размножаются»* [ПМ 2009: дневник]. Один из «законов тайги» гласит: *«В тайге все делятся, сытый ты или голодный»* [ПМ 2009: Канчуга А.]. Эти правила, выработанные в ходе многовекового взаимодействия человека с природой, сохраняются до сегодняшнего дня. Удэгейцы XIX века объясняли их так: «В этом мы видим очень разумный запрет, не допускающий хищничества и бесцельного убийства зверя» [Арсеньев ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 27. Цит. по: Старцев 2005: 67]. *«Ведь тайга – это наша жизнь, жизнь наших детей»*, – так говорят современные удэгейцы.

Взаимоотношения в обществе также регламентировались правовыми обычаями. Мирный характер удэгейцев отмечен многими исследователями края. Они владели промысловыми участками и не вступали в конфликт за ресурсы, так как унаследовали эту традицию от отцов и дедов. Почти каждый удэгеец знает, на какой реке и на каких лесных участках вели промысел его предки. Знание своей родословной помогает в решении возникающих споров. Нормы обычного права определяют границы угодий: при распределении земли не устанавливаются жесткие границы территорий.

Прозрачность границ является характерной особенностью традиционного природопользования. Если зверь заходит на соседнюю территорию, где охотится другой охотник, конфликта не возникнет, тот, кто гонит зверя, может свободно добыть его там, где будет удобно. Это норма. И чтобы восстановить нарушенный порядок, охотник просто должен разделить добычу с хозяином участка.

Действие обычного права распространялось на религиозные и духовные представления народа. Удэгейцы включали себя в общую систему взаимоотношений со всем живым в окружающем их мире. Нормы, существующие в человеческом сообществе, транслировались на сообщество зверей, птиц и т.д. Например, если тигр убил кого-то из близких, то за это члены пострадавшего рода имеют право его убить. Это обычай кровной мести. После убийства животного конфликт считался решенным. В данной норме сочетаются представления о сверхъестественном – вера в родство людей и тигров, и сугубо прагматичное соображение: если тигр напал на человека, значит, он ранен и представляет опасность.

В сохранении исконной среды обитания удэгейцев большое значение имели экологические нормы. Они вырабатывались на протяжении длительного времени, передавались от поколения к поколению и заключаются в бережном отношении людей к природе. Эти нормы частично описаны в работе Т. Ю. Сем и продолжают регулировать традиционное природопользование всех коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

1. Природа – это живое существо, подобное человеку, к которому необходимо относиться как к живому организму.

2. От природы можно взять лишь столько, сколько это необходимо человеку для своей жизни и жизни его семьи. Добыча сверх нормы приведет к наказанию «хозяином природных богатств».

3. Нельзя оставлять непотушенным костер или огонь в тайге, на природе, чтобы не нанести ущерб ее богатству и человеку. Допустивший это человек в прошлом изгонялся из общины.

4. Нельзя загрязнять реку, воду, озера, ручьи отходами добычи.

5. Нельзя без нужды рубить деревья, так как они живые существа; их хозяин накажет за это человека, не даст возможности добывать в тайге зверя.

6. Нельзя выщипывать у живой птицы перья и пух, в противном случае это скажется на самом человеке: он будет мучиться от болей, которые испытывают при этих действиях птица или животное.

7. Нельзя выкалывать глаза у животного и совершать какие-либо действия, направленные на мучение этого животного, так как «лесной дух» накажет таким же образом и человека [Сем 1988: 129].

Удэгейцы в совершенстве разработали систему обычно-правового регулирования природопользования, и они хотят ее сохранить в регулировании отношений, возникающих при закреплении за ними территории традиционного природопользования и при заключении договора аренды ОПЗ. Традиционные нормы имеют четкую экологическую направленность и именно поэтому они соответствуют правовой системе государства, если оно провозглашает приоритет защиты окружающей среды. Авторам экспертизы представляется очень важным включить эти положения не только в текст экспертизы, но и использовать при разработке типового Проекта освоения лесов для заготовки пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений. Традиционные знания удэгейцев должны учитываться при всех планах лесопользования на территории их проживания. Они уже доказали свою верность, ведь именно регулируемое ими традиционное природопользование сохранило уссурийскую тайгу и ее обитателей.

Традиционные народные знания удэгейцев, в первую очередь экологические, соответствуют доктрине устойчивого развития и отвечают положениям Конвенции о биологическом разнообразии. Это те нормы, которые передаются из поколения в поколение, остаются в памяти и практике коренных народов независимо от внешних экономических и политических изменений. Определяющими чертами обычно-правовой системы коренных малочисленных народов Севера, в том числе удэгейцев, являются гармоничное сочетание запрета и меры при использовании природных ресурсов, проницаемость границ при выделении земельных участков, сочетание прав владения, пользования и ответственности за те территории, на которых они живут и занимаются традиционным природопользованием.

От зависимости к ответственности за среду обитания – так оценивают некоторые ученые изменения, произошедшие во взаимоотношениях человека с природой. Когда человек пассивно употреблял продукты, добываемые из окружающей среды, он являлся «вписанным в природу» [Итс 1991: 6]. С усовершенствованием орудий труда человек становится менее зависимым от нее, происходит процесс перехода к производящему хозяйству, и вот здесь для борьбы с экологической угрозой, исходящей от неумеренного пользования и растущих потребностей, нужно использовать в разрабатываемых стратегиях традиционные знания коренных народов.

Глава 3

Современные формы традиционной хозяйственной деятельности

Современное природопользование удэгейцев и других народов, проживающих на данной территории, по-прежнему основано на охоте. Они занимаются пушной и мясной охотой, а при нахождении рынка сбыта – добычей и реализацией желчи и мускуса диких животных и заготовкой пантов. Помимо промысла с целью получения прибыли, все удэгейцы занимаются так называемой любительской охотой и рыболовством для содержания своих семей и поддержки семей родственников. Собирательство дикоросов представлено сбором орехов, молодых побегов папоротника, ягод лимонника, корней элеутерококка и других растений. Этот перечень будет значительно шире, если учитывать растения, традиционно собираемые и заготавливаемые удэгейцами исключительно для личных целей, применяемые в лечебной практике и питании. В настоящее время их количество в среднем исчисляется 30–50 наименованиями, в зависимости от сохранности традиционных знаний в удэгейских семьях, а также ареала распространения того или иного вида. Собирательство является важным дополнительным подспорьем в хозяйстве, что подтвердили данные, полученные в ходе исследования, для более 50% населения с. Красный Яр.

Виды хозяйственной деятельности удэгейцев можно разделить по значимости и функциям: охота – основной вид деятельности, приносящий доход и определяющий образ жизни и культуру удэгейцев; рыболовство – сопутствующий вид промысла, выполняет функцию надежного и регулярного источника пищи (особенно в отсутствие мяса); собирательство – второстепенный, дополняющий вид промысла, необходимый для пополнения рациона питания, обеспечивающий его витаминами, клетчаткой и другими, важными для жизнедеятельности веществами. Собирательство имеет прямое отношение к женской промысловой занятости и является дополнением бюджета семьи.

Традиционные отрасли хозяйства существуют только для поддержания жизнедеятельности коренного населения. Доход от ранее прибыльного охотничьего промысла сегодня не обеспечивает всех потребностей семьи, еще меньший доход дает собирательство. Работа в общине оценивается как малоодоходная, основные

ее «плюсы» в социальных гарантиях для охотников и психологической комфортности – в возможности заниматься любимым делом. Как выражаются сами охотники, *«в общине работаем по привычке, надо где-то числиться, плюс рабочий стаж идет, потом пенсия будет начисляться»*. Стабильный доход в таких условиях может давать лесопромышленный сектор экономики, работа в котором противоречит традициям коренных народов, для которых лес всегда был в первую очередь источником питания, одежды, материалом для строительства жилища и устройства средств передвижения. Использование леса для этих целей не наносит вреда окружающей природной среде и не сравнимо по объемам с промышленными рубками.

Этнологический (социально-антропологический) подход позволяет продемонстрировать связь всех элементов жизни и культуры изучаемого сообщества, важность создания устойчивых условий для их существования, повышения не только уровня, но и качества жизни, что для коренных малочисленных народов включает и показатели этнокультурного комфорта. В этом решающую роль играет социальная организация, самоорганизация людей.

Среди всех видов традиционного природопользования основное место занимает охотничье-промысловый сектор экономики, который представлен несколькими организациями.

Официальным охотничьим промыслом на территории среднего и верхнего Бикина занимается община коренных малочисленных народов «Тигр». Свою деятельность община осуществляет в рамках государственного правового регулирования. На федеральном уровне использование ресурсов животного мира в целях охоты и регулирование поведения охотника и ведения охотничьей деятельности осуществляется на основании Федерального закона № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.09 г. В нем даются определения существующих видов охоты:

Промысловая охота – охота, осуществляемая юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в целях заготовки, производства и продажи продукции;

Любительская и спортивная охота – охота, осуществляемая физическими лицами с целью личного потребления продукции охоты и в рекреационных целях.

В деятельности общины задействованы несколько категорий охотников: штатные охотники промысловики, сезонные охотники и охотники-любители.

Охотники-промысловики – это охотники, которые состоят в штате общины как промысловые рабочие, с ними заключены

договоры на заготовку охотничьей продукции на территории охотничьего хозяйства общины, по которым регулируется их взаимодействие с общиной и их деятельность на промысловых участках. Охотники имеют следующие обязанности:

- заготавливать качественную продукцию на территории участка по видам, на которые ему выдана лицензия;
- сдавать продукцию в заготовительный пункт общины за установленную плату (согласно приемной цене на день сдачи).

Община в свою очередь без оплаты предоставляет охотнику лицензии, согласно действующему законодательству Российской Федерации, на заготовку разных видов продукции. В случае не выполнения обязательств охотник может лишиться закрепленного за ним охотничьего участка либо права охоты на территории охотничьего хозяйства общины.

Все промысловые работники являются членами общины и с ними дополнительно заключены договоры на предоставление охотничьих участков на территории хозяйства общины. В этих договорах прописаны более детальные обязательства по освоению, защите закрепленных территорий и уходу за ними.

Охотник обязан:

- выполнять и иные договоры, приказы и распоряжения общины, а также ее охотоведов и егерей, осуществлять помощь в сборе информации и выполнении отчетов о состоянии участка и численности животных и других природных ресурсов, принимать участие в проводимых общиной на территории участка мероприятиях;
- проводить охранные мероприятия и не допускать браконьерство, способствовать природоохранным организациям и структурам в выявлении и пресечении нарушений природоохранного законодательства;
- проводить противопожарные мероприятия и участвовать в тушении пожаров;
- не допускать бесконтрольное посещение участка, осуществлять надзор за посетителями и требовать с них предоставление (для фиксирования) документов удостоверяющих личность и разрешающих осуществление проводимого ими вида деятельности (если это установлено законодательством);
- следить за порядком и чистотой в местах остановки и ночлега, места частого нахождения (у охотничьих избушек) должны быть оборудованными туалетом и ямой для мусора;
- согласовывать любую деятельность на территории участка с руководством общины и отчитываться перед руководством по окончании проводимой на территории участка деятельности;
- при выявлении нарушений природоохранного законодательства в кратчайшее сроки письменно сообщать руководству общины

ны обо всех деталях нарушения и, если установлено, информацию о лицах нарушивших природоохранное законодательство.

Промысловики-сезонники – это охотники, с которыми также заключаются договоры на заготовку охотничьей продукции на территории охотничьего хозяйства общины, что дает им право на бесплатное получение разрешительного документа – лицензии на квоты на определенный вид промысловых животных и осуществление охотничьей деятельности. Сегодня основным промысловым животным является соболь.

Интересны сезонники еще и тем, что это люди, которые имеют постоянное место работы в других организациях, но на зимний сезон берут отпуск или отпуск без содержания и на два месяца уходят в тайгу на соболевку. По мнению главного охотоведа общины «Тигр» А. В. Кудрявцева, *«это люди, для которых подобный вид охоты в удовольствие, они продолжают этим заниматься по привычке, оставшейся с госпромхозов»*. Отличие их от охотников-любителей в том, что они берут бесплатную лицензию и обязуются выполнить план, данный общиной, и сдать всю пушнину в общину. Они могут формально не являться членами общины.

Охотники-любители – это охотники, которые занимаются спортивной охотой для личных нужд. От промысловиков первых двух категорий они отличаются тем, что не связывают себя с общиной какими-либо договорными обязательствами. Они покупают именные лицензии и дальнейшие их действия регулируются законодательством Российской Федерации, регламентирующим охоту. Они не участвуют в планах по заготовке общины и часто не являются ее членами.

Традиционная охото-промысловая деятельность ведется на территории традиционного природопользования (ТПП) удэгейцев. Общая площадь охотничьего хозяйства составляет 1 352 100 гектаров, это одно из самых крупных охотничьих хозяйств на Дальнем Востоке и самое большое в Приморском крае. Права общины определены в распоряжении Администрации Приморского края «О предоставлении общественной организации Общине коренных малочисленных народов “Тигр” территории, акватории, необходимых для осуществления пользования объектами животного мира» № 571-ра от 07.10.2008 г. В соответствии с этим распоряжением Управлением по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира Приморского края в лице начальника управления Н. И. Шмакова подписан договор № 2 от 17.11.08 г. о предоставлении ОО ОКМН «Тигр» территории, акватории, необходимой для осуществления пользования объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, сроком на 10 лет. Под действие этого договора попадает и участок

размером 461 154 гектаров, по которому община заключила договор аренды.

Вся территория охотничьего хозяйства поделена на 24 промысловых участка со средней площадью 500 кв. км. Деление, размеры и структура охотничьих участков были установлены в 1960-х годах на основании научно обоснованных рекомендаций Всесоюзного НИИ охоты и звероводства во время создания госпромхоза «Пожарский» (*Приложение 2*). Они были рассчитаны на действие охотничьих бригад. Рекомендуемая тогда норма территории для охотничьего промысла в зоне кедрово-широколиственных лесов, составляла в среднем 150 кв. км на человека. После ликвидации госпромхоза зоны промысловых участков не расформировывались, а со времени образования общины приобрели подобие традиционных родовых угодий с той разницей, что деление между родами осуществлялось не устно, а на основе договоров, которые глава семьи (рода) заключил с общиной.

Из общего числа участков 13 находятся в экспертируемой зоне. Они закреплены за охотниками – членами общины, подписавшими договоры на предоставление охотничьего участка на территории охотничьего хозяйства общины «Тигр». Охотник, закрепивший за собой эту территорию, для лучшего выполнения планов заготовок и ухода имеет право привлекать к промыслу других охотников, чаще всего близких родственников – братьев, детей и т.д. Этот принцип является традиционным делением охотничьих территорий и широко используется охотниками-промысловиками.

Каждый промысловый участок внутри поделен на части между родственниками на основании устной договоренности. Разделение участка на более мелкие охотничьи сегменты происходит по ключам и протокам. Каждый охотник берет себе тот участок, который лучше знает или какой ему предоставил глава семьи, ответственный перед общиной за промысловую территорию. Споры между родственниками в этих вопросах не возникают. Например, участок Якова Трофимовича Канчуги, старого удэгейского охотника, раньше распределялся между четырьмя братьями: *«...у каждого из моих братьев был свой ключ. У каждого свои зимовья, свои маршруты. Сейчас я уже не хожу далеко, живу на берегу, на пойме Бикина, если соболь бегаёт по пойме, то ставлю капканы»* [ПМ 2009: Канчуга Я.Т.] Если охотник уже не может охотиться на своем участке, он может ходатайствовать за своего преемника (родственника), чтобы его участок перешел к нему как бы по наследству, а с себя слагает договорные обязательства по управлению и опромышлению. Это не означает, что теперь он не будет охотиться на своей прежней территории, он может выбрать

на ней любое понравившееся место, исходя из своих возможностей и потребностей. А его более активный правопреемник будет ответственен за план и сохранение этой территории для своих потомков.

Договорная форма закрепления промысловых участков не всеми охотниками воспринимается с энтузиазмом, некоторые в ней видят опасность для традиционной родовой передачи охотничьих территорий, ведь по договору возможно официальное изъятие участка из-за невыполнения какого-либо пункта из перечня требований, предъявляемых к охотнику этим договором. *«За нами участки фактически не закреплены. Ну, как они закрепляются под промысел: “от и до – вот твой участок”. Нет. Не родовой участок стал сейчас, как раньше было, что какой-то род охотился негласно, значит, ему он и принадлежал. А сейчас могут забрать у тебя и отдать кому-нибудь приезжему, скажем. Проплатит тот, может, хорошо, а может, какой-то полезный человек. Так, пожалуйста, заберут и отдадут»* [ПМ 2009: дневник]. Еще одно мнение: *«Раньше негласно закрепленные территории были, но они были закреплены по традиции. От деда к отцу, от отца к сыновьям. И каждый на своем участке, это фамильные участки, распределены все участки-удобья были, где охотятся, где рыбачат... Вот, например, участок Суанковский – и уже знали, что другие фамилии туда не пойдут, ни охотиться, ничего! А сейчас, с этой перестройкой, все перемешалось, мы все потеряли»* [ПМ 2009: Сун В. А.].

Эти примеры показывают, что некоторые люди еще не воспринимают общинные отношения как традиционные, свои. Не хватает информированности о деятельности организации и правового воспитания, из-за этого у людей часто нет доверия к новым порядкам и общине, которая их устанавливает. Община «Тигр» находится в процессе становления и в своей работе сталкивается не только с экономическими и организационными проблемами, но и с психологическими. На фоне существующего недоверия людей к любым органам власти положение нового института самоорганизации является непростым. Руководству общины, вероятно, следует уделять больше внимания работе с охотниками и другими жителями деревни, а также прилагать специальные усилия для разъяснения и убеждения людей в позитивности и правомерности своих действий. Организация хозяйственной деятельности всех членов общины, включение их в решение общих задач позволит добиться успеха.

Помимо хозяйственных функций община ведет масштабную природоохранную деятельность на территориях, используемых для традиционного природопользования. Община участвует в контроле соблюдения природоохранного законодательства всеми

пользователями природных ресурсов в различных формах: пресечение случаев браконьерства; работы по сохранению биоразнообразия – выделение зон покоя, биотехнические мероприятия, проведение противопожарных мероприятий и участие в тушении пожаров. Для планомерного соблюдения этих задач общиной создан штат егерей, в обязанности которых входит контроль и проведение природоохранных мероприятий, в частности они должны:

- следить за состоянием охотничьих угодий, за численностью животных;

- проводить охранные мероприятия;

- не допускать браконьерство, осуществлять надзор за посетителями и требовать от них предоставления документов, удостоверяющих личность и разрешающих осуществление промысловой деятельности;

- в разные сезонные периоды проводить проверки по охотничьим участкам;

- выполнять и другие обязанности согласно внутриобщинным и государственным правилам.

Работа егерей построена на непосредственном взаимодействии с охотниками. Есть должности главного егеря и главного охотоведа – руководителей, организующих и координирующих всю деятельность общины. Если егерь зафиксировал случай нарушения правил охоты, он обязан составить протокол и проинформировать нарушителя о том, что тот нарушает закон. Его деятельность направлена на то, чтобы предотвратить нарушения в будущем и зафиксировать правонарушение документально. Деятельность егерей к тому же опасна, так как некоторые нарушители закона вооружены и настроены агрессивно.

Часть этих проблем решается внутри общины собственными силами. Для большей эффективности егеря работают группами. Передвижения проходят по размеченным маршрутам, которые изменяются по необходимости. Егерями становятся опытные охотники, которые прекрасно знают территорию, количество и качество ресурсов. Их маршруты охватывают всю территорию и отвечают поставленным задачам.

Помимо регулярных маршрутов существуют экстренные выезды на места, где охотниками зафиксировано правонарушение. Для таких выездов община договаривается с правоохранительными органами, в частности РОВД Пожарского района, о выделении уполномоченного сотрудника (милиционера), который обладает большими правами по пресечению правонарушений, чем егерь. В этом случае выездная бригада состоит из четырех человек: егерь, охотовед, милиционер и водитель. Таким образом соединяются полномочия милиционера и знания егеря.

Конечно, такое бесправное положение егерской службы вызывает недовольство у удэгейцев. Егеря считают, что *«мер, которые принимает община [для пресечения правонарушений. – Авт.], достаточно, если бы были полномочия. Сейчас РОВД не очень дает милицию, а без милиции ничего не сделаешь, мы только смотрим. Если незаконная рубка ведется, мы можем только сообщить, а подойти, одернуть, не можем»* [ПМ 2009: Уксуменко А.Н.]. *«Мы же без милиционера – никто, наблюдатели. У нас узкие обязанности, мы не можем досмотреть сами ни лодку, ни машину без работника милиции. Они перед нами даже не остановятся, если знают законы. Мы только записку написать можем, чтобы приняли меры. А лес и охота – это наши интересы и только мы их можем защитить, больше это никому не надо»* [ПМ 2009: Ушаков В. В.]. Мнения трех егерей общины убедительно свидетельствуют о необходимости изменения ситуации, передачи егерям больших полномочий.

Фиксация егерями нарушителей имеет определенный эффект, так как на основании полученных данных (записи данных паспорта, охотничьего билета), а иногда просто на основании визуальных наблюдений таким правонарушителям могут отказать в выдаче документов на право пользования охотничьими ресурсами. Такая мера реагирования применяется на административном уровне, но существуют еще меры на «народном» уровне – для несознательных приезжих охотников, когда их отсеивают сами охотники-удэгейцы, отказывая им в своих услугах проводников. *«Таким способом мы воспитываем туристов»*, – говорят удэгейцы [ПМ 2009: Калугин С. В.]. Зная о деятельности егерей, многие охотники предпочитают не совершать нарушения: *«Для некоторых приезжих охотников или отдыхающих важен сам факт уединения. Если отдыхают компанией, то для всех присутствующих очень неприятным и унижительным является факт проверки документов, и, чтобы такого не происходило, лица, организовавшие выезд, должны проинформировать о своем нахождении егерскую службу, ознакомиться с природоохранными правилами и оформить все необходимые документы»* [ПМ 2009: Калугин С. В.].

Постепенно, благодаря целенаправленным и постоянным действиям, егерская служба приобретает уважение среди приезжих туристов, охотников, рыболовов и других посетителей мест традиционного природопользования общины, в чем можно было убедиться во время проведения исследования. Регулярность проводимых операций, постоянное курсирование егерей по речным дорогам бассейна Бикина, налаживание контакта и ведение диалога с природопользователями постепенно дают свои положительные результаты.

Дополнительно к мерам по охране территорий и пресечению браконьерства не только в сфере охоты, но и в области лесопользования община пытается привлекать состоятельных бизнесменов, безразличных к проблемам сохранения уникальных таежных массивов и официально владеющих частными авиасредствами. Такие бизнесмены, используя частные вертолеты, помогают общине в облете охотничьих участков и экологическом контроле над обширными лесными массивами. Значительную помощь в охране природы оказывал общине бизнесмен Александр Труш, который трагически погиб в 2009 году, о нем у удэгейцев остались самые светлые воспоминания. Благодаря его безвозмездной помощи в деле охраны охотничьих территорий, значительно снизилась число экологических правонарушений. Подобные облеты были достойным сопротивлением незаконному организованному промыслу с использованием авиасредств, несанкционированным рубкам на территории проживания и традиционной хозяйственной деятельности удэгейцев. Егеря за один вылет осуществляли не только контроль над лесопромышленниками, они следили за состоянием лесных насаждений, совершая лесопожарное патрулирование пожароопасных участков тайги. Полученная информация помогала своевременно тушить очаги возгорания. Такое точечное выявление нарушений и возможность оперативного реагирования значительно снизили экологические правонарушения на территориях традиционного природопользования и оказались самыми действенными мерами в сфере защиты исконной среды обитания за последние годы.

Учитывая недостаток полномочий у егерей в области пресечения экологических правонарушений и действенность охранных авиавылетов, необходимо дальнейшее привлечение к природоохранной деятельности общины спонсорской помощи, чему в значительной степени может способствовать наличие на территории общины авиаплощадок, которые использовались ранее госпромхозом.

В проект освоения территории необходимо включить создание вертолетных площадок для осуществления противопожарных мероприятий и мероприятий по защите от браконьерства. В настоящее время у общины есть договоренности с другими бизнесменами со схожей гражданской позицией. Возобновление точечного выявления нарушений и возможность оперативного реагирования будут действенной мерой, которая значительно снизит вновь участвовавшие правонарушения в тайге.

Лесопользование

Большую обеспокоенность в общине вызывают нарушения, связанные с незаконными рубками леса. Ведь у общины нет ника-

ких правовых полномочий для контроля над лесопользованием и проникновением на территорию общины. Так, на сегодняшний момент зафиксировано значительное количество нарушений, когда под видом рубок с целью ухода за лесом уничтожаются ценные породы деревьев, а сухостой весь остается. Можно спросить любого удэгейца, и он скажет, что не раз сталкивался с таким беззаконием. Люди рассказывают, что *«под ведением рубок ухода проводится легальная вырубка ценных древесных пород»* [ПМ 2009]. Егеря, осуществляющие охрану общинных территорий, не один раз указывали на регулярные нарушения в ведении рубок ухода. В основном это происходит из-за ненадлежащего контроля государства над деятельностью компаний, осуществляющих подобные рубки. Это приводит к самовольной вырубке не только сухостоя, но и деловой, ценной древесины. *«Много частных организаций, которые занимаются рубками. Но разве будет частник рубить лес, не имея с него дохода? Никто без дохода не будет рубить»* [ПМ 2009: Ушаков В. В.]. Это главная опасность для удэгейцев и их лесных территорий. Население Красного Яра рассчитывает, что после заключения договора аренды такая ситуация должна измениться.

Управление общины решение проблемы видит в следующем: *«Община в состоянии заниматься ответственным лесопользованием на территории традиционного природопользования. Санитарные рубки и другие рубки ухода можем проводить своими силами или также можем нанимать подрядчика, который будет проводить эти рубки, но уже строго под нашим контролем»* [ПМ 2009]. Для общины ведение подобного вида рубок является важным источником дополнительной расходной древесины, которая может быть использована общиной на нужды первой необходимости. Мнение коренных жителей поселка не отличается от мнения общины: *«Древесина нам нужна. Для деревни нужна из-за того, что это дрова, материал тот, из которого можно сделать настил, поставить забор и подлатать дыры на домах. Ведь по лесобилету каждому выделяется по 15 кубов на семью, этого хватит, чтобы протопить ползими»* [ПМ 2009: Ушаков В. В.]

По вопросу о санитарных рубках в экспертируемой зоне общее мнение местного населения сводится к тому, что территории для рубок ухода должны быть строго определены, а в экспертируемой зоне вообще не должны проводиться (Приложение 3).

Рубки ухода за лесом, рубки промежуточного пользования, периодическое удаление из насаждения деревьев, отставших в росте или мешающих росту деревьев главных пород, создают благоприят-

ятные условия для роста деревьев главных пород, повышают полезные функции леса, дают возможность систематически получать дополнительное количество древесины [Лесная энциклопедия: 1986]. Экономические цели проведения подобных видов рубок связаны с дальнейшим использованием этих лесов. Улучшение качества древостоя, создание условий для увеличения прироста лучших деревьев – эти показатели значимы для местности, которая рассматривается как сырьевой ресурс для лесной промышленности, то есть для ведения регулярных рубок. Проведение рубок ухода и санитарных рубок на большей части экспертируемой территории нецелесообразно и не отвечает статусу ценных лесов и территории традиционного природопользования.

Можно сделать вывод, что на экспертируемых территориях подобного вида рубки не оправданы. Лес, входящий в эту зону, не предназначен для рубок основного пользования, а соответственно, отсутствие рубок ухода, предписанных в лесах других категорий, не сможет нарушить сложившуюся здесь экосистему и негативно повлиять на ее биологическое разнообразие, в то время как их бесконтрольное проведение может негативно сказаться на общем экологическом балансе.

Удэгейцы говорят: *«В тайге нет неценных деревьев, все деревья ценные и выполняют свою функцию. Если дерево упало, молодняк ветки поест, а под него зверь спрячется. Старое – в нем дупло медведь найдет, в корнях соболь нору сделает»* [ПМ 2009: дневник]. Для удэгейца каждое дерево ценно, так как оно входит в биологический круговорот, с которым связано традиционное природопользование и весь образ жизни. *«В тайге нет ненужных деревьев, каждое дерево представляет ценность»* [ПМ 2009: Калугин С. В.]. Этим высказыванием егеря общины Сергея Калугина, можно обобщить мнения опрошенных нами удэгейцев.

Такое представление о лесе передает традиционное отношение аборигенов к родным местам, где каждый таежный участок представляет собой уникальные природными ресурсами и промысловым биоразнообразием уголок. *«Мы в тайгу ходим за зверем, за ягодами, следим за численностью животных – чтобы следующие года не сидеть голодными, – так говорят удэгейцы, сравнивая себя с фермерами. – Лес – наш огород! Мы следим за ним и ухаживаем так же, как сельские жители»* [ПМ 2009: дневник]. *«Лес самое дорогое, что у нас есть, поэтому, если надвигается какая-то угроза на наши территории, мы можем объединиться, как это уже было в 90-х годах, когда мы с оружием в руках встали на его защиту»* [ПМ 2009: Сун В. А.]. А основная угроза для удэгейцев – безответственные лесопромышленники, которых, к сожалению, в Приморском крае много.

История борьбы удэгейцев

Сохранность этого природного уголка с его уникальной экосистемой, начиная со времен строительства социализма и до наших дней, постоянно находится под угрозой. История защиты бикинскими удэгейцами лесов от вырубки выделяется красной чертой в современной истории села Красный Яр.

Эта проблема не прошла незаметно, она неоднократно привлекала внимание многих ученых экологов, этнографов, географов Приморского края и московских исследователей, которые выступали против рубок на территориях коренных народов. Приморский этнограф, известный исследователь удэгейской культуры А. Ф. Старцев на протяжении многих лет является защитником интересов удэгейцев Приморского края. В его работах уделено много внимания истории взаимодействия коренных народов с государством, начиная с момента его образования, социально-экономической политике в отношении коренных народов Приморья и тому, как государственные решения сказывались на культуре проживающих здесь групп, на истории борьбы удэгейцев за свои территории [Старцев 2008]. Осенью 1992 г. в с. Красный Яр проводил исследования В. А. Шнирельман (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва), который осветил современное положение бикинских удэгейцев в выпуске «Исследования по прикладной и неотложной антропологии», где подробно описал и проанализировал деятельность совместного советско-южнокорейского предприятия «Светлая», поставившего под сомнение выживание бикинских удэгейцев [Шнирельман 1992].

На сегодняшний момент конфликт государственных, коммерческих и местных интересов и потребностей в области лесных ресурсов не прекращается. Большие надежды удэгейцы возлагают на закрепление за бикинской группой территории традиционного природопользования федерального значения, что может официально подтвердить их права на эти территории и природные ресурсы, способствовать поддержанию культурного и экономического баланса. Принятие такого статуса дало бы возможность людям самостоятельно заботиться о сохранении окружающей среды – лесах, реках, животных. Это необходимо удэгейцам, которые хотят заниматься традиционным хозяйством на землях своих предков, поддерживая культурные традиции и культурную целостность. *«Дайте нам возможность самим управлять и хозяйствовать там, где мы живем и где жили наши деды! А то живем в постоянном стрессе, что это все не наше и что завтра придут, все отберут, лес вырубят, зверя перебьют и рыбу выловят. Уже сейчас живности почти не стало. А так как сейчас все есть, мы не можем тайгу защищать, нет прав. А в другом месте мы не смо-*

жем жить, мы – лесной народ!» – так описывают свое нынешнее правовое положение бикинские удэгейцы [ПМ 2009: дневник].

Первые заготовки леса на территориях расселения удэгейцев начали осуществляться в 1920-х годах, и уже тогда туземные органы управления забили тревогу, что вырубка лесных площадей, которая приводит в дальнейшем к пожарам, наносит серьезный урон традиционному промыслу народов, проживающих на этих территориях. После национализации лесные и речные угодья, а также недра оказались в руках разнообразных государственных организаций и ведомств, это открыло безграничные возможности для их эксплуатации.

Постоянно увеличивающиеся потребности в деловом лесе для развития промышленности советского государства приводили к освоению все новых лесных участков. Тем самым не только увеличивались площади рубок, но и без учета интересов коренного населения поэтапно уничтожались охотничьи угодья. *«В 1980-е годы большие рубки леса велись в охотничьих угодьях бикинских и иманских удэгейцев: полностью вырублены охотничьи угодья в бассейне рек Тохоло и Алдана (правые притоки Бикина), Арму (левый приток Имана)»* [Старцев 2008: 615].

Рассматривая историю лесозаготовок на территориях Уссурийской тайги, приходишь к выводу, что государственные интересы ставились выше интересов коренного населения и не согласовывались с ним. Лесные угодья, отдаваемые под рубки, имели колоссальные размеры. По соглашению 1987 г. между СССР и Республикой Куба «О сотрудничестве в заготовке и комплексной переработке древесины на территории Советского Союза для нужд народного хозяйства Республики Куба» под рубки были намечены массивы трех районов края. Соглашение предусматривало в 1987–1995 гг. добывать на территориях хозяйственной деятельности хорских и самаргинских удэгейцев, в бассейнах рек Сукпая, Кафэна, Катэна и Самарги, ежегодно до 1,75 млн кубометров древесины [Старцев 2008: 615]

В этот период на трети территории бикинской долины, на отрезке от Красного Яра до Верхнего Перевала, также велись активные промышленные рубки лесов, начавшиеся еще в 1960-х годах. В это же время начались рубки в бассейне реки Тахало, которая находится в непосредственной близости от поселка Красный Яр. Бассейн этой реки был не только богатой промысловой зоной, он был удобен для охотничьего промысла, не требующего больших затрат для доставки охотников на участки и вывоза добытой продукции. Соседствующие с Красным Яром поселки Ясеновое и Соболиное, были построены как раз в это время как места жительства лесозаготовителей. Рубили преимущественно кедр,

а кедровники – основная питательная база для охотопромысловых животных, поэтому из года в год тайга превращалась из богатых охотничьих угодий в малоценную территорию.

В планы лесопромышленников входило освоение всего бассейна Бикина до его верховий, что не могло не вызывать опасений и возмущения местного населения. В этой связи в 1970-х годах на сходе местных жителей Красного Яра в адрес Правительства РСФСР было составлено письмо с просьбой о защите особо ценных кедровых лесов на Бикине. В результате в 1971 г. Совет Министров РСФСР, рассмотрев конфликтную ситуацию, удовлетворил просьбу и официально закрепил кедровые леса средней части бикинской долины в качестве охотничьих угодий с переводом их в первую эксплуатационную группу (Постановление 535 от 27 сентября 1971 г.) [Паничев 2005: 44]. Это решение позволило сохранить часть леса, в том числе и выделенную сейчас орехо-промысловую зону, от промышленных рубок. Затем решением Крайисполкома Приморского края от 16.07.1976 г. № 618 «О дополнительном закреплении орехо-промысловых зон» орехо-промысловая зона в средней части бассейна Бикина была закреплена в долгосрочное пользование за Пожарским Госпромхозом. Это закрепление было подтверждено Постановлением Госплана РСФСР № 163 от 14.09.1979 г. [ПМ 2009: материалы общины].

Следующий этап наступления промышленного освоения этих территорий был связан с «Делом об СП «Светлая»». Как показали дальнейшие события, деятельность этого предприятия ставила под угрозу не только охотопромысловый комплекс, но и сохранность всей экосистемы бикинского бассейна. Компания строила свои планы «без учета мнения его жителей, а также без учета нужд традиционного природопользования коренного населения и глубокого изучения экологических последствий рубок и без стремления к глубокой переработке древесины на месте» [Шнирельман 1992].

Угроза пришла с «востока», со стороны районов, соседствующих с истоками Бикина. Совместное советско-южнокорейское предприятие «Светлая» было создано в 1980-х годах с целью продвижения на международный рынок лесной продукции. А также со «стремлением избежать близящейся экологической катастрофы, связанной с засыханием и вымиранием елово-пихтовых лесов в верховьях р. Бикин» [Шнирельман 1992], которое началось в последние 5–10 лет. Под этим предлогом был разработан проект скорейшей рубки лесов с последующей их регенерацией искусственными насаждениями. Компания создавала привлекательные условия обещаниями строительства дорог, лесопромышленных предприятий, значительных отчислений в социальную сферу.

Эксперты, анализировавшие документы СП, обратили внимание, что данное предприятие уже ранее имело значительные нарушения в области принятых в России правил вырубki, «финская сберегающая техника уже была выведена из строя, а рубки велись отечественной техникой, не обеспечивающей сохранности подростa, там же, где он сохранялся, наблюдалось его усыхание из-за нарушения освещенности и повреждений... в Тернейском районе шла рубка живого леса, а не сухостоя, как было обещано. Временный поселок строителей возводился недалеко от нерестилища» [Шнирельман 1992: 14] и т.д. В результате по решению Совета государственной экологической экспертизы Государственного комитета РСФСР по экологии и природопользованию 22 марта 1991 г. была отмечена неразработанность экологической и природоохранной стороны проекта. Было рекомендовано «опротестовать уже начавшуюся деятельность СП как незаконную, приостановить работы и исключить верховья реки Бикин из сферы деятельности СП «Светлая» [Шнирельман 1992].

Несмотря на все отмеченные действия, создание СП поддерживало краевое руководство, в частности глава администрации В. С. Кузнецов, председатель Приморского краевого Совета А. Волынцев, лесопромышленные ведомства и др. Удэгейское население и поддерживающие их районная администрация, специалисты-экологи, этнографы и другие небезразличные к будущему таежных территорий люди были категорически против проведения каких-либо рубок в верховьях р. Бикин. Таким образом, интересы администрации края полностью противоречили интересам удэгейцев, которые все активней вступали в борьбу с нависшей над ними опасностью и выступали против планов вырубок лесов. Имеющие перед собой два примера положительного и отрицательного решения подобного «лесного вопроса» с соседними удэгейскими группами, самаргинской и иманской, бикинские удэгейцы сделали выбор в пользу способа действий самаргинской группы, сумевшей отстоять свои исконные территории. 20 марта 1990 г. население с. Красный Яр на общем сходе жителей приняло решение о придании Красному Яру национального статуса и закреплении за ним территорий верхней и средней части бассейна реки Бикин. Это решение было поддержано в дальнейшем исполкомом Приморского краевого Совета. Таковы были первые шаги на пути к выделению и закреплению территорий традиционного природопользования за бикинскими удэгейцами.

В результате подобных действий со стороны коренного населения и в связи с указом президента Б. Н. Ельцина от 22 апреля 1992 г. «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера»,

председатель Приморского крайсполкома В. С. Кузнецов издал постановление 165 от 11 июня 1992 г. «О территории традиционного природопользования малочисленных народов, проживающих в Пожарском районе». Правда, к этим территориям в постановлении было отнесено только среднее течение р. Бикин (407,8 тыс. га) и исключена территория верхнего течения. Такое разделение выделенных территорий, можно отнести прежде всего к лоббированию интересов лесопромышленников администрацией края [Шнирельман 1992: 15]. В подтверждение этого тезиса 21 июля 1992 г. В. И. Кузнецов издает распоряжение 455-р, требующее выделять лесосечные фонды в верховьях реки Бикин для СП «Светлая». Оно было издано вопреки всем полученным рекомендациям ученых, экспертов, вопреки интересам коренных народов и явилось причиной острого конфликта, толкнувшего удэгейцев к защите своих территорий собственными силами.

8 августа 1992 г. вооруженные удэгейцы начали пикетирование района предполагаемых вырубок, а начиная с 10 августа они заявили свой протест у здания Краевой администрации во Владивостоке. Аборигены начали активную информационную кампанию, обращаясь ко всем людям за поддержкой: «Тайга – наша спасительница. Ее нельзя оценивать в деньгах. Это – наша жизнь, наш родной дом, наша кормилица. Вырубят тайгу – исчезнут бикинские удэгейцы» [Шнирельман 1992: 16]. Действия небольшого народа, защищающего не только свои территории, но и уникальный уголок Приморской тайги, поддержало большинство населения Приморского края. Самоотверженное поведение привлекло внимание международного сообщества, экологических организаций и общественности. Уссурийское казачество приняло участие в патрулировании границ бикинской тайги в верховьях р. Зева [Паничев 2005: 45]. До сих пор память об этих событиях поддерживает единство удэгейцев. В интервью жители поселка отмечают важность этого события для их самосознания: «Объединится на встречу беды мы можем». И «бедой» чаще всего выступает нерадивый лесопромышленник или браконьер. В результате борьбы удэгейцев за свои права в 1992 году СП «Светлая» прекратила свое существование [Там же]. Так закончился конфликт, вызванный «посягательством промышленной компании на земли традиционного природопользования с целью получения максимальных прибылей и дешевого сырья в максимально короткие сроки» [Шнирельман 1992: 19].

Однако уверенность в сохранности тайги в верховьях реки Бикин удэгейцы получили лишь в 1998 г., когда после многочисленных судебных разбирательств вышло Постановление губернатора края о создании в верхней части бассейна р. Бикин

государственного природного ландшафтного заказника краевого значения «Верхнебикинский» общей площадью 746,5 тыс. га¹. В Постановлении указывалось, что данный заказник создан «в целях сохранения уникальных природных ландшафтов центрального Сихотэ-Алиня, имеющих мировое значение как природный объект, включающий различные природные системы, сохранившиеся только на территории юга Дальнего Востока, на основании статей 9 и 62 Закона РСФСР “Об охране окружающей природной среды”, Федерального закона “Об особо охраняемых природных территориях” и постановления губернатора края от 23 января 1996 г. № 106 “О порядке образования особо охраняемых природных территорий в Приморском крае”».

Освоенность территорий

Промысловый участок – это личное хозяйство охотника, за который он несет ответственность и на котором обязан соблюдать определенные правила. Такими правилами выступают как государственные, так и обычно-правовые нормы, в современных условиях они дополняют друг друга. Причем в труднодоступной тайге именно сами охотники берут на себя ответственность за пользование природными ресурсами, в частности животным миром, распределяют время охоты в течение года, предписывают гуманные способы добычи животных и др. Вот как сами удэгейцы говорят о своей роли: *«Охотник сам следит за своим участком, сам охраняет. Это его огород, его хлеб! Добывает пропитание на нем. Сбор орехов, охотничий промысел – мясо, заготовка дикорастущих. Это, как у крестьянина огород, так у нас тайга. Вот сейчас собираемся порыбачить, потом можем что-то добыть – питание наше. Мы сами-то ничего не производим, мы – нация собирательная, все собираем, собираем. Орехи не сажаем, ягоды не сажаем, зверей не растим, а собираем. Живем за счет природы»* [ПМ 2009: Сун В. А.].

Обязанности пользователя охотничьего участка прописаны в договоре с общиной. На своих промысловых участках охотники проводят значительную часть года. В большинстве случаев люди получают те угодья, на которых охотились их деды и отцы, на них же они сами начинали осваивать традиционный промысел. Добычу, получаемую с промыслового участка, охотник делит на несколько частей. Одну часть он сдает в общину для покрытия плана, вторую использует для питания семьи, а также распределяет среди многочисленных родственников, которые либо не в со-

---

¹ Постановление от 15 сентября 1998 г. № 468 «О создании государственного природного ландшафтного заказника краевого значения «Верхнебикинский».

стоянии охотиться, либо нуждаются в поддержке, а часть может продать. Некоторые пожилые охотники уже не могут охотиться для плана, но их роль в промысловом обеспечении семей остается значительной. Так, Яков Трофимович Канчуга говорит: *«Я уже не охочусь для плана, живу в пойме Бикина, далеко не хожу, охочусь в основном на зверя. Добытым мясом не только я питаюсь. У меня, например, родственников со стороны жены много, им помогать надо. Так что, всех надо обеспечить. Когда брал лицензии, сдавал мясо, а сейчас часть продать могу, деньги тоже нужны»* [ПМ 2009: Канчуга Я. Т.].

Участки делятся на зоны промысла и зоны покоя, которые каждый охотник выделяет самостоятельно. В зимнее время охотником выбирается часть территории под соболевание. Движение по участку происходит по заранее проложенным путикам. Сама охота состоит из движения по путикам, наблюдения, изучения следов, в зависимости от этого – установки капканов, а затем их проверки. *«Капканы устанавливаются преимущественно на самцов (пол животного определяется по следам), выделяется нужная тропа, на которую уже и ставишь капканы, самочек специально не трогают»* [ПМ 2009: дневник]. Также зимой происходит осмотр территории и охота на другого зверя.

Если посмотреть сверху на промысловую территорию охотника, то все маршруты будут проходить от зимовья к зимовью либо недалеко от зимовья, не всегда затрагивая всю территорию. На первый взгляд, это кажется нерациональным использованием всей площади участка, но на самом деле это связано с безупречным знанием удэгейцами своих территорий, животного мира и законов природы. Традиционное для удэгейцев отношение к окружающей среде строится на щадящем потреблении ресурсов леса и равномерном распределении сил и времени человека. В интервью один из старейших удэгейских охотников Яков Трофимович Канчуга так объясняет рациональность маршрутов: *«Эта же территория у нас всю жизнь, за много лет уже знаешь, где находятся соболя, вот там и прокладываешь путики – по 5, по 3, по 7, по 10 километров, все зависит от соболя и у кого участок какой. Когда у меня был участок в верховьях ключа, то 10–15 км – это мой дневной маршрут был, если без ночевки, а если ночуешь, то дальше. Каждый охотник знает, какая у него плотность соболя, из этого и решают, сколько брать, но на другой год оставляли всегда. Смотрит, какой соболю. Когда соболю переходной, его отлавливают, а своего – зачем же брать больше, если он остается у тебя на участке»* [ПМ 2009: Канчуга Я. Т.].

Зимовья, которые сохраняются сейчас на территории хозяйства общины «Тигр», это в основном охотничьи домики, остав-

шиеся после деятельности госпромхоза. *«На одном охотничьем участке может быть от 3 до 5 зимовий, все зависит от величины участка и возможностей хозяина. Вот, например, речка км 30, как ты ее будешь опромышлять? Вот и ставятся зимовья через 5–6 км. Большое зимовье ставят на берегу, а потом притоки идут, один приток – один хозяин, другой приток – другой хозяин, третий – третий хозяин. По центральной – самый главный хозяин»* [ПМ 2009: Канчуга Я. Т.].

По информации, полученной у руководства общины, ранее постройка дополнительных зимовий осуществлялась *«на основании существовавшего у общины до 2009 года договора аренды всего лесного фонда для нужд охотничьего хозяйства. Сюда входили постройка зимовий, заготовка дров, прорубка охотничьих путиков, все, что связано с охотой»* [ПМ 2009: Кудрявцев А.К.]. Сейчас договор расторгнут, поэтому использовать лесной фонд для разных нужд хозяйства нет возможности, что является неудобством для охотников, которые и до этого испытывали трудности с обустройством охотничьих территорий. Хозяева промысловых участков своими силами ремонтируют старые дома, так как из-за отсутствия аренды охотопромысловой территории невозможно строительство новых зимовий, в то время как старые постепенно приходят в негодность.

Заключение договора аренды лесного фонда может изменить ситуацию, ведь заготовка пищевых лесных ресурсов, в первую очередь орехов, предполагает обустройство территории – строительство сушилок, складских сооружений, перевалочных баз для заготовителей. Договор аренды создаст условия, способствующие улучшению обустройства охотничьего участка, усилит контроль над данной территорией со стороны общины, а умеренность традиционного природопользования, свойственная удэгейским охотникам, не позволит хищнически использовать лес.

Уверенность в себе и неспешность во всем отличают образ жизни коренных народов от скоростей техногенного мира. Жизнь в гармонии с природой, в ритме природы – один из факторов, позволяющих удэгейцам регулировать численность животных без особых на то усилий, только соблюдая умеренность и неспешность. В интервью егеря общины «Тигр» Сергей Калугин поясняет: *«Удэгейцы такой народ – все делают по надобности. Есть зверь рядом – и хорошо, далеко в лес не пойдут. Добудут и отдыхают. Также во всем, если что-то надо сделают, больше надобности делать не будут. Дрова есть – хорошо, нет – нарубят. Это сейчас стали на потом заготавливать, запасаться, из-за неуверенности»*. Такой способ традиционного хозяйствования говорит об особом восприятии удэгейцами мира, о жизни в ритме

природы: «Для живущих здесь вся тайга – это дом, дом, где полно работы» [ПМ 2009: дневник]. И когда эту работу делать, решает сам человек, основываясь на своих знаниях окружающего мира, традиционном воспитании и ежедневном таежном опыте.

В истории были периоды, когда этот ритм нарушался. Например, во времена госпромхоза, когда значительно была увеличена численность промысловиков за счет притока людей из других областей Советского Союза, которых привлекала прибыльность пушного промысла. [Паничев 2005: 158]. Нагрузка на промысловые участки была увеличена и, по словам самих охотников, не всегда распределялась равномерно [ПМ 2009: дневник].

В весеннее и летнее время промысловый участок восстанавливается за счет естественных процессов размножения животных. Охота приостанавливается, а для пополнения мясного рациона ведется выборочно, сохраняя поголовье маток и телков. В это время охотятся ближе к реке, протокам. Дополнительно зоны покоя охотники выделяют на своих индивидуальных участках.

Зонами покоя могут служить также трудно доступные территории или так называемые «плохие» места, это может быть участок леса, связанный с трагическим прошлым народа: стойбища погибших от эпидемии оспы или места, память о негативном значении которых не сохранилась, но их названия предостерегают удэгейцев от контакта с ними. Кто-то сохраняет подобные суеверия и придерживается предостережений предков, кто-то нет, а кто-то и не знает о таких местах. Одно из таких мест было зафиксировано во время проведения экспертизы. Это протока Окзано, в переводе с удэгейского «чертова протока», в ее районе есть одно из таких мест, на котором в старые времена удэгейцы не охотились. Сейчас оно включено в территорию одного из промысловых участков, но некоторые охотники туда по-прежнему предпочитают не ходить, оставляя для естественного восполнения популяции животных [ПМ 2009: дневник].

Нагрузка на территории

Если рассматривать всю территорию среднего течения р. Бикин, то большая промысловая нагрузка выпадает на места, расположенные вблизи населенных пунктов, на расстоянии, позволяющем ведение промысла и поддержание домашнего хозяйства. Дальние выезды с учетом стоимости бензина, амортизации транспортных средств дороги, а при современном малом спросе на пушнину и низкой цене соболя становятся невыгодны для охотников. По словам главного охотоведа общины, производил на пушных аукционах, когда во время торгов искусственно занижаются цены на продукцию «не своих» поставщиков, не позволяет

общине-производителю конкурировать с поставщиками-скупщиками пушной продукции. Это приводит к вынужденному снижению закупочных цен в общине. В таких условиях и при отсутствии должной поддержки государства возникают трудности в экономическом развитии общин коренных малочисленных народов. Это не позволяет равномерно развиваться традиционному природопользованию удэгейцев, поэтому люди предпочитают использовать только лицензию на котловое питание, добывая зверя поблизости от поселка.

Занятость охотников-промысловиков не ограничивается зимним пушным промыслом. В их обязанности входит комплекс мероприятий по уходу за участком, за солонцами, кормушками, которые проводятся каждым охотником на своем участке в течение всего года. Сошлемся на План биотехнических мероприятий, проводимых общиной в 2009 году:

Январь – февраль: *заполнение кормушек кормом для копытных животных (сено, веточный корм, зерно, картофель и т.д.); расчистка снега на подходах к кормушкам. При глубоком снежном покрове: прочистка дорог в местах массового скопления животных и к кормовым площадкам.*

Апрель: *очистка от остатков кормов кормовых площадок, уборка с них экскрементов животных; раскладывание соли и других минеральных питательных веществ.*

Май – июнь: *устройство солонцов; посев кормовых полей; оборудование и обустройство кормовых площадок.*

Июль – август: *заготовка веточного корма, сена, картофеля и других кормов для зимней подкормки животных.*

Сентябрь – октябрь: *заготовка кормов (картофель, зерновые культуры) для подкормки диких копытных животных.*

Ноябрь: *подвоз кормов к кормовым площадкам. Анилагирование территории.*

Декабрь: *заполнение кормушек кормом для копытных животных (сено, веточный корм, зерно, картофель и т.д.); расчистка снега на подходах к кормушкам. При глубоком снежном покрове: расчистка троп и дорог в местах массового скопления животных и к кормовым площадкам.*

Некоторые из предложенных мероприятий, рекомендуемые к применению охотоустроителями, имеют свои недостатки, так как не соответствуют традиционным знаниям охотников о животном мире. Когда задавался вопрос о целесообразности проведения подкормки животных заготовленными ветками или картофелем, высаживаемым для кабанов, охотники были единогласны в оцен-

ке таких мер как неэффективных: «Если бережно относиться к лесу, то не нужны никакие подкормки. В летнее время охотники на участках путики чистят, ловушки делают, а то сейчас капканы дорогие, так некоторые переходят на ловушки. А ветки не заготавливаем...» [ПМ 2009: Канчуга Я.Т.]. Другой егерь сказал: «Мы не прикармливаем зверей. Один год разбрасывали овес для кабанов, он весь вырос, они не понимают» [ПМ 2009: Суляндзига Л. В.]. Вместе с тем у удэгейцев существуют свои способы влияния на лесных животных: подкормка животных с использованием, например, шкур и субпродуктов, которые закладывали под пенёк, – для привлечения соболя; рыбу, отметавшую икру, – для медведей [ПМ 2007–2009]; перекочевки к естественным солонцам. Но все эти методы, по мнению охотников, не должны были привносить и не привносили существенных изменений в жизнь леса.

Рыболовство

Хозяйство удэгейцев носит комплексный характер. Можно отметить, что для разных групп рыболовный промысел имеет различное значение. Для бикинской группы удэгейцев использование рыбных ресурсов является важным, но по отношению к охоте второстепенным занятием. Рыболовство не приносит им значимого дохода, но даёт важные пищевые ресурсы. Это объясняется тем, что в р. Бикин лососевые породы рыб заходят намного меньше, чем в реки побережья Японского моря.

Раньше промыслом рыбы занимались мужчины, сейчас им занимаются чаще всего все члены семьи в зависимости от способов лова: женщины и дети используют удочки, спиннинги, мужчины – крючковые снасти разных типов, переносные и стационарные рыболовные ловушки – «морды», вентели. Самый традиционный и любимый способ рыбной ловли, который даже можно назвать охотой, – ловля рыбы острогой – применялся почти до середины XX века. Сейчас этот способ запрещен, что является не совсем верным решением по отношению к удэгейцам. Ведь помимо добычи пропитания этот способ тренировал молодых охотников, вырабатывал у них ловкость, меткость, быстроту реакции. При лучении рыбы с лодки нужно было уметь не только удерживать равновесие, но и попасть в цель, не допуская подранков. Дети осваивали данный вид ловли очень рано. Начиная практиковаться на пескάρях, постепенно приобретали навыки и нужную подготовку, а затем переходили на более крупную рыбу. Удэгейцы обладают поразительными способностями лова не только благодаря постоянным тренировкам, большую роль для достижения успеха играет знание повадок рыб.

Рыбу удэгейцы ловят круглый год, но самым благоприятным временем считают сентябрь и октябрь, когда в реки заходит на

нерест кета. При обнаружении предвестников рыбного хода, мошек, бабочек, некоторых видов насекомых, которых становится так много, *«что они начинают лезть через все щели»* [ПМ 2009: Канчуга Л.; ПМ 2007: Агзу], в поселках ощущается волнение, жители начинают готовить снасти, лодки. Те, кто использует копильни, – готовят их, ремонтируют вешала. Помимо кеты удэгейцы ловят ленка, хариуса, тайменя, щуку и другие виды рыб. Из ленка, хариуса и тайменя делают талу (сырые куски рыбы, иногда присоленные или приправленные затиркой из дикого чеснока) – традиционное и любимое блюдо всех народов Приморья и Приамурья. Так как сейчас многие обладают морозильными камерами, определенную часть улова замораживают. Другую часть вялят, коптят, но чаще жарят и съедают сразу после улова.

Рыбные ресурсы территории верхнего и среднего Бикина имеют большое значение для удовлетворения потребностей местного населения в продуктах питания. Количество рыбы волнует всех удэгейцев, тем более что сейчас они не могут помешать усиливающемуся давлению со стороны рыбаков-любителей, приезжающих сюда из Хабаровского и Приморского краев. По словам одного из удэгейских егерей, *«сейчас приезжих рыбаков в сотню раз стало больше, чем во времена госпромхоза. Хорошая рыбалка может быть только в самых верховьях, куда основная часть туристов еще не добралась, но с каждым годом подбирается все ближе»* [ПМ 2009: дневник]. В процессе обсуждения с органами краевой власти находится сейчас вопрос об аренде рыбопромысловых участков среднего и верхнего течения Бикина общиной «Тигр». От решения этого важного вопроса зависят комплексность и неистощительность хозяйства бикинских удэгейцев, которые готовы взять под свой контроль защиту реки своих предков.

Собирательство

Традиционно используемые ресурсы территории вовлечены в хозяйственный оборот в малом объеме. Из-за низкой транспортной доступности большинства промысловых угодий, а также ввиду традиции незначительного использования базовых ресурсов, пищевые ресурсы территории используются всего на 5–7% от существующего разнообразия видов [Эколого-экономическое обоснование... ТТП «Бикин» 2005: 13]. Прочие ресурсы (лекарственные, технические) используются еще в меньшей степени. Потенциал этой территории позволяет вести сбор дикоросов в больших объемах без угрозы нанесения ущерба природным ресурсам и традиционному образу жизни коренных малочисленных народов (*Приложение 4*).

Участки лиственничных марей богаты голубикой и грибами. Сейчас это места лесного подсобного хозяйства каждой семьи. Заготовки голубики, клюквы, грибов, ведутся только для своих личных нужд. Из них варят компоты, делают варенье, грибы заготавливают (солят) на зиму, из ягод делают начинки для *боуза* – удэгейских паровых «пампушек». Во времена госпромхоза, когда велись масштабные заготовки дикоросов, в собирательный промысел были вовлечены все – мужчины, женщины, старики, дети. После его ликвидации из-за отсутствия рынка сбыта спрос на дикоросы упал. Целенаправленных заготовок не ведется, не используется разнообразие растительных ресурсов, потенциально привлекательных для дальнейшей переработки и использования в пищевой, фармацевтической и технической сферах. Одно время голубику у общины закупало ОАО «Уссурийский бальзам», предприятие, изготавливающее алкогольные и безалкогольные напитки, но в 2004 г., со сменой руководства, поставки лекарственных трав и ягод были прекращены. В материалах исследования записаны интервью людей, вспоминающих о сборе ягод, кедрового ореха как о коллективных мероприятиях, объединяющих людей. На заготовки всегда ездили или семьями, или бригадами по 5–10 человек. Сегодня, когда начинается ягодный сезон и появляются в поселке первые сборщики, люди объединяются семьями: садятся на лодки и выезжают на мари, места, где находятся ягодные участки. Такие участки за много лет промысла известны каждой хозяйке. Они различаются степенью удаленности от поселка. Места, расположенные поблизости, опромышляются в первую очередь, для выезда на дальние – необходима кооперация. Пока сбор ягод происходит только для собственных нужд. Собирательством занимаются в основном женщины, дети и пенсионеры.

Сбор грибов ведется также для личных целей. В традиции удэгейцев грибной промысел отсутствовал. Появление его связано с приходом в край китайцев, которые покупали древесные грибы, а затем русских, научивших коренные народы разбираться в грибах и употреблять их в пищу. Сейчас грибным промыслом занимаются в поселке почти все, хотя реально используется лишь небольшая часть видового разнообразия съедобных грибов данной местности. Среди жителей поселка выделяются заядлые грибники и авторитеты в области знания большого количества видов грибов и способов их приготовления [ПМ 2009: Канчуга Л. В.].

Отдельное место в традиционном собирательстве отводится женьшеневому промыслу, который является неотъемлемой частью удэгейской культуры. Лечебные свойства *олондо*, как называли его удэгейцы, известны коренным народам Приморского края

с незапамятных времен. Им лечили раны, останавливали кровь, использовали для восстановления сил и придания бодрости, лечили внутренние заболевания. Удэгейцы различали «женский» и «мужской» корень, женским могли лечиться только женщины, а мужским – мужчины. В лечебных целях использовались не только корень, но и листья и ягоды. Ягоды никогда не использовались полностью, часть их всегда закапывалась для воспроизводства в том месте, где было найдено растение.

Временем корневого промысла считается конец августа, когда наверху цветочной стрелки образуются красные ягоды. Красный цвет хорошо помогает в поиске корня. Однако для профессионалов наличие ягод не является важным. Они могут находить корень только по листьям или соцветиям. Размер корня определяют по количеству листьев на стебле: от одного до пяти (одно-, двух-, трех-, четырех-, пятилистка). Чем больше листьев, тем крупнее корень.

Женьшень растет преимущественно в кедрово-широколиственных лесах с влажной и рыхлой почвой. Чаще всего его собирают на сопках. Различить женьшень среди всего многообразия растений очень сложно, а его биологические способности «засыпать» на несколько лет рождали в головах людей мифические представления об исчезающем корне. Эта же особенность явилась решающей для его выживания во времена наиболее активного сбора корня в конце XIX – начале XX века. В этот период китайские отходники, особенно ценившие и досконально знавшие не только полезные свойства, но и реальную стоимость растения, активно опромышляли большие территории распространения женьшеня в крае. На снижение его численности влияли поборы торговцев и скупщиков, которые требовали с коренного населения корневую плату за различные привозные продукты и товары.

Раньше у удэгейцев корневкой занимались отдельные корневщики-женьшенщики, обладающие набором традиционных знаний и навыков сбора корня. Они считались носителями тайн и секретов удачного женьшеневого промысла. В лесах существовали отдельные плантации, высаживаемые некоторыми аборигенами для своих потомков. Секрет их нахождения тщательно хранился в семье корневщика.

После сселения удэгейцев и образования централизованных хозяйственных структур, сбором корня стали занимается коллективно. Существующий план, который давался госпромхозом промысловикам, приводил к тому, что сбором начинали заниматься все подряд – и профессионалы, и нет. Лимиты, выдаваемые на сбор женьшеня, регулировались государством. А удача становилась коллективной.

Сейчас корневой промысел запрещен. Вместе с его запретом уходит в прошлое целый пласт традиционной культуры удэгейцев. Полевые этнографические исследования показывают, что необходимо объединить усилия экспертов для выработки оптимального правового режима этого промысла. В случаях ведения населениям традиционного природопользования их права на природные ресурсы могут регулироваться обычаями, если они не противоречат законам. Нам представляется необходимым установить в этой сфере баланс интересов и выделить определенные квоты на сбор женьшеня для представителей коренных малочисленных народов Севера. Правовая регламентация этого вопроса с учетом традиций и обычаев аборигенов позволит избежать нарушений, так как «запрет без меры» приводит к негативным последствиям.

По словам охотоведа общины А. В. Кудрявцева, **основная проблема, влияющая на стагнацию собирательного промысла и отсутствие должного использования пищевых ресурсов, это отсутствие рынка сбыта.** Объемы, которые может заготавливать община, незначительны, несмотря на большие возможности промысловой зоны, как по биоразнообразию, так и по количеству возможных заготовок. Крупные предприятия могут закупать гораздо больше продукции. В советское время проблема решалась кооперацией госпромхозов, ведущих заготовку дикоросов, а также функционированием единого координирующего органа, занимающегося сбором и сбытом сырья, поставляемого госпромхозами. Современные реформы экономической системы нарушили старые сложившиеся хозяйственные связи, не создав новых рынков сбыта. Мелкооптового покупателя найти на сегодняшний день не удастся. Большие надежды община возлагает на развитие проекта по освоению пищевых ресурсов территории ОПЗ, богатой ягодами, лекарственными растениями и кедровыми орехами. Ситуация с рынками сбыта диктует необходимость перехода от поставщиков сырья к производителям продукции. В собранных интервью обсуждались планы создания небольших предприятий с установкой упаковочных линий для переработки биологически активных растений, изготовления фиточаев и выпуска уже готовой продукции. Заинтересованность людей в таких предприятиях высока. Это поможет активизировать и общинников, и других жителей поселка, решить вопросы занятости и социальной защищенности, основанной на традиционных промыслах.

Туризм

Сегодня туризм можно отнести к одному из современных направлений традиционного жизнеобеспечения коренных мало-

численных народов. Этнографический и экологический туризм соответствует неистощительному характеру традиционного природопользования, при его осуществлении активно используется материальное и нематериальное культурное наследие коренных народов.

Развитие этого направления на территории проживания и хозяйственной деятельности удэгейцев создает новый вид занятости для местного населения. Известные своим безупречным знанием таежных территорий и опытом выживания в трудных условиях, удэгейцы на протяжении уже более трехсот лет выполняют функции проводников, гостеприимных хозяев и помощников в передвижениях по сложным маршрутам уссурийской тайги. Их помощью пользовались первые исследователи края, путешественники. В экспедициях В. К. Арсеньева, известного русского путешественника и исследователя, неоценимую помощь оказывали удэгейцы-проводники, которые привлекались из жителей Бикинского бассейна. Без использования знаний коренных народов об исконной среде обитания не обходились и первые исследователи края А. Ф. Будищев, И. П. Надаров, позже А. И. Куренцов, для которых успех экспедиций в достижении поставленных целей во многом зависел от опытного проводника. Во времена советского строительства проводники оказывали поддержку органам государственной власти, экспедициям геологов и других научных исследователей края.

На настоящий момент удэгейцы имеют значительный опыт оказания туристических услуг любителям природы, экстремального и пешего туризма, охотникам-любителям и рыболовам, то есть опыт использования ресурсов для рекреационных целей. Охотников-удэгейцев, не обладающих государственными полномочиями в сфере регулирования использования природных ресурсов и защиты территорий от браконьерства, данная практика постепенно привела к формированию внутренних правил поведения для отдыхающих на территориях традиционного природопользования и созданию механизмов регулирования численности туристов. На основании этого опыта можно делать предварительные расчеты и оценивать перспективность и доходность этого вида бизнеса.

Глава 4

Социально-демографическая характеристика и проблемы занятости

Коренное население, проживающее в зоне реализации проекта, различно по этническому составу и неоднородно по своим социально-экономическим характеристикам. В настоящее время здесь проживают представители четырех коренных малочисленных народов: удэгейцы, нанайцы, орочи и эвенки.

Демографическая ситуация

Основная масса населения сконцентрирована в селе Красный Яр – 657 человек. Незначительные по численности группы населения проживают в поселках Олон (29 человек) и Охотничий (4 человека). Всего в трех населенных пунктах 690 жителей, из которых 553 – представители коренных малочисленных народов. Большую их часть составляют удэгейцы. Кроме аборигенного населения, в поселках живут семьи граждан, не относящихся к коренным малочисленным народам. Их численность составляет около 100 человек. Большинство из них ведет такой же образ жизни, как и аборигены.

Судя по этнографическим исследованиям последних лет и данной экспертизе, в этнокультурном плане бикинская группа аборигенов находится сейчас в состоянии довольно зыбкого равновесия, ее дальнейшая судьба во многом будет зависеть от того, какая стратегия ляжет в основу социально-экономического развития территории. Это подтверждают демографические показатели (Табл. 1, 2).

Табл. 1. Динамика общей численности коренных народов Красноярского сельсовета

	1992	2007	2009
Удэгейцы	407	421	426
Нанайцы	108	110	112
Орочи	14	10	10
Эвенки	7	7	7
Тазы	1	—	—
Всего:	537	548	553

(Данные за 1992 г. – по работе А. Ф. Старцева «Демографические ...» 1994: 22)

Табл. 2. Численность коренных малочисленных народов Красноярского сельсовета по населенным пунктам

	2007			2009		
	Красный Яр	Олон	Охотничий	Красный Яр	Олон	Охотничий
Удэгейцы	401	19	1	406	17	3
Нанайцы	108	2	—	109	2	1
Орочи	10	—	—	10	—	—
Эвенки	7	—	—	7	—	—
Итого:	525	21	1	525	19	4

(По данным Красноярского сельского совета 2009 г.)

По сравнению с 1992 г. численность коренного населения в поселках возросла в 2007 г. на 11 человек и в 2009 г. на 16 человек (Табл. 1, 2). Это связано с повышением рождаемости и постоянным процессом внутренней миграции. Многие представители коренных народов после окончания учебных заведений и получения опыта городской жизни возвращаются в поселок (преимущественно мужчины). Здесь они чувствуют себя более уверенно, а традиционные знания и промысловый опыт, который получают почти все мальчики в удэгейских семьях, помогает им включиться в промыслово-охотничью структуру, где родовые традиции пользования охотничьими участками являются гарантией заработка.

Табл. 3. Динамика распределения коренного населения по полу

Пол/года	1992	2007	2009
Мужчины	277	295	285
Женщины	260	285	271
Всего численность КМН	537	580	556

(По данным Красноярского сельского совета 2009 г. и работе А. Ф. Старцева «Демографические ...» 1994 : 22)

Табл. 4. Половозрастное деление населения с. Красный Яр и п. Олон на 01.01.92 г

Пол	0-16 лет	17-61 год	62 лет и старше	Всего
Мужчины	112	216	24	352
Женщины	112	150	52	314
Всего:	224	366	76	666

(По данным А. Ф. Старцева на 01.01.1992 г) [Демографические... 1994: 25]

Табл. 5. Динамика распределения коренного населения по полу и возрасту на 2007 и 2009 гг.

Год	Мужчины			Женщины			Всего м/ж
	0-15 лет	16-59 лет	60 лет и старше	0-15 лет	16-54 года	55 и старше	
2007	90	187	18	77	179	29	295/285
2009	77	179	29	60	170	41	285/271

(По данным Красноярского сельского совета 2009 г.)

В соотношении численности мужчин и женщин среди коренного населения можно выделить некоторую закономерность: численность мужчин постоянно преобладает над численностью женщин во всех трех поселках. Так, в 1992 г. эта разница составила 17 человек, в 2007 г. – 10 человек, в 2009 г. – 14 человек (Табл. 3). В 1992 г. общее соотношение мужчин и женщин в Красном Яре и Олоне было: 53% и 47% соответственно, причем в сегменте 17–61 год мужчин было на 66 (8%) больше, чем женщин. За последние годы эта разница сократилась, хотя небольшой недостаток женского населения остается. Причины такой разницы связаны как с общероссийской статистической закономерностью – мальчиков рождается больше, чем девочек, так и с охотничьей направленностью хозяйства, ориентированного в основном на мужской контингент населения. Когда прибыльность и престиж охоты упал, разница между полами стала постепенно стираться.

На численности женщин отрицательно сказывается бытовая и социальная неустроенность в поселках. Здесь отсутствуют канализация, водопровод (водоснабжение колодезное), улицы в поселках без покрытия, по ним трудно ходить, особенно в дождливое время, 40% домов обветшали и нуждаются в капитальном ремонте. Большинство девочек, уезжающих учиться в города, уже не возвращаются обратно, чаще всего они стремятся выйти замуж и остаться жить в городе. Городская среда, по их мнению, более комфортна для проживания и образования детей. Женщины могут вернуться на родину, но обычно в возрасте старше 60 лет, то есть уже на пенсии.

Мужчины, так же как и женщины, на определенных этапах своей жизни покидают поселок, но зачастую, получив опыт городской жизни, возвращаются обратно. Опросы показывают, что мужчины меньше адаптируются к городской жизни, чем женщины. Но в поселке они могут применить и свой городской опыт, и приобретенные еще в юности охотничьи навыки.

Анализ половозрастного состава коренного населения показывает численное превосходство мужчин как в детском возраст-

ном сегменте (в 2007 г. – 13 чел., в 2009 г. – 17 чел.), так и в трудоспособном возрасте (в 2007 г. – 8 чел., в 2009 г. – 9 чел.) (Табл. 5). Положение меняется только в возрастной категории «60 лет и старше», где численность женщин превышает численность мужчин (в 2007 г. – на 11 чел., 2009 г. – на 12 чел.). Динамика половозрастной численности показывает закономерность этого явления. Причинами его можно назвать следующие: во-первых, различия в продолжительности жизни – исходя из показателей российской статистики, женщины живут дольше, чем мужчины; во-вторых, наблюдаемая тенденция возвращения женщин в поселок уже в пенсионном возрасте.

Рынок труда коренных малочисленных народов

По результатам исследования, официальная занятость населения трех поселков составляет приблизительно 239 человек. 55 человек состоят на учете по безработице и получают пособия. Анализ рынка труда и занятости коренных малочисленных народов Севера, проживающих на данной территории, позволяет представить общие тенденции решения одной из важнейших проблем развития коренных народов Севера. Право на достойный уровень жизни, которое подразумевает хорошую и хорошо оплачиваемую работу, является одним из основных прав человека в современном мире. Конструктивным представляется взгляд на эту проблему с точки зрения соотношения ответственности государства и личности: «Необходимым условием решения проблем социально-демографического характера является свободное развитие и поддержание достоинства личности, эффективная реализация ее прав в социально-экономической, политической и культурной областях... у каждого индивида должно быть понимание ответственности в общечеловеческом смысле, подразумевающим личную ответственность за свое достойное существование и за воспитание и содержание своих детей» [Права человека: итоги... 2002: 79–80]. Общественные организации коренных народов выдвигают задачу повышения уровня их жизни, для чего необходимо повышение их образовательного уровня, более широкое вовлечение в рынок товаров и услуг. Важным рычагом улучшения ситуации является развитие самоуправления и модернизация аборигенных хозяйств, ориентированных на переработку и продажу продукции. Самоорганизация коренных малочисленных народов, приведшая к образованию общины «Тигр», в значительной степени позволяет обеспечить занятость представителей коренных малочисленных народов, а значит, и обеспечение им средств существования через получение заработной платы, обеспечение их в старости.

Государственная политика в области содействия занятости населения направлена на выравнивание возможностей для всех граждан страны и поощрение работодателей, создающих рабочие места для людей, «испытывающих трудности в поиске работы» [Закон о занятости ... 2005: 90]. Вопросы занятости регулируются специальным федеральным законом «О занятости населения в Российской Федерации», который создает «общие правовые предпосылки для учета традиций малочисленных народов Севера» в такой важной для них сфере, как обеспечение занятости и защита от безработицы. Этот закон: во-первых, закрепляет общее положение о том, что государственная политика в области содействия занятости населения направлена на «обеспечение занятости в местах проживания коренных малочисленных народов Российской Федерации с учетом их национальных и культурных традиций, а также исторически сложившихся видов занятости» (абз. 12 п. 2 ст. 5); во-вторых, устанавливает полномочие органов государственной власти субъектов Российской Федерации «решать вопросы, связанные с разработкой и осуществлением государственной политики содействия занятости населения с учетом национальных, культурных традиций, а также исторически сложившихся видов занятости» (абз. 1 ч. 2 ст. 7). Исследовавшая этот вопрос М. В. Пучкова подчеркивает, что учет обычаев и традиций имеет большое значение для решения проблемы защиты от безработицы [Пучкова 2005: 28]. В современной редакции закона (2010 г.), к сожалению, эти положения исключены.

В большинстве северных регионов в этой сфере сохраняется потребность в государственной поддержке, для этого принимаются специальные программы по занятости коренных народов. Показателем высокого уровня государственного регулирования развития коренных народов, особенно в некоторых субъектах Федерации, является принятие специальных законов о традиционных видах деятельности. Сохраняют свою актуальность и законы и иные нормативные акты, принимаемые в субъектах Федерации, которые регулируют налоговые льготы и государственную поддержку для общин и предприятий коренных малочисленных народов Севера, а также приоритетные права на профессиональную подготовку, квоты рабочих мест и льготы работодателям, использующим труд коренных народов (Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа) [Кряжков 2005: 40–41]. В Приморском крае таких нормативных документов нет. Тем не менее, как показала этнологическая экспертиза, именно общины могут способствовать решению этой проблемы. Заключение договора аренды создаст новые возможности для рынка труда.

Роль общин в решении вопросов занятости и развитии традиционного природопользования

Для ведения традиционного природопользования и сохранения и развития традиционного образа жизни коренного населения на территории Красноярского поселения зарегистрировано три общины коренных малочисленных народов. Это сделано на основании Федерального Закона №104-ФЗ от 20.07.2000 г. «Об общих принципах организации и общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», в котором дается следующее определение этой формы самоорганизации:

«общины малочисленных народов – формы самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам и объединяемых по кровно-родственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому признакам, создаваемые в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры;

«семейные (родовые) общины малочисленных народов – формы самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам, объединяемых по кровнородственному признаку, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционное хозяйство и занимающихся традиционными промыслами;

«территориально-соседские общины малочисленных народов – формы самоорганизации лиц, относящихся к малочисленным народам, постоянно проживающих (компактно и (или) дисперсно) на территориях традиционного расселения малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционное хозяйство и занимающихся традиционными промыслами».

Влияние каждой общины на вовлеченность людей в традиционный сектор экономики различно. Ведущую роль среди них занимает Община коренных малочисленных народов «Тигр», которая является организацией, объединяющей и представляющей в настоящее время интересы коренных малочисленных народов. Общественная организация Община коренных малочисленных народов «Тигр» была организована и зарегистрирована в 2003 г. по территориально-соседскому признаку с целью защиты исконной среды обитания, сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры. Членство в общине коллективное.

Община является основной хозяйственной организацией в селе Красный Яр, обеспечивающей работой около 50% его жителей,

которые одновременно участвуют в реализации заявленных целей. В сфере традиционного природопользования община осуществляет следующие виды деятельности:

- заготовка пушнины (норка американская, соболь, рысь, белка, енот, колонок);

- заготовка мяса диких животных (лось, благородный олень (изюбрь), косуля, кабан, медведь белогрудый (гималайский), медведь бурый);

- заготовка продуктов охотничьего промысла (жир медведя, барсука; рог лося, изюбря, косули);

- заготовка пищевых лесных ресурсов и лекарственных растений (кедровый орех, папоротник, лимонник, элеутерококк и другие);

- оказание услуг в сфере экологического и этнологического туризма (размещение и сопровождение групп по экологическим тропам в районе р. Бикин): прогулки по реке и уссурийской тайге; знакомство с редкими видами флоры и фауны; национальная кухня удэгейцев; знакомство с обычаями и традициями народа.

Некоторые заявленные виды деятельности в настоящее время осуществляются не в полном объеме из-за отсутствия рынка сбыта. Сегодня, когда нет предприятий по переработке природных ресурсов, сбыт осуществляется только в виде сырья [ПМ 2009: Кудрявцев А.]. **Заключение договора аренды орехово-промысловой зоны, по мнению членов общины и экспертов, даст новые возможности для легальной реализации продукции – в первую очередь, дикоросов.** Благодаря созданию общины удэгейцы получили возможность легального доступа к объектам животного мира, отнесенным к объектам охоты. Община имеет необходимые лицензии. Она представляет интересы входящих в нее коренных малочисленных народов перед органами власти и другими, как государственными, так и общественными, организациями.

Всего в общине зарегистрировано 172 человека, это главы семей, из них 126 человек представители коренных малочисленных народов, 46 – лица, не относящиеся к коренным малочисленным народам, но постоянно живущие в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов (в поселениях Красный Яр, Олон, Ясенево, Соболиный) и ведущие такой же образ жизни. В хозяйственной деятельности принимают участие все члены семей зарегистрированных участников. Все зарегистрированные члены общины занимаются охотой, рыболовством, сбором дикоросов. Общины заключены трудовые договоры с 52 представителями коренных малочисленных народов, занятыми в охотопромысловом секторе. Штатными работниками общины являются 57 человек – это

преимущественно промысловые рабочие, занимающиеся охотничьим промыслом, егеря и руководящий состав. Все штатные рабочие имеют закрепленные промысловые участки, со всеми заключены трудовые договоры на предоставление охотничьих участков на территории охотничьего хозяйства общины «Тигр». Всего общиной заключено 58 договоров на 24 охотничьих участках и 37 договоров на 13-ти участках экспертируемой зоны. Дополнительно привлекаются охотники-любители, численность которых варьирует в пределах 100 человек. В случае надобности в заготовке дикоросов (кедрового ореха, лимонника, голубицы, папоротника) участвуют все желающие жители рассматриваемых поселений, а также поселков Ясенево и Соболиный, которые находятся в 10–12 км от Красного Яра.

При общине работает пошивочно-меховой цех, в котором изготавливаются национальные сувениры, традиционная одежда, восстанавливаются старинные техники обработки кожи зверя, рыбы, меховой обработки. В нем занято 7 женщин, все работницы числятся в штате общины.

Общиной осуществляется большая работа по охране и использованию территорий традиционного природопользования. В настоящее время община вместе с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока Российской Федерации и с органами государственными власти и Правительством разрабатывают механизм реализации Федерального закона от 07.05.2001 года №49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока Российской Федерации» и Положение «О территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов федерального значения «Бикин». Принятие этих документов поможет удэгейцам и другим коренным народам защитить исторически сложившиеся места проживания и хозяйственной деятельности, сохранять и развивать традиционную культуру, сохранить на территориях традиционного природопользования биологическое разнообразие.

В приложении 2 даются динамические показатели осуществления видов традиционной хозяйственной деятельности общины (охотничий промысел).

Влияние каждой общины на вовлеченность людей в традиционный сектор экономики различно. Основной организацией, представляющей работу, является общественная организация Община коренных малочисленных народов «Тигр» (Приложение 5).

Вторая общественная организация – это родовая община коренных малочисленных народов «Дунхай», основателем и руководителем которой является Василий Иванович Дункай. В общи-

не числится 5 человек. Деятельность общины связана с занятием рыболовством в бассейне реки Уссури в целях осуществления традиционной хозяйственной деятельности. Община создана недавно и активной деятельности еще не осуществляет.

Третья зарегистрированная общественная организация – родовая община коренных малочисленных народов «Кяаса», основатель и руководитель Ефрем Александрович Канчуга, создана с целью осуществления традиционной деятельности. В прошлом члены общины занимались рыбным промыслом, на сегодняшний день община никакой деятельности не осуществляет.

Еще одним работодателем является Национальное лесохозяйственное хозяйство «Территория традиционного природопользования “Бикин”». В нем числятся 42 человека: администрация, включая бухгалтеров, экономисты, начальник ЖКХ, мастер по лесу, дизелисты, трактористы, водители, сторожа, рабочие и другие. Эта организация занимается жилищно-коммунальным хозяйством, исполняет административно-финансовые функции, осуществляет снабжение поселка топливом и дровами. Таким образом, она фактически выполняет функции органов местного самоуправления.

Часть охотников традиционно занимаются промысловой деятельностью на участках родственников, а добычу, чаще всего пушнину, реже дикоросы, сдают в общину. Показатели занятости коренного населения в охотничьих поселках, где жители ведут традиционный образ жизни, имеют свою специфику. Организация охотничьего промысла позволяет работать большему числу людей, чем зафиксировано официально. Важную роль играют родственные связи, обычаи взаимопомощи. Не полностью учитывается контингент охотников-любителей, собирателей пищевых ресурсов леса, которые не имеют официальной занятости и получают доход, сдавая продукцию своего промысла в общину или находя другие рынки сбыта. Некоторые жители совмещают работу в общине с работой на государственной службе. Эти особенности организации труда аборигенов должны учитываться в социальной работе и при защите права на труд коренных малочисленных народов.

Иные сферы занятости местного сообщества

В бюджетной сфере занят 71 человек. Большинство из них женщины.

- Образовательные учреждения (школа/детский сад) – 33 человека (учителя, включая дирекцию – 17, воспитатели – 2, нянечка – 1, секретарь – 1, библиотекарь – 1; повара – 3, технички – 4, сторожа – 4).

- Больница – 12 человек (медсестры, санитарки, повар, завхоз, водитель).
- Администрация – 8 человек (глава сельского муниципального подразделения, 3 специалиста, завклубом, кочегар, водитель, техник).
- Библиотека – 1 человек.
- Почта – 3 человека (2 почтальона, 1 связист).
- Метеостанция – 12 человек (Красный Яр – 7, Охотничий – 4).
- Лесничество – 1 человек.
- Социальный работник – 1 человек.

Часть населения занята в коммерческой сфере, представленной 8 частными магазинами, учредителями которых являются 2 человека, они предоставляют рабочие места 12-ти продавцам. В помещении одного из магазинов в вечернее время работает кафе-бар, его обслуживают 2 человека.

Безработица среди коренных малочисленных народов

Уровень безработицы аборигенных народов установить достаточно трудно, они очень редко официально ее фиксируют. У многих из них нет желания и привычки обращаться по этому вопросу в официальные службы занятости; кроме того, для аборигенов, живущих в поселках, каждый выезд в город сопряжен с большими материальными затратами и потерями времени. Проведение полевых исследований позволяет представить это вопрос более полно, так как община обеспечивает фактической занятостью не только своих членов, но и их семьи.

Проблема безработицы всегда остро стояла для коренных народов. В центре занятости по данным на 01.01.09 г. состоят 55 человек, из них 45 – представители коренных малочисленных народов (Табл. 6).

Табл. 6. **Население, состоящее на учете в центре занятости (на 01.01.09 г.)**

	Мужчины	Женщины	Всего
Удэгейцы	16	18	34
Нанайцы	2	7	9
Орочи	1	—	1
Эвенки	—	1	1
Итого:	19	26	45

(По данным Красноярской администрации 2009 г.)

В «Положении о территории традиционного природопользования малочисленных народов и режиме лесопользования в верх-

ней и средней частях р. Бикин» (1992 г.) приведены сведения по составу безработных, зафиксированных на 01.01.92 год (Табл. 7). В то время основной хозяйственной организацией, обеспечивающей работой население поселков, был госпромхоз «Пожарский», в котором работало 50–160 человек.

Табл. 7. Состав безработных в пп. Красный Яр и Олон на 01.01.1992 г.

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
55–42 года	2	5	7
27–37 лет	14	10	24
17–26 лет	25	18	43
Итого:	41	33	74

(По данным отчета [Демографические ...» 1994: 159])

В разделе «Занятость населения и проблема безработицы» так характеризуется положение по безработице того времени: «Из таблицы видно, что безработными являются люди наиболее трудоспособного возраста. Наибольшую часть безработных составляют удэгейцы (50 из 74). В перспективе ситуация с безработицей в национальных селах будет ухудшаться». Если не будут созданы дополнительные рабочие места, «то начиная с 1993 года численность безработных будет ежегодно резко увеличиваться за счет подрастающего поколения» [Демографические ... 1994: 158–159]. Прогноз был таков: 1993 г. – 103 человека, 1994 г. – 122 человека ... 2001 г. – 399 г. К счастью этому прогнозу не суждено было сбыться, но на тот период он имел достаточно веские основания. Они были связаны прежде всего с опасением, что «снижение занятости коренного населения и увеличение безработицы неминуемо повлечет деградацию национальной культуры, социальные и морально-этические издержки».

В 2009 г. количество безработных сократилось на 19 человек по сравнению с 1992 г.: 55 человек зафиксировано в центре занятости. Помимо указанных в таблице данных, еще около 30–35 человек не заняты постоянной трудовой деятельностью и не состоят на учете в центре занятости. Значимой является также проблема женской безработицы; хотя эти женщины часто занимаются домашним хозяйством и воспитанием детей, формальная незанятость снижает уровень жизни семей и создает трудности для обеспечения их в старости, на пенсии.

По мере развития рыночных отношений появились новые рабочие места, возможность заниматься коммерцией и частным предпринимательством, это дало больше свободы в выборе способов обеспечения себя и своих семей, но не решило проблемы

безработицы и низкого уровня жизни. Остаются нерешенными и многие проблемы социальной защиты населения. Не все малообеспеченные семьи имеют возможность получать государственные дотации. Главным образом это связано со сложностью сбора нужной документации. Некоторые жители, зарегистрированные в сельских домохозяйствах, живут за счет временных заработков в более крупных населенных пунктах или городах, в то время как их семьи, родители живут в поселке без средств существования. Другие совсем не работают и не состоят на учете в центрах занятости, что не дает им права получения государственных пособий.

В целом ситуация в сфере занятости местного населения остается шаткой и неоднозначной. Увеличение численности рабочих мест за счет расширения сферы услуг и создания новых хозяйственных предприятий по переработке сырья охотничьего промысла и пищевых лесных ресурсов как следствие договора аренды могут значительно улучшить положение.

Численность представителей коренных малочисленных народов, работающих в традиционных отраслях

Представители коренных малочисленных народов, официально состоящие в штате общины и занятые в охотопромысловой сфере (ОО ОКМН «Тигр»):

- штатные охотники промысловики – 28 человек;
- егеря – 8 человек;
- работницы цеха сувенирной продукции – 7 человек;
- столяры – 2 человека;
- рабочие – 3 человека;
- аппарат управления: старший егерь, охотовед организатор;
- работники этнокультурного центра – 2 человека.

Численность работников, не состоящих официально в общине, но принимающих участие в инициированных общиной традиционных промыслах:

- охотники промысловики (сезонники) – 77 человек;
- охотники-любители – 16 человек;
- сборщики дикоросов – 15 человек (это женщины, которые регулярно участвуют в объявляемых общиной сборе дикоросов).

Численность людей, занятых традиционной деятельностью в ОКМН «Дунхай»:

- охота-рыболовство – 5 человек.

Численность всех официально работающих в традиционных отраслях и предприятиях:

- представителей коренных малочисленных народов – 165 человек¹;
- общая численность всех проживающих на территориях традиционного природопользования – 170 человек.

Определение уязвимых локальных групп

К категории наиболее уязвимых локальных групп населения можно отнести жителей поселка Охотничий, который расположен в труднодоступном месте и в значительном удалении от более крупных населенных пунктов. Жители поселка не имеют доступа к медицинскому обслуживанию, образованию, а отсутствие магазинов лишает население возможности приобретения даже товаров первой необходимости.

Удаленность этого поселка от Красного Яра, Олона, Соболиного, Ясенева составляет около 200 км, а от трассы Рощино-Восток-2 – 250 км. Водное сообщение – единственный путь, по которому жители могут добраться до поселка, чтобы купить необходимые товары. В зимнее время существует 2 зимника, один проходит по Бикину, связывая Охотничий и Красный Яр, второй – выводит на трассу Рощино-Восток-2.

В 1930-х годах на территории п. Охотничий (прежнее название Улунга) был создан колхоз численностью 270 человек, в подавляющем большинстве это были переселенцы с побережья и ссыльные с Амура, и лишь несколько семей – аборигены. За колхозом было закреплено 80 га пашни. Колхозное хозяйство просуществовало до 1950-х годов, доказав бесперспективность развития земледелия в местных условиях. К 1960-м годам, после разорения колхоза, жителей в поселке почти не осталось, но с образованием госпромхоза «Пожарский», ориентированного на охотничье хозяйство и сбор пищевых ресурсов, численность населения поселка опять возросла. Как отмечает А. М. Паничев, работавший в то время здесь охотником-промысловиком, прирост населения был в основном за счет съехавшихся сюда людей со всего Советского Союза, привлеченных в регион хорошими заработками в пушном промысле. Во времена госпромхоза с Охотничьим было регулярное авиасообщение, на его территории располагались заготовительные пункты и гидрометеостанция.

Коренное население более активно стало промышленять в верховьях Бикина с 1980-х годов, когда из-за текучести приезжих

---

¹ Здесь не учтена численность членов семей глав общин, которые в случае необходимости также привлекаются к традиционной хозяйственной деятельности.

кадров большинство охотничьих участков освободилось. После перестройки в связи с падением заготовительных цен на пушнину большинство охотников уехали из поселка. Опромышление верховых участков постепенно сокращается. Численность населения упала. До начала 2000 годов в поселке проживало 10 человек, в том числе четверо в возрасте до 16 лет. Четыре из них работали на гидрометеостанции (ГМС «Охотничий») [Паничев 2005: 159–161]. Сейчас в поселке находится 4 домохозяйства, проживает 4 человека из числа коренных малочисленных народов. История хозяйственного освоения и развития поселка демонстрирует высокую зависимость продуктивности и окупаемости получаемых пищевых ресурсов от продуманной организации хозяйственной деятельности и достаточной материально технической базы, выделенной для ее освоения.

Учитывая то, что в настоящее время основные ресурсные территории всего охотничьего хозяйства общины «Тигр» опромышляются в малом объеме и неравномерно относительно всей территории, а места сбора пищевых ресурсов располагаются чаще всего ближе к реке и населенным пунктам, специалистами по лесопользованию уже предлагался ряд мер по рационализации природопользования. В частности, для организации рационального природопользования и развития базы собирательства на экспертируемой территории рекомендовалось выделять приоритетные (базовые) виды ресурсов и формировать центры их концентрации. При подобной организации хозяйственной деятельности одним из таких центров может стать поселок Охотничий [Эколого-экономическое обоснование... ТТП «Бикин» 2005: 14]. На его территории должны быть созданы производства на основе сочетания ресурсов по структуре, доступности, объему, сезонности и направленности использования. Это поможет распределить нагрузку на промысловые угодья охотничьего хозяйства общины. А активное включение населения в процесс сбора и переработки пищевых лесных ресурсов будет положительно сказываться на всех областях жизнеобеспечения и на улучшении социально-экономического положения наиболее уязвимых групп коренных народов. Использование рабочего ресурса местного населения и привлечение большего числа коренных жителей в поселок также будет способствовать восстановлению традиционных промыслов и поддержанию традиционного образа жизни на территориях традиционного природопользования.

Медицинское обслуживание и заболеваемость

Медицинское обслуживание населения осуществляется в больнице села Красный Яр. Больничное здание рассчитано

на 5 коек для больных, которые должны находиться под постоянным контролем медицинских работников. В больнице раз в неделю доступна общетерапевтическая помощь, ее оказывает врач из ближайшего поселка. Ведется наблюдение беременности и забор анализов, которые раз в неделю возят в г. Лучегорск. Изредка приезжают и ведут прием специалисты из Лучегорска. Оказать первую медицинскую помощь, получить консультацию у врача и следить за его предписаниями – это основные функции медсестер, работающих в больнице. По вопросам любого характера медсестры получают телефонные консультации у специалистов в Лучегорской ЦРБ. Ежедневное дежурство ведет главная медсестра, помимо которой в больнице посменно дежурят еще 3 медработника среднего звена. В штате состоит водитель скорой помощи. На территории больницы работает аптечный киоск.

Основные болезни, которым подвержено население, это простудные заболевания, ОРЗ, ОРВИ, грипп, ветрянка, гельминтозы (дегельминтизация не проводится с 1990-х гг.). Из-за удаленности и территориальной изоляции поселков инфекционные болезни встречаются крайне редко. В поселке состоят на учете 5 больных туберкулезом в закрытой форме.

По мнению главной медсестры больницы, аборигены меньше, чем русское население, подвержены инфекционным болезням, инфарктам. Сердечно-сосудистые заболевания встречаются в более позднем возрасте. Также коренному населению менее свойственно повышенное давление. Аборигены больше страдают от болезней опорно-двигательной аппарата, что можно назвать профессиональной болезнью охотников.

Из-за отсутствия дорог с хорошим покрытием передвижение машины скорой помощи и доставка тяжелых больных, беременных в районную больницу затруднено. Отсутствие узких специалистов и необходимого медицинского оборудования (например, рентгеновского аппарата при наличии больных туберкулезом) создает значительные трудности в получении гарантированной государством медицинской помощи.

Во время исследования зафиксированы следующие причины смертности: 3 цирроза печени, 1 сахарный диабет, 3 инсульта, 1 сердечно-сосудистая недостаточность, 1 несчастный случай, 1 раковое заболевание.

Рождаемость по современным данным незначительно превышает смертность и остается приблизительно на одном и том же уровне последние четыре года (Табл. 8, 9). Так, из приведенных данных в таблицах видно, что за последние четыре года умерло 19 человек, а родилось 21.

Табл. 8. Количество рожденных, по данным Красноярской больницы:

	2006	2007	2008	2009
Аборигенное население	7	3	8	2
Всего:	9	4	8	2

(Данные собраны в 2009 г.)

Табл. 9. Количество умерших, по данным Красноярской больницы:

	2006	2007	2008	2009
Аборигенное население	5	3	2	3
Всего:	8	5	3	3

(Данные собраны в 2009 г.)

Острой социальной проблемой является отсутствие авиатранспорта для оказания медицинской помощи в отдаленных населенных пунктах, которыми из-за отсутствия дорог являются все Красноярские поселки.

Образование

На территории поселения расположена одно муниципальное общеобразовательное учреждение – средняя образовательная школа № 15 с. Красный Яр. Школа расположена в недавно отремонтированном двухэтажном здании, в котором одно крыло первого этажа занимает детский сад. Общее количество учащихся в школе на сегодняшний день составляет 93 человека (Табл. 10). В школе 90% от всех учащихся – представители коренных народов. Детский сад посещают 25 детей в возрасте от 2-х до 7-ми лет.

Табл. 10. Количественные данные учащихся по классам
МОУ СОШ №15 п. Красный Яр

Класс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Итого
Всего учащихся	14	7	5	9	7	10	13	8	8	11	1	93

(Данные из доклада директора школы на педагогическом совете 28.08.09 г.)

На начало 2008–2009 учебного года в школе обучались 104 человека, на конец года – 102 человека. Прибыло – 2 человека (8, 10 кл.), выбыло 4 человека (3, 4, 9, 10 кл.). За период летних каникул выбыло 5 человек по причине переезда родителей, изменения места жительства, поступления в средне-специальные учебные заведения.

Выпуск школы в 2007–2008 учебном году составил – 14 человек, в 2008–2009 – 10 человек. Статус послешкольного образова-

ния среди коренного населения всегда был высок, поэтому многие дети после окончания 10–11 классов стремятся поступить в высшие или средние специальные учебные заведения. Поступили в школу в этом году в 1 класс 14 детей, что на 4 больше, чем в прошлом 2008–2009 учебном году, тогда было 10 человек. В 2007–2008 учебном году в 1-й класс поступило еще меньше детей – 6.

В то время как динамика поступления указывает на количественный рост учащихся, динамика численного состава указывает на неуклонное снижение количества учеников. Так на 2006–2007 учебный год количество учеников в школе составило 120 человек, в 2007–2007 учебном году – 112 человек, в 2008–2009 – уже 104 человека и на начало 2009–2010 учебного года в школе числятся 94 учащихся. Данные цифры являются результатом невнимания органов власти к проблемам коренных малочисленных народов. Государственное финансирование учебного заведения находится на низком уровне, это признает и Управление образования администрации Пожарского муниципального района, рекомендуя образовательным учреждениям «привлекать финансовые средства со стороны, искать сотрудничество со спонсорами, оказывать платные услуги не только школьникам, но и сообществу, сдавать в аренду помещение, привлекать в школы людей с непедagogическим образованием, которые согласны были бы на дальнейшее переучивание» [из доклада директора школы на педагогическом совете 28.08.09 г.]. Невнимание к проблемам школы со стороны управления образованием, отсутствие учета специфики обучения и игнорирование экономических реалий труднодоступных поселений приводит к внутренним кадровым конфликтам. Так, в поселке не работают по специальности около 5-ти человек с высшим педагогическим образованием, в то время когда в школе ощущается нехватка квалифицированных специалистов, в частности по математике, информатике, иностранным языкам, географии и другим основным предметам не хватает учителей.

Тем не менее, благодаря активным действиям местной общины «Тигр», в учебном процессе не бывает сбоев. Отопление помещений в зимний сезон, предоставление продуктов питания школьникам община полностью взяла на себя, не дожидаясь государственного финансирования. Также община привлекает организации, готовые способствовать поддержанию и развитию традиционного образа жизни коренных народов и сохранению территорий традиционного природопользования. В рамках программы ТАСИС «Создание благоприятных условий для детей, молодежи и женщин коренных малочисленных народов реки Бикин» при школе организованы два образовательно-развивающих детских клуба.

Первый – Эколого-туристический клуб под руководством бывшего школьного учителя, писателя Александра Александровича Канчуги. В нем школьники изучают удэгейский язык, познают историю удэгейцев, приобретают экологические знания.

Второй – это Школа юного следопыта, обучающая детей навыкам охотничьего промысла и поведения в тайге. Инициатором и руководителем школы стал Василий Иванович Дункай. Дети выезжали в лес, учились правилам поведения в тайге, приемам выживания в сложных условиях, взаимовыручке и чувству «плеча товарища» – качествам, жизненно необходимым будущим охотникам. Первоначально школа была рассчитана на 15 человек, в первую очередь детей из неполных (без отца) или неблагополучных семей; однако желающих посещать занятия Василия Ивановича оказалось гораздо больше. Это очень оптимистичный показатель, говорящий об интересе молодежи к традициям своих предков, их любви к окружающей природе. К сожалению, из-за окончания проекта данная школа прекратила свое существование, но, по словам В. И. Дункая, он будет пытаться возобновить ее работу, искать и привлекать новые источники финансирования.

Более десяти лет в поселке действует удэгейский ансамбль танца «Агдайма», в котором занимаются как девочки, так и мальчики. Они являются участниками и победителями многих конкурсов и творческих программ и фестивалей.

Анализируя социально-демографическую ситуацию в зоне, затрагиваемой проектом, нужно отметить, что, несмотря на относительную стабильность показателей численности населения и рождаемости, сохраняются проблемы: низкое социально-экономическое положение населения и материально-технической базы поселка (например, не хватает сварочного и др. оборудования, из-за чего невозможно своевременно проводить ремонт отопления в зимнее время), отсутствие должного медицинского обслуживания, необходимость улучшения сферы образования.

Стоит привлечь внимание еще к одной проблеме, это вопрос занятости населения в традиционных отраслях деятельности. В поселке и даже районе отсутствует рынок сбыта дикоросов (ягод, лекарственных растений и технического сырья). Вместе с тем существует теневой рынок продукции, в первую очередь пушнины. Подчас лучшая меховая продукция поступает неофициальным скупщикам, а не в общину. Объясняется это низкими закупочными ценами общины, которые, в свою очередь, вызваны высокой конкуренцией на пушных аукционах. Без помощи государства общины коренных народов не могут конкурировать с частными скупщиками и поставщиками аукционов. Раньше вопрос закупок решался государством централизованно – закупочные цены

были стабильными, а спрос гарантировался государственным заказом. Сегодня обязанности общины как хозяйственного органа не только в охоте, но и в целом в организации природопользования остаются такими же обширными, как и при госпромхозе, с той только разницей, что сейчас община – это общественная организация, находящаяся на самоокупаемости. Такое положение дел в промысловой области создает реальную угрозу устойчивому развитию охотничьего промыслового хозяйства, а также самоорганизации коренных малочисленных народов.

В результате начала действия проекта по заготовке пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений Общиной коренных малочисленных народов «Тигр» в поселках, расположенных в зоне компактного проживания коренных народов, ожидается существенное увеличение числа рабочих мест для местного населения. Жители поселков ожидают, что юридическое оформление права аренды орехо-промысловой зоны будет способствовать решению вопросов занятости, улучшению условий для реализации пищевых ресурсов тайги. А это, в свою очередь, должно способствовать повышению социально-экономического уровня жизни, увеличению численности населения и улучшению психологического климата как в поселковой среде, так и в среде коренных народов. Учитывая ожидаемые социально-демографические изменения, связанные с началом действия проекта и его долгосрочностью (49 лет), представляется необходимым проведение дальнейших исследований в этой области.

Глава 5

Оценка влияния договора аренды лесного участка общиной «Тигр» и прогноз дальнейшего развития

Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов является гибкой системой, обладающей большим адаптационным потенциалом. Доказательства этому демонстрируют аборигенные сообщества по всему миру. Удэгейцы не являются исключением. Намечаемая деятельность по комплексному использованию пищевых и лекарственных лесных ресурсов выделенной территории не нанесет урона традиционному природопользованию и культуре коренных народов. Заключение договора аренды явится еще одним фактором сохранения и развития их культуры.

Община видит в праве на аренду экспертируемой зоны важнейшее средство защиты и освоения леса в соответствии с принципами традиционного природопользования. Территория охотхозяйства является самой большой по площади на Дальнем Востоке – 1 352 100 га. Территория включает несколько участков, имеющих различный правовой режим использования и охраны. На всей территории можно заниматься охотой, но есть приоритетные виды деятельности. После заключения договора аренды эта территория делится на две части: участок для сбора пищевых лесных ресурсов и лекарственных растений (461 154 га) и территория для занятий охотой.

Для общины особенно важно юридическое оформление договора аренды, чтобы любой другой потенциальный пользователь как минимум должен был согласовывать свою деятельность с общиной. Другая часть территории, на которой обеспечен охраняемый режим – территория заказника (700 тыс. га). Эта территория была образована для сохранения естественных ландшафтов уссурийской тайги и защиты леса, в первую очередь от рубок. Существующая сегодня единственная дорога проходит прямо по границе заказника, и лесозаготовители все время стремятся проникнуть на охраняемые территории. А так как в Приморском крае нет иных правовых механизмов защиты леса от промышленных рубок, кроме закрепления особого правового режима на данных территориях, заключение договора аренды именно с организацией коренных малочисленных народов, реально проживающих и осуществляющих там традиционное природопользование, имеет

первостепенное значение для защиты природных ресурсов и прав коренных малочисленных народов.

После придания в 1993 г. арендуемой ныне территории орехо-промысловой зоны особого статуса ТТП регионального значения (Решение Приморского краевого Совета народных депутатов № 316 от 25.08.1993 «О защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Приморского края») община получила возможность осуществлять традиционное природопользование и охрану лесных ресурсов на новых правовых основаниях. В 2008 г. община оформила на 10 лет право на пользование объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты (долгосрочная лицензия 25 № 000002 от 30.10.2008), и договор пользования территорией и акваторией, необходимыми для осуществления пользования объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты (договор № 2 от 17.11.2008). А в 2009 г. выиграла аукцион на заключение договора аренды лесного фонда на этой же территории для заготовки лекарственных и пищевых ресурсов. Эти правовые отношения вызывают серию обязанностей пользователя по охране и обустройству территории.

1. Егеря и охотники хорошо осознают опасность рубок ухода на всей территории аренды, которые в реальности приведут к полной деградации охотугодий, истощению ресурсов среды их исконного обитания и как результат лишат возможности вести традиционное природопользование.

2. Фактически на такой огромной территории охраной и защитой леса от пожаров может заниматься только община, ведь других егерей в данной местности нет. Сегодня на тушение пожаров выезжают отряды, состоящие в основном из местных охотников и егерей. Это группа первого подъема – с каждого из 24 участков по одному человеку. Охотники и егеря играют большую роль в предотвращении больших пожаров, так как могут быстро обнаруживать очаг возгорания. Они отмечают, что возгорания чаще всего возникают тогда, когда появляются чужие люди и техника.

3. Руководитель общины В.А. Ширко и главный охотовед А.В. Кудрявцев считают, что *«основное, что нужно сделать, это исключить возможность строительства новых дорог. Мы будем использовать только старые. Здесь можно делать дороги только для осуществления санитарных рубок, но они будут окружены особо охраняемыми лесами, и только самые необходимые. А потом, через 48 лет, может быть, изобретут новые способы освоения леса, новую технику. А пока строительство новых дорог всегда сопряжено с нарушением почв, возникает сухая трава, любой окурок может спровоцировать пожар. Кроме того, строительство дорог приводит к увеличению незаконных посетителей этих лесных участков –*

от браконьеров до нелегальных лесозаготовителей, – деятельность которых и вызывает сегодня большее число пожаров».

Община имеет опыт организации охранного и щадящего режима использования этой территории. 24 охотничьих участка закреплены за охотниками – главами семей общины, которые отвечают не только за поведение членов семей, но и за поведение своих гостей, знакомых, которые могут приезжать на участок как охотники-любители и как туристы. По правилам общины права пользования охотничьим участком принадлежат главам семей пожизненно. Другие охотники могут получить разрешительные документы на промысел на этом же участке, но вся ответственность за соблюдение порядка лежит на основном пользователе участка. По условиям внутреннего распорядка общины эти охотники не платят арендную плату. Кроме того, община помогает им топливом, техникой, орудиями лова (капканами) и т.д. Охотники работают в соответствии с планом. Раньше это был план сдачи охотничьей продукции, а после заключения договора аренды он дополнится планом на сдачу орехов, а также папоротника, лекарственных растений, грибов и других пищевых ресурсов. В этой работе будут участвовать все члены общины, члены их семей и другие жители поселка. Община будет организовывать эту работу, помогать с доставкой людей на участки и в поселок, вывозом продукции, первичной обработкой. Причем для целей сбора дикоросов участки будут осваиваться вдоль реки, чтобы было легче доставить продукцию в село. Это обстоятельство также будет способствовать охране леса, ведь чем меньше люди бывают в лесу, тем более вероятно, что леса будут сохраняться.

Община уже сейчас имеет определенные планы по освоению дикоросов. В первую очередь планируется наладить сбор кедровых орехов. Право аренды дает возможность на беспрепятственную реализацию продукции. Планируется собирать более 580 тонн орехов в год. В соответствии с законом № 141-КЗ «Об использовании лесов Приморского края» каждый человек для личных нужд может собирать за сезон до 40 кг орехов. Община же сможет закупать дикоросы и у других организаций, и у частных лиц. При планировании сдачи орехов основная проблема связана с тем, что урожай на них бывает не каждый год, а очень хорошие урожаи вообще бывают редко. Орехи планируется реализовывать в очищенном и упакованном виде. Возможно, со временем появится возможность сдавать орехи на масло. Другим продуктом промысла явятся корни – элеутерококк, аралия («золотой корень»). Предполагается собирать и ягоды. Со временем, после приобретения специального оборудования есть планы по старинным рецептам делать фиточай. Обсуждается вопрос о масштабном сборе папоротника. Ранее местные жители всегда его собирали

для питания, а теперь нужно организовать его заготовку с целью продажи. Сегодня рентабельность этого производства невысокая, но, во-первых, главная цель аренды данного участка для общины природоохранная, а во-вторых, община не будет отказываться от своей основной деятельности – охотничьего промысла.

Вся территория поделена на участки, закрепленные за охотниками, некоторые участки являются общими, в этом случае они располагаются вокруг села. Отдельные участки определены как «зоны покоя» для воспроизводства зверя, там запрещена охота. Закрепленные за охотниками участки, как правило, больше уже не перераспределяются. Распределение таких участков по территории зависит от различных обстоятельств – расстояния от села, условий промысла, семейно-родственных и соседских связей. План устанавливается каждый год на каждый участок в зависимости от результатов учета. По общему мнению, удэгейцы-охотники вылавливают меньше пушных животных, чем могли бы по официальным лицензиям. В данном случае мы видим типичную для традиционного природопользования ситуацию, связанную с его некоммерческой направленностью.

Общинам по определению трудно, да и невозможно быть прибыльными. Традиционное природопользование потому и является таковым, что оно неистощительное, ресурсосберегающее. Кроме того, община вынуждена выставлять закупочные цены ниже, чем на «черном рынке», поскольку ей необходимо компенсировать затраты на топливо, оружие, налоги, расходы на организацию охоты, заработную плату членов общины, транспорт, питание и т.п. Другой проблемой является то, что в общине нет возможности обрабатывать мех, поэтому его нельзя продать по более высокой цене. Члены общины отмечают: *«Последние три года разрешений на пушнину в достатке. На копытных сложнее, есть дележка лицензий. Стараемся жестко контролировать, так как переохота на копытных может пагубно сказаться. Община борется с охотой по насту. Некоторым охотникам вообще не дают лицензию на копытных. Если бы здесь охотились русские, они больше вылавливали бы. Удэгейцы меньше добывают. Община сдает соболей в почти сыром виде, только первичная обработка. Невозможно пробиться на аукционы. Качество и цена на 90% зависят от выделки».*

В повседневной жизни община выполняет несколько функций.

Община оформляет лицензии на «котловое» питание.

Оформляет и выдает документы на охоту (лицензию, путевку, охотничий билет, документы на оружие).

Передаёт часть своей продукции (мясо, мед, картофель и т.п.) в детский сад, школу, больницу, малоимущим и многодетным семьям с. Красный Яр.

Община договорилась с Уссурийским пединститутом, чтобы аборигены могли там бесплатно учиться. Община помогает финансово некоторым молодым получить образование, но, к сожалению, они не возвращаются, да и по большинству специальностей в селе нет рабочих мест.

Община через созданную ей егерскую службу обеспечивает природоохранные функции и, прежде всего, контролирует пребывание на территории людей и занятия охотой. Среди своих охотников браконьерства нет, могут быть нарушения охотничьих правил: например, охотятся во время оела. Таких охотников наказывает община, но зафиксировать это нарушение также должен егерь. Основные нарушения связаны не с пушной охотой, а с мясной и с рыболовством. Посторонние охотники могут заниматься промыслом на территории охотничьего хозяйства после окончания сезона охоты. Такие люди нарушают правила или вообще приезжают на данную территорию без разрешительных документов.

Во время проведения экспертного исследования было записано несколько интервью с егерями, которые рассказали о своих обязанностях и о трудностях, с которыми сталкиваются в своей природоохранной деятельности:

«У егеря почти нет полномочий, он может только протокол составить. В этой работе все зависит от характера человека, его умения разговаривать с людьми. Сюда браконьеры приезжают охотиться, рыбачить, но в основном выпивать. Иногда они приезжают с милиционерами. Они чувствуют себя начальниками, и им, конечно, не нравится, что егерь к ним подходит и убеждает, фактически уговаривает вернуться. Егерь только и может пресечь нарушение, чтобы люди остановились и больше не нарушали правила. Если это не удастся, то егерь составляет сообщение – записывает его данные по документам. Если сообщение составлено со слов, то его не будут рассматривать. После данных нужно описать, в чем нарушение. Это сообщение направляется в правоохранительные органы. Если нарушение будет доказано, то принимается решение об ответственности. Сейчас нет государственных егерей. Есть только в нашей общине. Есть только управление по охране животного мира. Слово охрана нам не дает никаких полномочий. У нас есть только обязанности. Мы сами должны найти на это средства. И второе – стараемся привлечь госорганы».

При оформлении общиной лицензий на «котловое» питание возникают сложности с администрацией края, так как с ее стороны нет понимания того, что для удэгейцев мясо и рыба составляют фактически весь рацион. Администрация же исходит из стандарта потребительской корзины, а этого явно недостаточно

для удовлетворения нужд семьи, поэтому общине приходится отстаивать законные интересы своих членов.

Система управления внутри общины состоит из общего собрания охотников и председателя, который осуществляет представительские и организаторские функции. Была попытка создать внутри общины Совет охотников, но он оказался не очень действенен. Более эффективны общие собрания членов общины. На таких собраниях решаются различные вопросы организации и управления, планирования, а также повседневной деятельности. Если охотник нарушает общеустановленные правила, то община может лишить его лицензии, может сократить площадь участка, хотя полностью участков лишают очень редко. Так община стремится воздействовать на охотников, стимулировать их к соблюдению правил охоты и сдаче продукции в общину. Сегодня сложилась ситуация, при которой контроль за использованием ресурсов осуществляется и государственными органами, и общиной, которая осуществляет эти полномочия на основании договора аренды, но необходимо отметить, что они целиком соответствуют принципам традиционного природопользования. Таким образом, община в своей деятельности опирается и на государственное, и на обычное, и на свое внутреннее корпоративное право. Необходимо поддержать деятельность общины, так как у государства в настоящее время нет возможности в должной степени охранять дальневосточные леса.

Изменения в традиционном образе жизни будут связаны с интенсификацией собирательской деятельности. Удэгейцы всегда занимались собирательством, использовали плоды и растения не только в пищу, но и для лечебных целей. Для них было характерно использование этих ресурсов полностью, безотходно, а если что-то оставалось, то могло быть использовано животными. Существовал необходимый для устойчивого развития круговорот, позволявший им при минимальных ресурсных затратах сохранять устойчивое развитие. Община планирует опромышлять в большей степени участки вдоль реки, что позволит сохранить и лес, и кормовую базу для животных и птиц.

Одним из сложнейших вопросов является сбор женьшеня. Это растение занесено в Красную книгу, но оно же является одним из центральных объектов поклонения удэгейцев. Представления и обряды, связанные с женьшенем, являются частью их религиозных представлений. По традиции все части растения, а не только корень, служат важнейшим средством лечения и профилактики заболеваний. Сегодняшняя практика такова, что охотники хотели бы оформить лицензию на сбор корня, но он запрещен органами государственной власти. Такое жесткое регламентирование вступает в противоречие с представлениями аборигенов о ценности

корня, как неотъемлемой составляющей их культуры. Учитывая это, эксперты считают возможным признать право аборигенов на лимитированный сбор женьшеня для личных нужд.

При сборе дикоросов удэгейцы соблюдают принципы традиционного природопользования и руководствуются нормами обычного права. Всеобщее осуждение вызывают браконьерские, как они считают, способы сбора орехов спиливанием верхушки дерева или ударами по дереву тяжелой палкой. Такие способы наносят ущерб деревьям и лесу.

Другим важным принципом является соблюдение меры в сборе дикоросов. Исторически при ведении традиционного образа жизни, строящегося в значительной степени на внутреннем потреблении и натуральном хозяйстве, собирали столько, сколько нужно для обеспечения семьи. В современных рыночных условиях община планирует собирать определенное количество, рассчитанное с использованием традиционных знаний. Важно подчеркнуть, что аборигены никогда не собирают все плоды, часть они всегда оставляют для сохранения равновесия в лесу. Но они также и лучшие собиратели, потому что следуют определенным «стандартам качества» собираемой продукции, берут только хорошие плоды.

Важным моментом для сохранения природного равновесия и устойчивости коренных народов является комплексный характер их хозяйства: сочетание собирательства с охотой и рыболовством. Комплексность хозяйства позволяет уменьшить нагрузку на природные ресурсы. Большую роль играют многочисленные запреты: не охотиться на определенных участках, не охотиться во время отела, не охотиться на некоторых животных, для удэгейцев таким животным, например, всегда являлся тигр. В общине считают, что вообще тигр сохранился на Бикине именно благодаря тому, что он для удэгейцев – священное животное. Охотники воспринимают тигра как равного себе и считают необходимым сохранять для него часть животных, чтобы и он мог кормиться; считается нормальным, если тигр возьмет часть добычи охотника. Хотя охотники отмечают, что тигров последнее время стало больше и они стали часто воровать добытое мясо у людей, тем не менее удэгейцы продолжают почитать это животное и не причиняют ему вреда. Нужно также учитывать, что на эту территорию могут приходить и другие животные, которые раньше здесь не обитали, так как в других местах масштабные рубки леса создают для них невыносимые условия. Вместе с тем эксперты столкнулись с такой ситуацией, когда люди побоялись сохранить тигренка, зашедшего в деревню, из опасения, что их обвинят в браконьерстве, убийстве матери-тигрицы, поскольку такие случаи уже бывали.

Регламентация охоты, введенная общиной для своих членов, чаще всего соответствует традиционным представлениям удэгейцев, они сами подтверждают, что много не охотятся и далеко на охоту не ходят. Существующее правило круглогодичной охоты для питания не может нанести серьезного урона поголовью копытных, так как они (удэгейцы) мясо не продают, а летом мяса и так добывают меньше, потому что в это время есть и другой доступный ресурс – рыба.

Охотники учатся извлекать максимальный доход и из туристической деятельности. Ведь приезжие чаще всего охотятся для удовольствия или лишь отдыхают в лесу. Значительная часть добытого ими остается охотнику и идет на питание ему и его семье. Таким образом, не пропадают продукты любительской охоты и рыбалки (как это бывает в других местах), что в целом также приводит к сохранению ресурсов.

Пока в общине считают, что зверя и рыбы здесь достаточно. Урон может быть нанесен, только если будут вырубать леса. Другим препятствием к устойчивому развитию коренных народов является бесконтрольный приток на территорию посторонних людей, которые не соблюдают государственных законов и правил поведения местных сообществ, что ведет к хищническому уничтожению ресурсов. В общине есть план закрепить за собой рыбопромысловые участки и, если это удастся, выставлять кордоны на реке и контролировать всех, кто приезжает рыбачить.

Оценка последствий воздействия на священные места

На территории, охватываемой действием проекта, находятся широко почитаемые бикинскими удэгейцами и другими малочисленными народами Приморского края природно-исторические объекты (Приложение 6), такие как места старинных стойбищ *Бынга*, *Лаухэ*, *Метакеза*, *Картун*, *Нотовасигчи*, *Хабагоу*, *Сидунгоу*, *Сигоу*, *Улунга*, *Байчелаза*, *Нёло*, и другие. На этой территории расположены захоронения предков, священная гора *Сулаймай* (встречаются ее названия *Сиватай*, *Сювантай*) и прочие объекты, составляющие основу этнической культуры удэгейцев и других коренных малочисленных народов. Кроме того, эта территория является средой обитания усурийского тигра, священного животного для удэгейцев.

Анимистические представления о природе являются основой традиционной духовной культуры удэгейцев. Суть этих представлений заключается в одухотворении окружающего мира: люди, животные, деревья, скалы, камни, леса, воды – все эти объекты имеют душу. Души совершают циклические путешествия по разным мирам: небесному, земному и подземному. В каждом из этих миров есть хозяева и их помощники, добрые и злые духи, которые управ-

ляют жизнью на Земле. Духи-хозяева живут в недостижимом для человека мире: на небе, в глубине моря, в огне и других местах, а их помощники чаще всего обитают на земле, принимая облик человека, животного, рыбы, птицы или даже камня [Старцев 2005: 289].

Исходя из представлений о духах-хозяевах природы, удэгейцы старались жить с ними в мире и не «расстраивать» их своими поступками, за которые придется расплачиваться удачей или здоровьем. Сейчас уже не сохранилась неизменной вера людей, стерлись из памяти имена многих хозяев и их помощников, но осталась основа религиозных представлений – духовная связь человека с природой и духами населяющими ее. Сохранились обряды почитания духов – ритуальные приношения, молитвы. Вот отрывок из интервью одного охотника, нашего современника: *«Тайга живая! У каждой сопки свой хозяин. Идешь в тайгу, разговариваешь с ней, с деревьями. Когда люди идут на охоту, просят удачу. Можно к дереву или кусту подойти, можно с лесом поговорить. Заходишь в тайгу или в барак в тайге – поздоровайся! Как ты к ней отнесешься, так и она к тебе»* [ПМ 2009].

До сих пор на р. Бикин недалеко от п. Красный Яр почитается скала, на которой находится так называемая «богомолка» (небольшое сооружение в виде домика) – место ритуального почитания богов. Кем и когда оно было заложено, уже никто не помнит, люди говорят, что время стерло из памяти основателя, поэтому место стало священным для всего коренного населения. Есть также сведения, что оно является «местом-хранителем» Красного Яра и всех удэгейцев. Сейчас возле священной скалы останавливаются не только представители коренных народов, разделяющие религиозные взгляды удэгейцев, но и приезжие охотники-любители, туристы, временные рабочие. После того как ушел из жизни последний шаман, обладавший полномочиями хранителя этого места, неконтролируемая популярность «богомолки» вызывает опасения у жителей. Не все могут совершить правильно традиционный ритуал жертвоприношения, некоторые сознательно оскверняют святыню. Подобные случаи заставляют людей волноваться за свое будущее, неразрывно связанное с миром духов, бояться наказания Богов, с которыми связывают участвовавшие несчастные случаи в тайге. Традиционные удэгейские нормы предписывают: *«Если не знаешь или не умеешь общаться с Богами, лучше отойди и не трогай, не нарушай покой»*. Так говорят детям, так советуют поступать современные удэгейцы приезжим гостям.

Подобные «богомолки» есть почти на каждом охотничьем участке – это родовые святыни. Существуют индивидуальные моленные домики, где только тот человек, который его сделал, имеет право приносить дары и разговаривать с Богами. Срубить

такое дерево – большой грех. С этим поверьем связаны народные предания о наказаниях, которые постигли людей, нарушивших этот запрет. Удэгейцы говорят: «Если вдруг встретил в лесу дерево святое, обойди его лучше стороной» [ПМ 2009].

Места родовых стойбищ – это историко-культурные памятники, несущие информацию о прошлом народа, предки которого проживали в этих местах, в этих местах они были захоронены. Для некоторых семей стойбища, где жили предки их рода, являются особо почитаемыми.

Существуют места, на которые наложен негласный запрет на посещение. Это либо стойбища погибших в результате эпидемий оспы (таким примером служит стойбище в районе *Кайло*), либо места, в которых обитает злой дух. Протока *Окзано* – одно из таких мест. В переводе с удэгейского языка название *Окзано* означает «чертова протока». В этих местах охотники стараются не появляться и отводят их для «зон покоя» для естественного воспроизводства зверей.

Перечисленные памятники и священные места распределены по всей территории, охватываемой проектом. Учитывая анимистические представления удэгейцев, их особую связь с территориями проживания, с землей и лесом, вся территория традиционного природопользования должна быть выделена не только как особо охраняемая природная, но и как культурная территория. Именно связь с этой землей, с рекой Бикин, с тайгой, в которой живут священные тигры, составляет основу удэгейской культуры, где каждое дерево и каждая сопка может являться объектом почитания и поклонения. Эта особенность культуры таежных охотников – их представления о духовной неделимости, цельности данной территории – приводит экспертов к выводу о недопустимости зонирования священных мест. Именно поэтому вся ОПЗ, даже шире – ТТП «Бикин» должна быть юридически закреплена за бикинскими удэгейцами.

В этом случае получение права аренды общиной коренных малочисленных народов позволит защитить эти священные и памятные места на основании их традиций и правовых обычаев. Сегодня еще не требуется специального вмешательства государства в эти процессы. Вместе с тем заключение договора аренды может повысить ответственность общины и ее членов за сохранность таких мест, приведет к более определенному осознанию того, что от них зависит будущее этой земли.

Основным положительным моментом в намечаемой хозяйственной деятельности является подписание договора аренды именно с общиной коренных малочисленных народов на места традиционного природопользования, где будет вестись заготовка

пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений. Эта территория – родина удэгейцев, она является местом духовного единения с миром духов, которым они поклоняются.

Таким образом, намечаемая хозяйственная деятельность не может нарушить целостности и причинить какой-либо вред природно-историческим объектам, захоронениям предков и священным местам при условии, что эта деятельность будет вестись членами общины или другими представителями коренных малочисленных народов Севера, для которых священные места являются частью традиционной культуры.

В другом случае, при привлечении наемных рабочих или людей, не знакомых с культурой коренного населения, должна проводиться информационно-разъяснительная работа. Община может подготовить памятку для приезжих, где будут описаны правила поведения в тайге, особенно в отношении священных мест. Не зная особенностей религиозных представлений, этических норм и норм обычного права местного населения можно нанести вред и психологическому состоянию людей, и окружающей среде.

Общий прогноз развития

В ходе этнологической экспертизы был зафиксирован определенный уровень традиционного природопользования, развития культуры и социально-демографического развития коренных малочисленных народов. Эти данные говорят о достаточно хорошем состоянии традиционного природопользования коренных малочисленных народов, их стремлении продолжать заниматься охотой, рыболовством и собирательством.

Вместе с тем были выявлены обеспокоенности, связанные с отсутствием стабильного дохода даже у людей, имеющих постоянную заработную плату. Жители поселков ощущают недостаток внимания со стороны органов государственной власти. Большую обеспокоенность вызывает то, что до сих пор не работает на федеральном уровне закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Многолетняя борьба удэгейцев за создание ТТП «Бикин» также пока не увенчалась успехом. Недостаточна и правовая база Приморского края в отношении коренных малочисленных народов по сравнению с большинством субъектов Федерации, где живут аналогичные народы. В этих условиях значение договора аренды на ценный в ресурсном отношении участок представляется очень значимым.

Закрепление основным пользователем на данной территории общины «Тигр» на основании договора аренды является важнейшим фактором устойчивого развития местного сообщества. Для

осуществления традиционного природопользования, по словам членов общины и жителей поселка, самым главным является исключение промышленных рубок леса. Договор создает благоприятный климат, чувство уверенности в завтрашнем дне общины, во всяком случае, на срок действия аренды. Пока в полной мере это ощущают руководство и некоторые члены общины, поэтому необходимо в большей степени разъяснять новые права и обязанности, возникающие в связи с этим договором, другим членам общины и жителям поселков.

1. Община и сейчас уже осуществляет природоохранные мероприятия на данной территории. Новый договор будет способствовать тому, чтобы теперь такая деятельность осуществлялась членами общины с большей уверенностью в своем праве на эту землю. А так как потенциальные претенденты на проведение какой-либо иной деятельности на этой территории должны будут обращаться за согласованием в общину, ей будет легче предотвращать и выявлять нарушения охранного режима.

2. Заключение договора аренды создаст новые рабочие места и поможет решению проблемы занятости, причем речь идет о занятости в сфере традиционного природопользования, что вызовет благоприятную реакцию местного населения. Как неоднократно подчеркивали удэгейцы во время проведения исследования, они – *народ собирателей*. И если до заключения договора ресурсный потенциал территории (пищевые и лекарственные ресурсы) осваивался лишь в незначительной степени, то теперь создаются условия, позволяющие сделать собирательство действительной частью традиционной экономики.

3. Собирательство станет важным источником роста благосостояния членов общины и других жителей поселков. Община сможет принимать у них различные дикоросы и заниматься их реализацией, изготовлением полуфабрикатов. У общины уже есть договоренности с потенциальными заказчиками продукции.

4. Собирательство создает широкий рынок труда. Ягоды, грибы, травы, орехи смогут собирать практически все категории населения, а так как община будет помогать с вывозом продукции из тайги, работа не потребует больших физических усилий и финансовых затрат со стороны населения. Кроме того, община планирует организовать производство по переработке дикоросов, в частности для производства фиточаев и другой продукции, значит, понадобятся дополнительные люди, обладающие различной квалификацией.

5. Рост доходов общины позволит ей в большей степени участвовать в социальных (помощь школе и больнице, студентам и т.п.) и этнокультурных (деятельность этнокультурного центра) проектах.

Заключение

Выводы и рекомендации

Экспертное исследование показало, что заключение договора аренды на данный участок леса общиной «Тигр» и осуществление планируемой деятельности по заготовке пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений не нанесет ущерба окружающей среде и будет способствовать сохранению традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Приморского края и их устойчивому развитию. Сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни данной группы коренных малочисленных народов в первую очередь связано с сохранением окружающих их природных ресурсов – уссурийской тайги. Для удэгейцев и других народов рассматриваемого региона основу жизнеобеспечения составляют охота, рыболовство и собирательство. В современных условиях качество и количество ресурсов оценивается общиной «Тигр» как достаточное для их существования. Необходимо отметить, что именно традиционное природопользование с бережным использованием ресурсов леса и борьба удэгейцев за их законные права и интересы способствовали сохранению ресурсов окружающей среды данной территории.

Эксперты пришли к выводу, что использование природных ресурсов на исследуемой территории иными организациями, кроме организаций коренных малочисленных народов, скорее всего приведет к утрате как природных, так и культурных ценностей на исследуемой территории, поскольку традиционное природопользование основано на высоких морально-нравственных нормах и правилах этого народа, которые и позволили сохранить данную территорию в ее практически первозданном виде. Утрата природоохранной составляющей на данной территории неизбежно приведет к невозможности ведения традиционного образа жизни, утрате рабочих мест местным населением и, как следствие, утрате традиционного образа жизни и культуры народа.

В целях наиболее эффективной защиты исконной среды обитания, сохранения и развития традиционного природопользования, культуры и образа жизни малочисленных народов, осущест-

вляющих свою деятельность на арендуемом участке леса, может быть сделано несколько предложений для усиления существующего природоохранного режима территории.

Рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления

1. Любая планируемая деятельность на данной территории должна согласовываться с общиной «Тигр».

2. Необходимо в кратчайшие сроки на всей реально используемой общиной территории образовать Территорию традиционного природопользования «Бикин» федерального значения, закрепив за ней статус территории традиционного природопользования как особо охраняемой природной и культурной территории. В настоящее время статус данной территории определен лишь как территория традиционного природопользования регионального значения, но в современных условиях из-за угрозы распространения на данную территорию промышленных рубок она нуждается в более серьезных мерах охраны как традиционного образа жизни и природопользования, так и исконной среды обитания и сохранения биоразнообразия. Для этого необходимо поднять статус и принять Положение для практической реализации дифференцированного режима.

3. Ввиду хорошего состояния природных ресурсов, компактного проживания коренных малочисленных народов, сохранения ими традиционного природопользования необходимо начать процесс по приданию этой территории статуса памятника Всемирного культурного и природного наследия. Данная территория Министерством окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации в 1994 г. предлагалась для включения в список Всемирного Природного Наследия в составе объекта «Центральный Сихотэ-Алинь», но не была включена в официальную версию российской номинации для Комиссии ЮНЕСКО из-за отсутствия федерального природоохранного статуса. Эта работа должна быть продолжена и дополнена этнокультурной составляющей, которая является практической основой сохраненного природного комплекса данной территории.

4. Рекомендовать органам власти и местного самоуправления Приморского края осуществлять полномочия по охране леса исследуемой территории совместно с общиной и оказывать адресную финансовую помощь общине «Тигр», учитывая фактическое выполнение ею природоохранных мероприятий: функционирование егерской службы (охрана территории от незаконных рубок и браконьерства), участие в предупреждении и тушении пожаров, уход за лесом и осуществление санитарных рубок.

5. Рекомендовать губернатору Приморского края удовлетворить просьбу общины «Тигр» об определении границ и закреплении за ней рыбопромыслового участка для осуществления рыболовства в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, включающего в себя акваторию средней и верхней части бассейна р. Бикин, так как это будет способствовать сохранению комплексного традиционного природопользования коренных малочисленных народов на данной территории.

6. Учитывать при разработке программы лесопользования в регионе опыт и инициативы общины коренных народов как ответственного лесопользователя.

7. Органам исполнительной власти Приморского края рекомендовать учесть особенности традиционного природопользования и образа жизни коренных малочисленных народов и предусмотреть налоговые льготы для организации более эффективной реализации продукции охоты.

8. Учитывая природоохранное значение лесопользования и пользования пищевыми и лекарственными лесными ресурсами коренных малочисленных народов и действующее законодательство (Ст. 48 Лесного кодекса, ст. 8. ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов»), предусмотреть снижение либо отмену арендной платы за данную территорию и передачу ее общине «Тигр» в безвозмездное пользование.

9. При решении вопроса о количестве ресурсов, предоставляемых малочисленным народам для удовлетворения личных нужд, учитывать экспертные заключения ученых и предусмотреть участие в принятии органами власти этих решений организаций коренных малочисленных народов Севера, в первую очередь общины «Тигр» и Ассоциации коренных малочисленных народов Приморского края.

10. Рекомендовать органам государственной власти Приморского края и местного самоуправления уделять большее внимание обучению и трудоустройству молодежи из числа коренных малочисленных народов, оказывать им помощь через выделение специальных стипендий, а также в строительстве жилья. Органам государственной власти и местного самоуправления более активно вовлекать общину «Тигр» в решение проблем занятости в поселках Красноярского сельского совета.

11. Способствовать популяризации в крае культурного наследия коренных малочисленных народов через использование этнической символики в городской среде, в оформлении адми-

нистративных зданий, в оформлении сайтов органов государственной власти Приморского края.

Общине коренных малочисленных народов «Тигр»

1. Рекомендовать расширить материальную базу общины для обеспечения деятельности по сбору и реализации дикоросов путем активного участия в федеральных и региональных программах, конкурсах, формируя инициативные заявки.

2. Рекомендовать общине создать этнокультурный центр с музейно-туристическим комплексом, используя сотрудничество с ООО «Этноконсалтинг» и Институтом этнологии и антропологии РАН в организации и проведении работы по паспортизации уже имеющихся этнографических коллекций и сбору новых.

3. Более широко популяризировать и разъяснять деятельность общины по сохранению исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера как в поселках Краснояровского сельского совета, так и шире – в крае.

4. В целях сохранения исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов при развитии этнографического и экологического туризма разработать «Правила поведения в Уссурийской тайге и местах проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», опираясь на уже принятые внутренние документы общины и нормы обычного права удэгейцев. Знакомить с данными правилами всех приезжающих на территорию, закрепленную за общиной.

5. Рекомендовать руководству и членам общины более активно участвовать в деятельности школы и детского сада, способствовать расширению в их деятельности этнокультурного и экологического компонентов.

Государственным и общественным организациям, занимающимся изучением, защитой и использованием природных ресурсов

1. При разработке программы лесопользования учитывать мнение коренных малочисленных народов в отношении проведения рубок ухода и санитарных рубок. Ограничить участки, на которых возможно проведение санитарных рубок и рубок ухода, территорией с созданной сетью дорог вблизи п. Красный Яр, а право на их проведение передать общине «Тигр».

2. Рекомендовать Дальневосточному институту лесного хозяйства при разработке плана освоения территории опираться на данные этнологической экспертизы, учитывать комплексность

традиционного природопользования коренных малочисленных народов, их знания и опыт неистощительного хозяйствования на данной территории.

3. Рекомендовать государственным и общественным природоохранным организациям с особым вниманием относиться к традициям, образу жизни и традиционным знаниям коренных малочисленных народов, учитывать их связь со средой обитания, шире привлекать представителей коренных малочисленных народов к природоохранной деятельности, в том числе в качестве штатных сотрудников.

4. Разработать более адекватную образу жизни коренных малочисленных народов процедуру получения ими права на использование для личных нужд женьшеня, учитывая природоохранное законодательство и значение этого растения в культуре коренных малочисленных народов – удэгейцев.

Список источников и литературы

Источники:

1. Архив ОИАК., Фонд В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2, 3, 6–8, 10–12, 37–39, 42, 42, 67, 77. (Полевые дневники В. К. Арсеньева).
2. Документальный фильм: «Лесные люди (удэ)», режиссер А. Литвинов, ред. В. К. Арсеньев, пр-во «Совкино», 1927.
3. ПМ 2007 – Полевые материалы, с. Агзу, дневник, 2007.
4. ПМ 2009 – Полевые материалы, с. Красный Яр, дневники, 2009.
5. ПМ 2010 – Полевые материалы, с. Красный Яр, дневник, 2010.

Литература:

1. *Арсеньев В. К.* Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края (1901–1911 г.г.). – Хабаровск, 1912.
2. *Арсеньев В. К.* Китайцы в Уссурийском крае: Очерк исторически-этнографический // Записки ПОИРГО. – Хабаровск, 1914. Т. 10.
3. *Арсеньев В. К.* В горах Сихотэ-Алиня. – М., 1937.
4. *Арсеньев В. А.* Охота на соболя // Сочинения. – Владивосток, 1947. Т. 4.
5. *Арсеньев В. А.* Лесные люди удэхейцы // Сочинения. – Владивосток, 1948. Т. 5.
6. *Арсеньев В. К.* За соболями: (Скупщики пушнины на Дальнем Востоке) // Сочинения. – Владивосток, 1949. Т. 6.
7. Арсеньев 1926 – *Арсеньев В. К., Титов В. И.* Население как производительный фактор // Экономика Дальнего Востока. – М., 1926.
8. *Андреева Ж. В.* Приморье в эпоху первобытнообщинного строя: Железный век. – М., 1977.
9. *Березницкий С. В.* Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. – Владивосток, 2003.
10. Бикин: Опыт комплексной оценки природных условий, биоразнообразие ресурсов. – Владивосток: Дальнаука, 1997.
11. *Венюков М. И.* Обзорение реки Уссури и земель к востоку от нее моря // Вестник РГО за 1859 год. – СПб., 1859.
12. *Вострикова Г. Г., Востриков Л. А.* Медицина народов Дерсу. – Хабаровск, 1974.
13. Демографические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в условиях экономичес-

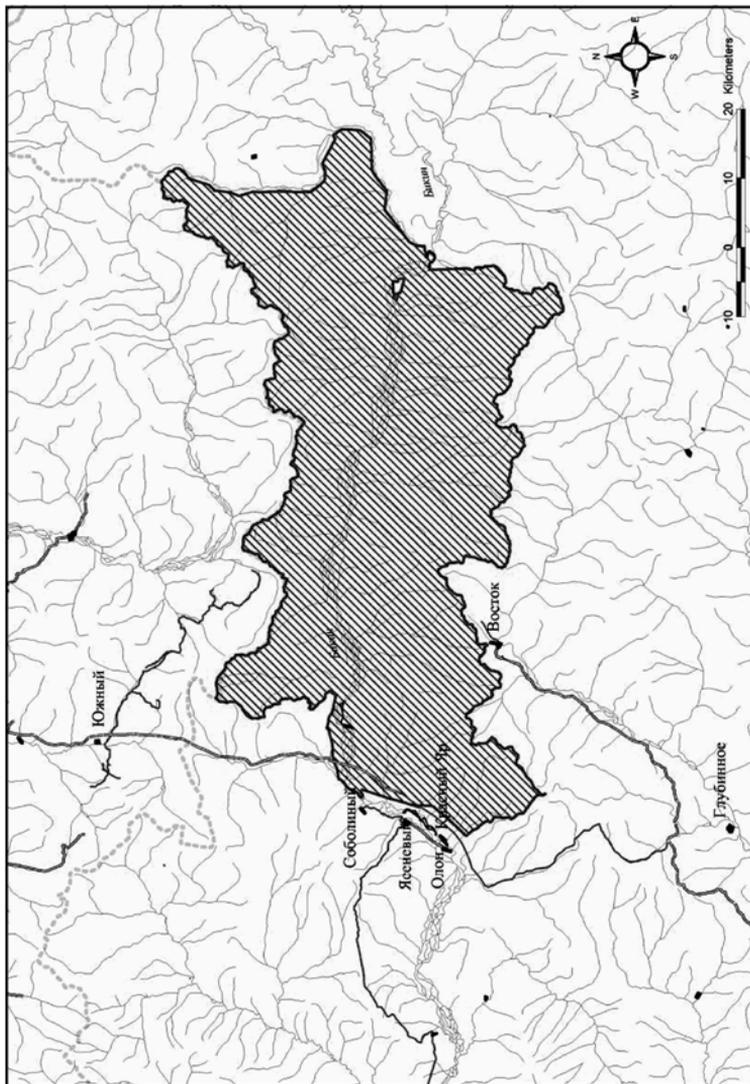
- ких реформ и демократических преобразований. Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1994.
14. Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА); [ред. рус. изд. Головнев А. В.]. – Екатеринбург – Салехард, 2007.
  15. *Итс Р. Ф.* Экология на примере природопользования Северных народов // Введение в этнографию: Учебное пособие. – Л., 1991.
  16. *Иванов С. В.* Удэгейцы // Народы Сибири: Этнографические очерки. – М.-Л., 1956.
  17. История и культура удэгейцев. – М.: Наука, 1989.
  18. Записки Общества изучения Амурского края. Том XXXVII. – Владивосток, 2004. Вып. 1
  19. Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» (1991 г.) (в редакции федерального закона от 10.01.2003 № 8-ФЗ) // Статус коренных малочисленных народов России. Правовые акты. Книга третья. – М., 2005.
  20. *Канчуга А. А.* Автобиографическая повесть: Детство. Юность. Изд. Филологический факультет Университета Хоккайдо. – Саппоро, 2003.
  21. *Кряжков В. А.* Вступительная статья // Статус коренных малочисленных народов. Книга III. – М., 2005.
  22. *Куриков В. М.* Основы жизнедеятельности народов Севера: Учебник. – Тюмень, 2007.
  23. *Куренцов А. И.* В убежищах уссурийских реликтов. – Владивосток, 1961.
  24. *Кялундзига В. Т.* Возрождение к жизни // Породнились на Амуре. – Хабаровск, 1982.
  25. *Ларькин В. Г.* Удэгейцы: (Историко–этнографический очерк с середины XIX века, до наших дней). – Владивосток, 1958.
  26. *Ларькин В. Г.* Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев // Труды ДВФ СО АН СССР им. В. Л. Комарова. Сер. ист. – Саранск, 1959. Т. 1
  27. *Ларькин В. Г.* Хозяйство и средства передвижения удэгейцев до установления советской власти // Тр. ДВФ СО АН СССР им. В. Л. Комарова. Сер. ист. – Владивосток, 1959. Т. 1.
  28. *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурженей в 12 веке (по материалам исследований Шангийского городища). – Новосибирск, 1974.
  29. Лесные традиционные знания коренных народов России. Исследовательская группа по биоразнообразию лесов. www.biodat.ru/chm/les/trad_for.htm
  30. Лесная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1986. Т. 2.
  31. *Лопатин И. А.* Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские: Опыт этнографического исследования. – Владивосток, 1922. Т. 17.
  32. Люди Севера (права на ресурсы и экспертиза) / Отв. ред. Новикова Н. И. – М., 2008.
  33. *Мурашко О. А.* Традиционные знания, культура и природопользование народов Севера. – М., 2005
  34. *Надаров И. П.* Северно-Уссурийский край // Зап. РГО. – СПб., 1887. Т. 17.

35. Народы Сибири: Этнографические очерки. – М., 1956.
36. *Новикова Н. И.* Права человека и права коренных малочисленных народов Севера России: гармония или антагонизм? // Человек и право: книга о Летней школе юридической антропологии (г. Звенигород, 22–29 мая 1999 года). – М., 1999.
37. *Новикова Н. И.* Традиционное природопользование – право и/или ответственность // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – М., 2000.
38. *Новикова Н. И.* Обычное право коренных малочисленных народов Севера, в системе российского законодательства: прошлое и настоящее // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. (Санкт-Петербург – Пушкин, 20–26 августа 2001 года). – М., 2002.
39. *Новикова Н. И.* Правовые обычаи коренных народов Севера: кто напишет правила для оленя // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. – М., 2003.
40. Обзор документации проекта «Сахалин–2», касающейся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалин // Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза. – М., 2008.
41. *Огородников В. И.* Русское и туземное земледелие на Амуре в XVII веке. – Владивосток, 1927.
42. Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. Ред. О. А. Мурашко. – М., 2002.
43. *Паничев А. М.* Бикин. Тайга и люди. – Владивосток: изд-во ДВГТУ, 2005
44. *Павлов П. Н.* Комментарий к Федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». – М., 2001.
45. *Плужников Н. В.* Наследники оленеводческих совхозов (заметки о современном арктическом оленеводстве России) // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири. – М., 2006.
46. *Подмаскин В. В.* Использование лекарственных растений и животных удэгейцами // Биологические ресурсы Восточной и Юго-Восточной Азии и их использование. – Владивосток, 1978.
47. *Подмаскин В. В.* Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам 19–20 вв. – Владивосток: ДВО РАН, 1998.
48. *Подмаскин В. В.* Этнические особенности сохранения здоровья народов юга Дальнего Востока: проблемы типологии врачевания и питания (середина 19–20 в.). – Владивосток, 2003.
49. Положение о территории традиционного природопользования малочисленных народов и режиме лесопользования в верхней и средней частях бассейна р. Бикин // Демографические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в

- условиях экономических реформ и демократических преобразований. Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1994. С. 118–182.
50. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. – М., 2002.
  51. Пучкова М. В. Статья в дискуссии «Обычное право сегодня» // ЭО. 2005. № 5.
  52. Сем Ю. А. Воспитание детей в традиционной культуре нанайцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Ленинград, 1988.
  53. Сем Ю. А., Сем Л. И. У нанайцев и уэгейцев бассейна р. Бикин // Записки ПФГО СССР. – Владивосток, 1956. Т. 20. № 1.
  54. Старцев А. Ф. Изменение быта удэгейцев за годы Советской власти // Социалистические преобразования жизни народов Советского Союза и пути их дальнейшего развития в свете решений XXIV съезда КПСС. – Якутск, 1976.
  55. Старцев А. Ф. Малочисленные народы Приморья накануне третьего тысячелетия (Основные итоги социально-экономического и культурного развития аборигенов советского и постсоветского периодов) // Проблемы национальных отношений в России и пути их разрешения. – Владивосток, 1999.
  56. Старцев А. Ф. История социально-экономического и культурного развития удэгейцев (середина XIX–XX в. в.). – Владивосток, 2000.
  57. Старцев А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина 19–20 в.). – Владивосток, 2005.
  58. Старцев А. Ф. «Наследник» Золотой империи. – Владивосток: Дальнаука, 2007.
  59. Старцев А. Ф. Социально-экономическая политика государственных органов управления и ее результаты в культуре хорских удэгейцев // Регионы нового освоения: экологические проблемы, пути решения: материалы межрегион. Науч.-практ. конф., Хабаровск, 10–12 окт. 2008 г.: в 2 кн. – Хабаровск: ДВО РАН, 2008. – Кн. 2. С. 614–616.
  60. Степанов В. В. Теория этноэкологической экспертизы // Методы этноэкологической экспертизы. – М., 1999.
  61. Степанов В. В. Этнологическая экспертиза // Обычай и закон. – М., 2001.
  62. Степанов В. В. Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. – М., 2006.
  63. Стратегия выживания поселка Красный Яр: отчет по исследованию энергетики поселка Красный Яр. – Зак. Тихоокеанский центр окружающей среды и ресурсов Sausalito California USA. – Владивосток, 1995.
  64. Семенов Ю. И. Основные понятия обычного права: Возникновение и развитие // Закон и жизнь. Юридическая антропология. – М.: ИЭА РАН, 1999.
  65. Сухомиров Г. И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. – Хабаровск, 1976.
  66. Тишков В. А., Степанов В. В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. – М., 2004.

67. *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчженей – удихе 12–13 в. в. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990.
68. *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск, 1933.
69. *Шнирельман В. А.* Бикинские удэгейцы: политика и экология // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 43. – Москва, 1993.
70. *Шибнев Б. К.* Природа бассейна реки Бикин. – Владивосток, 2004.
71. ЭКМНСиДВ 2005 – Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М., 2005.
72. Эколого-экономическое обоснование на создание территории традиционного природопользования «Бикин». – Москва, 2005.
73. «Этнологическая экспертиза» в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы. Сост. О. А. Мурашко. – М., 2006.
74. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958. Под ред. З. П. Соколова. Е. А. Пивневой. – М., 2004.
75. *Ямсков А. Н.* Территории традиционного природопользования в Хабаровском крае // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 96. – М., 1996.
76. *Ямсков А. Н.* Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. – М., 2006.
77. *Ingold T.* A Manifesto for the Anthropology of the North // Connections: Local and Global Aspects of Arctic Social Systems. Topics in Arctic Social Sciences 5. – IASSSA, 2005.

Приложение 1 Экспертируемая зона*

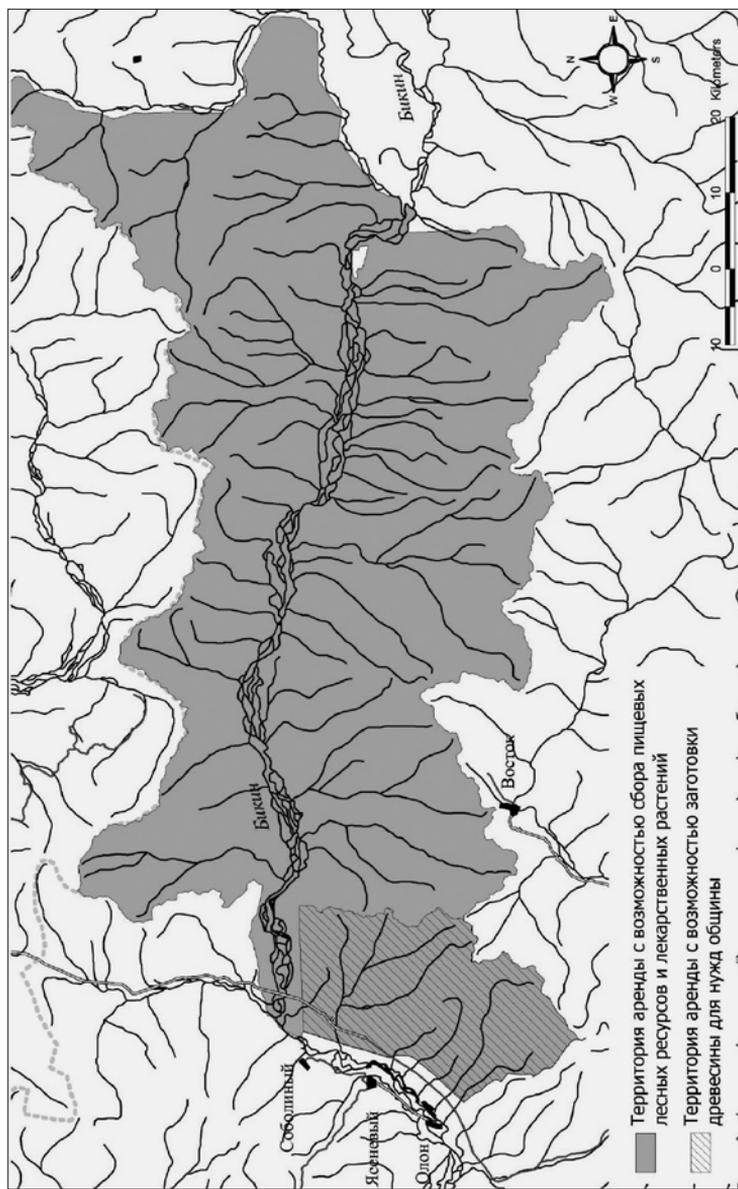

* Границы экспертируемой территории совпадают с границами орехово-промысловой и водоохранной нерезохранной зон.

Приложение 3

Предложения по выделению на экспертируемую территорию лесов с возможностью заготовки древесины для нужд общины

Приложение 4 Пищевые лесные ресурсы и лекарственные растения на территории хозяйства ООО ОУМН «Тигр»*

Вид ресурса	Промысловые запасы, т	Возможный сбор, т	Хозяйственное значение
Брусника	30–40	15–20	пищевое, медицинское
Голубика	30–40	20–25	пищевое
Клюква	3–4	1–2	пищевое, медицинское
Актинидия	10–12	5–8	пищевое
Лимонник, ягоды	25–35	2,120	пищевое, медицинское
Виноград	10–15	5–7	пищевое
Калина	15–20	10–15	пищевое
Орех кедровый	500–600	586,1	пищевое
Орех манчжурский	100–150	30–40	пищевое, лакокрасочное
Папоротник	20–25	16,100	пищевое
Грибы съедобные	40–60	10–15	Пищевое
Чайные сборы	300–400	150–200	пищевое, медицинское
Древесный сок	200–250	50–70	пищевое
Древесная зелень	150 000–200 000	70 000–80 000	животнов., мед., декорат., технич.
Медоносные растения	300–400	30–50	пищевое
Элеутерококк, корень	80–100	24,830	медицинское
Аралия		3,320	медицинское

* При составлении таблицы использованы данные, предоставленные общиной «Тигр». В таблице выделены жирным шрифтом ресурсы, сбор которых предусмотрен по договору аренды.

Приложение 5   **Динамические показатели осуществления видов традиционной хозяйственной деятельности**

Сравнительная таблица количества выданных именных разовых лицензий для добычи пушных видов диких животных, диких копытных животных, медведей и рябчика (выдра) ОО ОКМН «Тигр» за три сезона охоты с 2006 по 2009 г.*

№	Вид животного	Сезон 2006–2007		Сезон 2007–2008		Сезон 2008–2009	
		Кол-во охотников получивших лицензии	Кол-во лицензий получено/по ним добыто	Кол-во охотников получивших лицензии	Кол-во лицензий получено/по ним добыто	Кол-во охотников получивших лицензии	Кол-во лицензий получено/по ним добыто
1	Соболь	70	2000/2000	65	1600/1600	116	1820/1820
2	Выдра	5	5/5	1	5/5	3	3/3
3	Рябчик	–	224/453	–	148/123	–	151/151
4	Изюбрь	7	7/7	5	5/5	7	7/7
5	Кабан	30	30/30	13	13/13	30	30/30
6	Кабарга	28	80/80	1	50/50	15	201/201
7	Косуля	5	5/5	–	–	10	10/10
8	Лось	5	5/5	–	–	2	2/2
9	Медведь бурый	–	–	–	–	1	1/1
10	Медведь гималайский	–	–	–	–	1	1/1

* Все данные предоставлены ОО ОКМН «Тигр» в 2009 г.

К Приложению 6

1 – поселение **Верхний Перевал** (ранее Табандо; в 1907 г. в нем жили китайцы, корейцы и удэгейцы);

2 – поселение **Олон** (ранее Олонь; в поселке жили удэгейцы родов Суляндзига, Канчуга, Уза, Суанка и китайцы. Считается, что поселение существует не менее 400 лет);

3 – поселение **Сигоу** (после 1967 г. Ясенево; ранее в нем жили китайцы рода Лафанди, все представители которого умерли от оспы);

4 – поселение **Сяин** (ликвидировано в 1959 г.; жили удэгейцы родов Канчуга, Пеонка, Кукчинка, Геонка, Сундига и китайцы. Считается, что поселение просуществовало не менее 300 лет);

5 – поселок **Мадагоу**. В. К. Арсеньев называет его Цамодинза (до 1936 г. жили удэгейцы и китайцы, в 1971 г. недалеко был выстроен поселок Соболиный);

6 – стойбище **Окой** (ранее жил род Суанка);

7 – стойбище **Тохоло** (ранее Тоголо, жили удэгейцы рода Канчуга, а также несколько китайцев);

8 – поселок **Валикан** (жили удэгейцы, вероятно, из рода Канчуга и один китаец);

9 – стойбище **Бангэ** (ранее жили удэгейцы рода Канчуга);

10 – стойбище **Панчелаза** (вероятно жили удэгейцы рода Маринка);

11 – временное (охотничье) стойбище **Амба**;

12 – стойбище **Ульма** (жили удэгейцы родов Канчуга и Сигдэ);

13 – поселок **Метахеза** (ликвидирован в 1938 году; жили удэгейцы многих родов);

14 – временное стойбище **Хуйтун**;

15 – стойбище **Катэн** (ранее жило несколько удэгейцев и китайцев);

16 – временное стойбище **Гунчугу** (жили удэгейцы рода Сигдэ);

17 – временное поселение **Мудян** (жили удэгейцы и одно время китаец);

18 – стойбище **Гай** (жили удэгейцы рода Пеонка и Геонка);

19 – стойбище **Хабагоу** (жили удэгейцы рода Геонка);

20 – стойбище **Гангату** (жили удэгейцы рода Суляндзига);

21 – **Лаухэ** (ранее Лаохозен, жили представители родов Пеонка, Кялундзига, Канчуга, Коленчуга);

22 – **Улунга**, до начала XX в. временное поселение удэгейцев (жили представители рода Пеонка и Каленчуга), затем – поселок, который основали старообрядцы; с 1972 г. – поселок Охотничий.

Список приложений:

1. Карта экспертируемой зоны – к с. 24.
2. Схема распределения охотничьих участков в охотопромысловом хозяйстве ОО ОКМН «Тигр» – к с. 74.
3. Предложения по выделению на экспертируемой территории лесов с возможностью заготовки древесины для нужд общины – к с. 79.
4. Пищевые лесные ресурсы и лекарственные растения на территории хозяйства ОО ОКМН «Тигр» – к с. 92.
5. Динамические показатели осуществления видов традиционной хозяйственной деятельности – к с. 104.
6. Места временных поселений и постоянных стойбищ удэгейцев, существовавшие на территории среднего и верхнего течения р. Бикин (XVIII – середина XX в.) – к с. 123.

Вид на п. Олон, р. Бикин, 1955 г.
Фото В. Г. Ларькина из Электронного архива ИЭА РАН

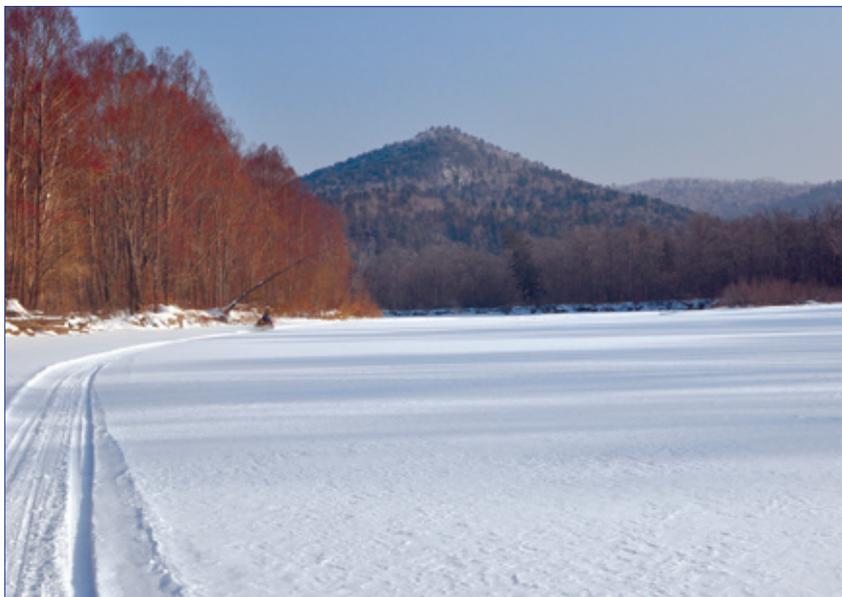
Женщина управляет батом, 1955 г.
Фото В. Г. Ларькина из Электронного архива ИЭА РАН

Удэгейская семья в п. Сяин, 1955 г.
Фото В. Г. Ларькина из Электронного архива ИЭА РАН

На крыльце дома в п. Сяин, 1955 г.
Фото В. Г. Ларькина из Электронного архива ИЭА РАН

Река Бикин – зимняя дорога, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Семейный выезд в лес для сбора ягод, 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Берег реки Бикин в с. Красный Яр, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Село Красный Яр зимой, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Охотник Я.Т. Канчуга в традиционном костюме, с. Красный Яр, 1992 г.
Фото из личного архива
В. А. Шнирельмана

Пожилая удэгейка с лепешкой из черемухи в руках, 1955 г.
Фото В. Г. Ларькина
из Электронного архива ИЭА РАН

Рыбная тала – традиционное блюдо из свежемороженой рыбы, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

За починкой снастей. Поселок Сяин, 1955 г.
Фото В. Г. Ларькина из электронного архива ИЭА РАН

Обработка кожи дикого кабана для пошива олочей, 1955 г.
Фото В. Г. Ларькина из Электронного архива ИЭА РАН

Удгеец на лодке, управляемой шестом, с. Красный Яр, 1992 г.
Фото из личного архива В. А. Шнирельмана

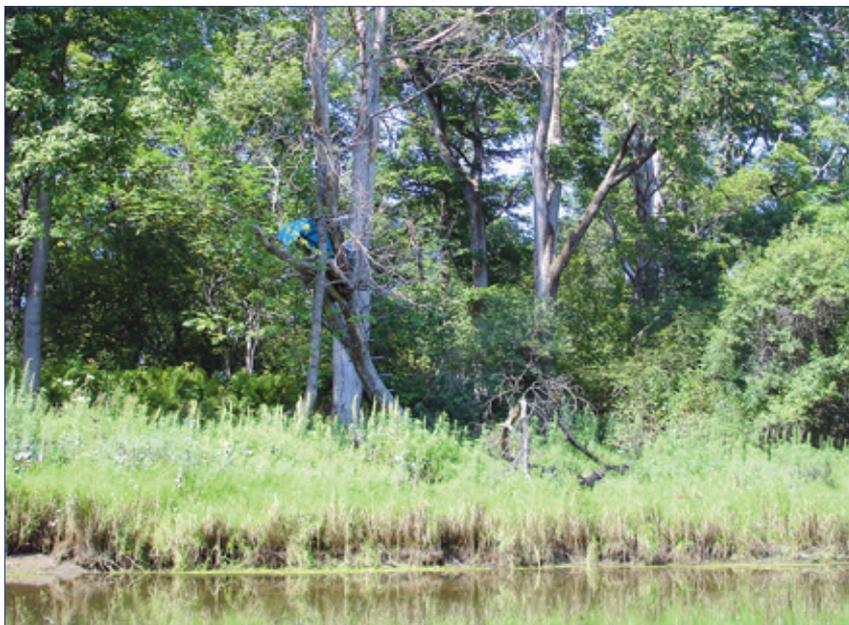
Охотничья избушка, 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Удэгейский охотник Александр Сигдэ за выделкой шкурки соболя, 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Ловушка на соболя, 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Обустроенный на дереве охотничий лабаз для выслеживания зверя, 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Остов традиционного летнего шалаша на косе, 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Сергей Калугин, охотник, егерь общины «Тигр», 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Сбор голубики на мари около с. Красный Яр, 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Обряд «Кормление духа огня», 2009 г.
Фото О. О. Звиденной

Охотники, принимающие участие в экспедиции по подсчету численности промысловых животных, 2010 г. Фото из личного архива В. Арамилева (Институт устойчивого природопользования)

Работа егеря общины в научной экспедиции, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Охотничье зимовье на протоке Хабагоу, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

При передвижении зимой в лесу на снегоходе
охотники всегда берут с собой традиционную обувь олочи, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Охотничьи рассказы, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Первый класс 2009 года, Красноярская сельская школа
Фото О. О. Звиденной

Женщины за работой в сувенирной мастерской, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Образцы традиционной сувенирной продукции: обереги,
защитные амулеты с изображениями животных, украшения, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Выдача охотничьего билета на празднике,
посвященном закрытию охотничьего сезона, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

Соревнования на меткость среди молодых охотников
села Красный Яр, 2010 г.
Фото О. О. Звиденной

O. Zvydonna, N. Novikova

UDEGE PEOPLE – THE BIKIN RIVER HUNTERS AND GATHERERS: 2010 ETHNOLOGICAL REPORT

This volume is focused on the basis of the ethnological examination conducted by “Ethnoconsulting Ltd.” The analysis took place at the forest area rented by a community of the Udege indigenous people “The Tiger” residing in Primorski Kray’s Pozcharsky district. It examines the living conditions of the local community Krasniy Jar, including Udege traditional wildlife management, socio-demographic and employment situation, the use of traditional knowledge and the place of aboriginal culture in the world.

This monograph introduces readers to the nature of ethnological expertise and its legal grounds. The authors give some recommendations to public authorities and to the local government as well as to aboriginal people organizations. These recommendations raise the issues of mutually accepted administrative decisions optimization, legal statements and customary-law regulations of traditional nature management and modern social and economic development of the indigenous peoples – the Udege.

The book is aimed at historians, ethnographers, social anthropologists, lawyers, ecological movements’ activists as well as at the organizations of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East – at those who are interested in smaller aboriginal peoples in Primorski Kray area.

Об авторах

Оксана Олеговна ЗВИДЕННАЯ – аспирантка Института этнологии и антропологии РАН, координатор проектов ООО «Этноконсалтинг». С 2007 г. проводит полевые исследования среди удэгейцев Хабаровского и Приморского края, участвовала в проведении этнологической экспертизы в Ямало-Ненецком автономном округе. Работает над диссертацией «Удэгейцы-охотники: традиционное природопользование и этническая идентичность в контексте современных адаптационных процессов».

Наталья Ивановна НОВИКОВА – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, исполнительный директор ООО «Этноконсалтинг». С 1977 г. проводит полевые исследования среди хантов, манси, ненцев, эскимосов, нивхов, уйльта, удэгейцев в России и инуитов в Канаде. Автор более 100 научных работ по этнологии и юридической антропологии коренных малочисленных народов Севера, взаимодействию коренных народов Севера и нефтегазовых компаний в Западной Сибири и на о. Сахалин в контексте международного, национального и обычного права. Автор разделов, статей и ответственный редактор восьми книг из серии «Исследования по юридической антропологии», последняя – «Люди Севера (права на ресурсы и экспертиза). Исследования по юридической антропологии» (М., 2008).

Оксана Олеговна Звиденная
Наталья Ивановна Новикова

**Удэгейцы:
охотники и собиратели реки Бикин**

Редактор: *О. Г. Свиридова*
Корректор: *Т. В. Калинина*
Оформление обложки: *А. Г. Яковлев*
Компьютерная верстка: *О. Г. Свиридова*

Подписано в печать 14.08.2010. Формат 60x90 1/16
Гарнитура *PetersburgC*. Печать офсетная. Печ. л. 10,25
Тираж 500 экз. Заказ _____

ООО «Издательский дом “Стратегия”»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 4, стр. 1
Тел.: (495) 699-32-82
ИП Андрей Яковлев,
119331, Москва, ул. Марии Ульяновой, д. 27
Тел: 905-794-47-17

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Полиграфический комплекс “Ориус”»
398055, г. Липецк, ул. Московская, 83